

Евгений Александрович Глущенко
Россия в Средней Азии.
Завоевания и преобразования
Серия «Россия забытая и неизвестная»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=583695*

*Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02167-0*

Аннотация

Вниманию читателей предлагается книга известного историка Е.А. Глущенко, посвященная завоеванию и преобразованиям Средней Азии, на территории которой было образовано Туркестанское генерал-губернаторство Российской империи. Автором подробно описаны процессы присоединения к России регионов, сложившихся вокруг таких городов, как Ташкент, Самарканд, Бухара, Хива, Коканд, Геок-Тепе и др., и последующая их цивилизация. В книге представлено участие в этих процессах российских императоров, в первую очередь Александра II, приводится галерея видных российских военных и административно-хозяйственных деятелей.

Представляемый читателям труд в определенной степени является ответом на вызов со стороны историков независимых государств, в первую очередь Узбекистана, «труды» которых непрофессиональны, зачастую фальсифицированы и отличаются неприятием очевидных фактов. Такие «откровения», отягощенные к тому же агрессивной русофобией, переходят в учебники истории для средних учебных заведений и отравляют сознание современных поколений населения этих стран.

На основании результатов новых архивных изысканий, мемуаров, публикаций последних лет в книге рассмотрены проблемы личностных отношений коренных жителей и русских людей, вопросы взаимоотношений русской администрации с местным населением, исповедующим ислам. Книга снабжена именным указателем и большим количеством иллюстраций.

Как и вся серия, книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся правдивой отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей и межгосударственных взаимоотношений между близкими когда-то народами России.

Содержание

Введение	4
Часть первая	10
Предыстория	10
Подготовка присоединения Средней Азии	35
Взятие Ташкента	42
На подступах к славе	47
Заветная цель	52
Самаркандская история	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Евгений Александрович Глущенко

Россия в Средней Азии.

Завоевания и преобразования

*Памяти друга, талантливого ученого Евгения Фролова
посвящается*

Введение

Россия разделила судьбу Англии, Франции и других европейских государств, имевших колониальные владения. После распада колониальных империй на карте мира, главным образом в Азии и Африке, появились десятки независимых стран, обитатели которых на первых порах находились в состоянии эйфории, радуясь избавлению от заморских господ и наставников. Но проходили годы, а большие ожидания нового счастья и экономического процветания не сбылись, более того, положение в народном хозяйстве становилось заметно хуже в сравнении с колониальными временами.

Случилось то, чего никто не ожидал: боготворимые вожди национально-освободительных движений с великим усердием занялись самообогащением и самовозвеличиванием, воздвигая себе памятники при жизни на пьедесталах, на которых еще вчера стояли кумиры колонизаторов. От героев освобождения старались не отставать чиновники всех рангов – казнокрадство стало нормой; вспыхнули подспудно тлевшие межэтнические конфликты; незаконная смена власти стала повседневной обыденностью.

Независимость оказалась тяжким испытанием, которое не способны были выдержать самонадеянные борцы за нее. У них для этого не было ни знаний, ни умения, ни опыта. А недовольство «низов» росло. Оставалось искать виновных собственной непригодности на стороне. На долгие годы вперед виновными в «наших трудностях» были назначены колонизаторы. Это они что-то не доделали, что-то не построили, чего-то недодали. Направо-налево раздавались филиппики в адрес бывших колониальных хозяев, а параллельно (ради укрепления силы духа и патриотического подъема масс) сочинялись новые, достойные свободных народов национальные истории. Во-первых, всячески восхвалялись деяния предков (порою вымышленные), во-вторых, со всей страстностью обличались колонизаторы, при-несшие неисчислимые страдания, имевшие долго действующий эффект.

Практически то же случилось на постсоветском пространстве после распада Советского Союза, который, кстати, колониальной державой не был, уже хотя бы потому, что национальные республики («колонии») жили лучше, чем Россия («метрополия»). И тем не менее вот уже второе десятилетие в адрес России сыплются упреки со всех сторон самого разного свойства.

«В 1990 г., когда отношения центра и республик начали стремительно ухудшаться, – сказано в сборнике «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», – исторический образ России столь же стремительно обретал абсолютно отрицательные черты. Страной-агрессором, душителем национальной независимости она предстает уже не только со времен Сталина, но и с досоветских времен»¹.

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 77.

В постсоветских государствах к настоящему времени созданы новые национальные истории, основанные на «новом историческом мышлении»², составным элементом которого является откровенная русофобия. Национальные историки вновь вооружились ветхими идеями первого советского историка-марксиста М.Н. Покровского, утверждавшего, что присоединение их земель к Российской империи было абсолютным злом», тем более что Ленин давно объявил Россию «тюрьмой народов». Покровский и его ученики, развивая ленинскую мысль, не скупились на крепчайшие выражения. Они много и настойчиво писали о «зверствах царизма», о «дикой эксплуатации местных народов», о «кровавых псах царской охранки» и т. п. Их идеи теперь развивают в Ашхабаде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте и в других столицах СНГ.

Как в Африке, так и на просторах СНГ элиты новых независимых государств озабочены самоутверждением и легитимацией «своих» гимнов, гербов, «своей» истории и власти, к тому же они испытывают дефицит героики. Помогают ученые: удревяняют родную историю, присваивают достижения народов, сошедших с исторической сцены, находят новых героев (порою с весьма сомнительной репутацией), расцветивают их деяния, демонстрируя таким образом все грани «нового исторического мышления».

«Сервильность историков, – пишут авторы сборника «Национальные истории...», – не требует особых комментариев. Историописание воспринимается большинством из них, сформировавшихся в советское время, в качестве идеологического инструмента, камертоном которого служат установки «сверху»³.

Автора, изучающего историю Русского Туркестана, в первую очередь интересовала историческая литература, изданная в Средней Азии в последние два десятилетия. Познакомиться с ней оказалось делом нелегким, поскольку в библиотеки Москвы и Петербурга книги оттуда практически не поступают, тем не менее автору удалось собрать небольшую коллекцию книг, авторефератов диссертаций, брошюр, журналов и газет, изданных в 90-х гг. XX в. – начале века нового. Все эти материалы напечатаны в Ташкенте, где в советское время существовала солидная историческая школа. Изучив свою коллекцию, автор получил возможность составить представление о содержании современного научного поиска в центре бывшего Туркестана, о его преобладающих тенденциях, о «движущей и направляющей силе».

Удалось, прежде всего, обнаружить сигнал «сверху». В июне 1998 г. на встрече с историками Узбекистана президент страны Каримов обозначил ориентиры: «самосознание начинается со знания истории», «без исторической памяти нет будущего», «история – основа духовности народа»⁴. Все корректно и даже безупречно. Далее, в развитие целеуказаний главы государства последовало в том же году постановление кабинета министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан», в котором подвергается критике научное учреждение за невнимание к насущным нуждам народа и ставятся задачи в свете. В лучших советских традициях, в стиле постановлений ЦК КПСС.

Директивный орган указывает ученым, что их задачей «является изучение подлинной истории узбекского народа», от ученых требуют отказаться от «однобокого подхода, фальсификации прошлого, пропаганды колониальной идеологии при исследовании истории узбекского народа и его государственности»⁵.

² *Гарипов Р.Г.* Историография общественно-политических и национально-прогрессивных движений в Туркестане начала XX в.: Автореф. дис. к. и. н. Ташкент, 2001. С. 11.

³ *Национальные истории...* С. 64.

⁴ Цит. по: *Исмаилова Ж.Х.* Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. Ташкент, 2002. С. 3.

⁵ Народное слово. 1998. 28 июля. С. 1.

Как говорится: «уже теплее», ближе к теме, уже понятнее, и научные кадры (ученые кадры) все понимают. Так, к примеру, получена установка считать, что период колониализма длился не 50 лет, а все 130. «Вначале это была эпоха колониального правления Российской империи, затем – десятилетия империи советской»⁶. Что это значит? Значит, что советский период узбекской истории был таким же ужасным, разрушительным и непродуктивным, как и период подчинения Российской империи.

В сущности, узбекским историкам не пришлось резко перестраиваться – они и до «судьбоносного» постановления работали в русле «нового исторического мышления», просто теперь можно было ничего и никого не опасаться, ни на кого не оглядываться: за спиной была поддержка официальной власти. Выход исторических работ заметно увеличился как на русском, так и на узбекском языке. Стало больше работ на узбекском языке, расширился круг авторов – к авторам, работавшим в советское время, добавились молодые силы.

Итак, сегодня можно говорить о довольно внушительном списке обвинений, выдвинутых современными узбекскими историками в адрес дореволюционной России («которую мы потеряли»). Перечислю наиболее серьезные.

Историки современного Узбекистана обвиняют русских в том, что они «заблокировали естественную эволюцию среднеазиатской государственности»⁷. Негативным фактором русского управления называют «разрушение царским самодержавием национальной государственности, пренебрежение кровными интересами коренного населения, лишение его политических прав и свобод»⁸.

Что касается «естественной эволюции среднеазиатской государственности», то и сейчас, и 150 лет назад было известно, что никакой эволюции не было, а был политический и экономический застой, характерный для всех трех среднеазиатских ханств. Кстати, русские сохранили в первозданной чистоте Бухарское и Хивинское ханства, которые в течение 50 лет (1867–1917) имели все возможности «естественно эволюционировать», только эти «государства» такой возможностью не воспользовались.

Смешно звучит обвинение, касающееся «лишения политических прав коренного населения», которое таковых не имело. Подданные ханов и эмиров не имели ни имущественных, ни каких-либо других гражданских прав, кроме права лишиться головы без суда и следствия.

Россия обвиняется в стремлении христианизировать население Средней Азии⁹, хотя все было как раз наоборот. Русские власти не допускали в регион православных миссионеров, чтобы не создавать конкуренцию исламу и не вызывать враждебных настроений в мусульманской среде. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман долгие годы сопротивлялся учреждению в крае православной епархии. Более того, русская администрация отпускала деньги на восстановление мусульманских святынь и строительство новых мечетей.

Русские переселенцы якобы наводнили Туркестан и захватили земли коренных жителей, то есть представляли для местного населения серьезную угрозу¹⁰. Но Туркестан в начале XX в. был заселен слабо (около 5 миллионов человек), а русские селились в основном в городах и железнодорожных поселках. К 1917 г. русских поселенцев в сельской местности на огромных земельных просторах края проживало всего около 500 тысяч человек. Сегодня,

⁶ Котюкова Т.В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи (1905–1917 гг.): Автореф. дис. к. и. н. Ташкент, 2001. С. 3.

⁷ Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. Ташкент, 1999. С. 4.

⁸ Исмаилова Ж.Х. Указ. соч. С. 28.

⁹ См.: Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997. С. 36.

¹⁰ См.: там же. С. 90.

кстати, только в Узбекистане (в свое время – часть Туркестана) насчитывается более 25 миллионов жителей и, кажется, там не жалуются на перенаселенность.

Одно из самых необоснованных и грубых обвинений – это обвинение России, пришедшей в Среднюю Азию якобы с целью грабежа. «Царизм в экономическом плане преследовал цель – как можно быстрее и без затрат со своей стороны извлекать материальную выгоду от приобретенных территорий»¹¹, – пишет Ф. Исхаков, историк, сформировавшийся в позднесоветское время, когда беспардонное вранье считалось уже делом неприличным. Впрочем, в нашем случае обращение к нравственным категориям наивно и неуместно.

Колонизаторы XIX в., будь то англичане, французы или русские, не могли позволить себе грабить колонии, так как это было нерационально и нерентабельно. В XIX в. колонии должны были приносить стабильный доход, а для этого в них приходилось вкладывать капиталы. Так, в Средней Азии русских привлекал хлопок, но он был низкого качества, а потому пришлось затратить большие средства на селекционную работу и в течение нескольких лет вывести новый сорт хлопчатника, волокно которого было пригодно для российской текстильной промышленности. И еще: дефицит краевого бюджета Туркестана с 1869 по 1911 г. составил 149 710 605 рублей. С 1869 по 1906 г. ежегодный дефицит равнялся в среднем 3 млн рублей, и только с 1906 г. бюджет стал профицитным¹². Более того, российские исследователи высказывают обоснованное мнение, что «Россия всегда была донором колонизируемых народов (поддержание уровня жизни периферий через централизованную редистрибуцию доходов, механизм дотаций)»¹³. Какой уж тут грабёж!

Проникнутые идеями постановления правительства «О совершенствовании деятельности», отказавшиеся от «фальсификации прошлого, пропаганды колониальной идеологии», историки независимой Республики Узбекистан в короткий срок создали... новую мифологизированную историю. Так, современные этносы страны стали прямыми наследниками блестящих цивилизаций древности – Бактрии, Парфии, Кушанского царства, Хорезма.

Другая и, пожалуй, любимая мифологема последователей «нового исторического мышления» – «независимость Узбекистана явилась результатом упорной национально-освободительной борьбы народов нашей страны»¹⁴. Этому сюжету посвящены десятки работ, созданных в последние два десятилетия¹⁵.

Казалось бы, все эти изыскания суть внутреннее дело недавно возникшего государства, да и издаются их небольшими тиражами. Вред от них в другом: ученые штудии носителей ученых степеней и академических титулов попадают на страницы школьных пособий, которые выделяют некие народные умельцы. Предназначенные для любознательного юношества учебники печатаются многотысячными тиражами.

Перед нами «История Узбекистана (вторая половина XIX века – начало XX века). 9-й класс. Утверждено Министерством народного образования Республики Узбекистан в качестве учебника для учеников 9-го класса общеобразовательной школы» (Ташкент, 2001. 336 с. Тираж 30 тыс. экз.), автор Жумабой Рахимов.

Кроме учебника для девятого класса Рахимов написал учебник для шестого класса и несколько статей. «Они, – сказано в справке на обложке «Истории Узбекистана», – объединены одной общей темой – воспитание национальной гордости, уважения к духовным ценностям и патриотизма у учащихся на уроках истории»¹⁶. На первой странице книги от себя

¹¹ Там же. С. 33.

¹² См.: Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Полтава, 1912. С. 87.

¹³ Черкасов П., Чернышевский Д.. История императорской России. М., 1994. С. 333.

¹⁴ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ См., напр.: Гарипов Р.Г. Указ. соч. С. 20–21.

¹⁶ Рахимов Ж. История Узбекистана. Ташкент, 2001. Обложка.

автор сообщает, что при изучении истории «во главу угла должны быть поставлены правдивость и объективность»¹⁷.

Список использованной литературы насчитывает 30 наименований, из них работа русского автора и на русском языке только одна, остальные написаны на узбекском, главным образом в 90-х гг. прошлого века. Рахимов писал историю Русского Туркестана, а потому ради «объективности» следовало бы использовать в основном русскоязычные источники и литературу – так принято в научном сообществе.

Свой учебник Рахимов написал на узбекском языке, а русский либо знает плохо, либо совсем не знает. Узбекский текст переводили на русский неквалифицированные переводчики, плохо знающие русскую историю и ее реалии, а Рахимов не сумел исправить плохой перевод. Встречаются совсем смешные огрехи. Так, в тексте договора, заключенного генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом с бухарским эмиром Сеидом Музаффаром в 1868 г., дважды упомянут Император, которого почему-то титулуют «Его Превосходительство господин Император России». Под документом стоит название источника: «Правительственный вестник», 1872, № 238¹⁸.

Такого, конечно, быть не могло – ни одно должностное лицо в России не посмело бы титуловать Государя Императора Всероссийского «Превосходительством». Можно предположить, что перевод делался с узбекязычного текста договора и никто его не сверил с русским оригиналом.

В учебнике помещены некие документы» (вроде того, что цитировался выше), но большинство из них не имеют ни названия, ни источника, из которого «документ» извлечен.

Автор и переводчики плохо знают русские реалии, а потому текст наполнен странными, якобы русскими терминами и словосочетаниями типа: «высшая академия штаба» (надо: Академия Генерального штаба), «батарея конных солдат» (надо: батарея конной артиллерии), походные колонны названы фронтами, на вооружении русской армии в 1873 г. оказались пулеметы¹⁹ и т. п. Перевернуты даты и русские фамилии.

Это свидетельство непрофессионализма, но – мелочи в сравнении с назойливой тенденциозностью содержания, с пафосом книги: русские – жестокие враги, угнетатели и грабители. «22 сентября ценой зверского уничтожения людей враги вошли в Чимкент. После взятия города начались невиданные грабежи»²⁰. Россия – «вор имущества в мировом масштабе», «беспоощадная империя»²¹.

Такие словосочетания, как «русские колонизаторы», «русские шпионы», «русские захватчики», на 336 страницах книги встречаются 292 раза. Какой-то учебник ненависти! Книга перенасыщена злобной русофобией. Подобных учебных пособий в Узбекистане вышло несколько.

Проходят годы, но «невежественное охаивание Руси» (выражение Д.С. Лихачева) на постсоветском пространстве продолжается, набирая силу. Проблема стала настолько раздражающей, что игнорировать ее стало невозможно. Указом президента Российской Федерации Д.А. Медведева «в России создана комиссия при президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб России. Дмитрий Медведев утвердил положение о ней и состав в числе 28 представителей государства и общества во главе с руководителем Администрации президента Сергеем Нарышкиным. Борьба с теми, кто сознательно искажает про-

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ См.: там же. С. 169.

¹⁹ См.: там же. С. 117–118.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 133.

шное, начинается на самом высоком уровне. Комиссия займется обобщением информации о намеренном и «уменьшающем престиж России» искажении исторических фактов»²².

Бороться с «клеветниками России» (А.С. Пушкин) уговорами, тем более силовыми мерами невозможно – остаются статьи, книги, публичные выступления. В какой-то степени этой цели может послужить предлагаемая книга. Доныне такой работы у нас не было. В советское время издавались труды, касавшиеся тех или иных политико-экономических проблем указанного периода, но обобщавшей весь комплекс вопросов работы не было.

Книга «Россия в Средней Азии» не претендует на исчерпывающий анализ и описание событий названного времени – речь пойдет только о наиболее значимых.

К вопросу о термине «Средняя Азия»: географический термин получил определенное значение со времени А. Гумбольта и употреблялся для обозначения внутренних частей Азиатского материка. Территорию Средней Азии ныне занимают Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия. До 1917 г. в обиходе был термин «Туркестан», который охватывал указанные выше страны, а также южную часть Казахстана.

Мы предпочли бы вернуть термин «Туркестан» и назвать книгу «Россия в Туркестане», но «Туркестан» – сегодня почти забытый термин.

Автор выражает искреннюю благодарность Валентине Павловне Хохловой, Валентине Алексеевне Благово и Сергею Алексеевичу Сапожникову, без чьей доброжелательной поддержки эта книга не смогла бы увидеть свет.

²² Известия. 2009. 20 мая. С. 1.

Часть первая Завоевание края

Предыстория

Исторически и географически Средняя Азия (Туркестан) является составной частью Центральной Азии, которая занимает огромную территорию земной суши, протянувшись почти на 7 тысяч километров – от Каспийского до Японского моря и на 1,5 тысячи километров – с севера на юг. Ее площадь около 6 миллионов квадратных километров. Копетдаг, Гиндукуш, Памир, Тибет с горной грядой Куньлунь создают южный барьер, прочно запирающий этот огромный массив от воздействия южных морей, а с севера – Алтай, Саяны, Становой и Яблоневый хребты, Хинган надежно прикрывают от воздействия Северного Ледовитого океана, а Тянь-Шань рассекает Центральную Азию на две части – западную и восточную. В западной части основное пространство занимает Туранская низменность, в восточной – Великая Китайская равнина, а также три обширные пустыни – Такла-Макан, Алашань и Гоби.

Такое сочетание горных массивов и пустынь создало физико-географический эффект, не имеющий аналогов в мире. Климат Центральной Азии пустынный, резко континентальный, здесь постоянно дуют сильные ветры, выветривая огромные массы песка и пыли с гор и разнося их по всему региону в виде пыльных бурь и ураганов, которые в состоянии превратить день в ночь и снизить видимость до 10–15 метров. Во время песчаных бурь исчезали караваны вместе с сопровождающими их людьми, разрушались жилые строения, камнем и песком забивались колодцы. Ветры огромной силы «формировали» скалы, придавая им невероятные, причудливые очертания, что стимулировало фантазию человека, которому в этих сотворенных ветром скалах чудились мифические существа. Именами этих существ люди называли близлежащие долины Алашань и Гоби.

Путешественники позднего времени встречали здесь русла неизвестных рек, не обозначенные на картах, развалины древних городов. Там, где некогда бурлила жизнь, оставались лишь контуры построек и улиц – ветер стирал память о людях, об их жизни. Все исчезало здесь бесследно, и никто из местных жителей не мог сказать ничего о мертвом городе. Не сохранилось даже преданий.

Средняя Азия, благодаря расположению Тянь-Шаня по меридиану, оказалась более подверженной воздействию Центральной Азии, ветер нес сюда пыль, песок вдоль горных хребтов, которые часто играли роль аэродинамических труб, усиливая ветер, превращая его в бураны.

Но у Средней Азии оказалось достаточно природных сил, противостоящих нашествию этих ветров. Две великих реки – Амударья и Сырдарья – охраняли живую жизнь, а четыре громадных резервуара – озеро Балхаш, Иссык-Куль, Арал и Каспийское море – удерживали в атмосфере необходимый минимум влажности, заставляли песок оседать, образуя теплые весенние дожди, обильные осенние ливни и надежный, временами до метра толщиной снежный покров, позволявший почве насытиться влагой.

Средняя Азия протянулась с запада на восток от Каспийского моря до ледникового массива Хантенгри на Тянь-Шане на 2400 километров, а с севера на юг от казахских степей до Кушки – на 1280 километров. Отчетливо выделяются низменности – Туранская равнина, Ферганская, Зеравшанская и Сурхан-Шерабадская долины, которые длинными языками вдаются в горные зоны. Особенности циркуляции атмосферы, в которой участвуют арктиче-

ские, умеренные и воздушные тропические массы, создают, с одной стороны, устойчивость высоких летних температур и, с другой – резкие понижения температуры зимой, обильные дожди и снегопады зимой, осенью, весной.

В Средней Азии с гор сбегает около 6 тысяч рек длиной более 10 километров каждая, из них 3700 – в бассейнах Амударьи и Сырдарьи. Амударья – наиболее водоносная из рек Средней Азии – превосходит Днепр по среднему расходу воды в 1,2 раза, а Дон – в 3 раза.

В силу благоприятных климатических условий Средняя Азия стала одним из семи основных центров происхождения культурных растений – юго-западно-азиатских. Это был мировой очаг происхождения большинства хлебных злаков – пшеницы, ячменя, ржи.

Около 15 процентов всей мировой культурной флоры ведет происхождение из этого региона.

Главной заботой населения Средней Азии на протяжении всей истории существования здесь было создание ирригационных сооружений, расширение культурных площадей и лесонасаждений, разведение садов. Это было надежной защитой против наступления песков. Вот почему основной заботой всех среднеазиатских правителей всегда было развитие ирригационных сооружений, что требовало сохранения владельческих прав на землю в одних руках, то есть в руках правителя, – частной собственности на землю в Средней Азии практически не было.

Это привело, с одной стороны, к распространению и расширению посевных площадей, садов, пастбищ, ирригационной сети, а с другой – к технологическому застою. Почти два тысячелетия *омач* (деревянная соха) сохранялся в качестве главного орудия обработки земли и почти в неизменном виде оставались налоговая система и родо-племенные отношения; вплоть до Новейшего времени сохранялось кочевничество.

Кочевники вели специфический образ жизни – кочевали в поисках наиболее удобных пастбищ. В ходе своих передвижений по степи они сталкивались с другими племенами в борьбе за земли, годные для выпаса скота, или же с централизованными государствами, которые стремились обложить их данью. Это обстоятельство способствовало сплочению кочевых кланов, объединению их в крупные кочевые военно-племенные союзы со своим верховным правителем и своей политической структурой наподобие «кочевых империй» Огузхана или Чингисхана. Появление таких государственных объединений означало распад первобытно-общинного строя, закрепление частной собственности на скот, превращавшийся в средство обмена, и возникновение имущественного и социального неравенства.

Лошадь была для кочевников всем – залогом их существования. Она была транспортным средством, основным элементом пищевого рациона, давала материал для одежды и постройки жилища. Достаточно сказать о молоке кобылиц, которое употреблялось в свежем и скисшем виде. Из этого молока делали творог, сыр, масло. Почти в каждой юрте мешками стоял *курут* – маленькие шарики из высушенного творога, который заменял кочевнику хлеб. Вся жизнь кочевников была регламентирована сменой времен года – зиму они проводили в отапливаемых помещениях, называемых *кишлаками* (то есть зимнее стойбище), а летом отправлялись на *яйлак* (летнее стойбище).

* * *

В течение многих столетий на просторах Центральной Азии возникали и распадались могучие протогосударства, в том числе кочевые. Первой известной «кочевой империей» был возникший в III в. до н. э. военно-племенной союз *хуннов*, который объединял 24 племена. Своего расцвета эта империя достигла при Огузхане (209–174 до н. э.). Он покорил Китайскую империю, Тангутское царство, завоевал все владения, расположенные от Монголии до Индии, подчинил себе все земли до Каспийского моря.

В I в. до н. э. держава хуннов распалась, южная часть была поглощена Китаем, северные племена, кочевавшие по территории Южной Сибири и Монголии, откочевали к западу и основали новое царство на Алтае и в степях Восточного Казахстана. Быстро растущая численность этноса и увеличение числа племен толкали хуннов двигаться дальше на запад. В начале II в. н. э. они проникают за Волгу и донские степи, включают в свой состав разнообразные местные племена.

В 445 г. правителем хуннов становится Атила, при котором хуннская держава заняла огромную территорию на востоке Римской империи и районы расселения многих племен Западной Европы. Поражение Аттилы в 451 г. в Галлии в столкновении с римскими легионерами (Каталунская битва) приостановило движение хуннов, и после смерти Аттилы в 453 г. его империя распалась.

В середине VI в. поднялась новая волна продвижения кочевников. Результатом было создание Тюркского каганата, объединившего обитателей Великой степи от Алтая до Дона. Каганат просуществовал 200 лет, ему удалось подчинить своему культурному влиянию местные этносы — *кипчаков* (половцев), *карлуков*, *кыргызов*, *туркмен* и *киданей*., которых считают предшественниками тюркских племен. Китайцы считали *тюрок* потомками хуннов, того же мнения придерживается и современная наука. Считают также, что прародителями тюрок был народ *сяньби*, обитавший в древности восточнее ареала расселения *монголов*.

Язык и письменность тюрок зафиксированы в древнейшем памятнике тюркского языка – орхонских надписях (по названию реки Орхон в Монголии, где они были обнаружены), относящихся к VIII в. н. э. Этноним «тюрк» означает «сила, мощь». В XI в. н. э. Махмуд Кашгарский, филолог и историк, писал о 20 тюркских народах, которых он разделяет по районам их расселения на северных и южных.

Важную роль в судьбах народов Средней Азии сыграл Великий шелковый путь. Это была сеть дорог, связывавших торговые и культурные центры Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока. Начала эта сеть действовать со второй половины II в. до н. э. Торговые связи Средней Азии с Ираном привели к удлинению этой дороги до Средиземного моря, и она приобрела межконтинентальный характер.

Через Среднюю Азию проходили две *шелковые* дороги – южная и северная. Южная брала начало в китайском городе Юймыне, шла вдоль Южных гор до Яркенда и далее в Вахан, где путь раздваивался – один маршрут вел караваны на Дамаск и заканчивался в Антиохии, другой проходил через Гилгит и Кашмир в Надхару и заканчивался в устье реки Инд.

Северная дорога из Китая проходила по северному подножию Тянь-Шаня через перевал Терек-Даван в Ферганскую долину, отсюда через Шаш (Ташкент), Самарканд, Бухару, Хорезм шла на север, проходила через Приуралье и нижнюю Волгу, оканчиваясь в греческих колониях Причерноморья.

Вся дорога от Китая до средиземноморских портов Тир и Сидон, куда доставлялись китайские товары, имела протяженность свыше 9 тысяч километров. Купцы, гонцы, проводники караванов двигались непрерывно в обоих направлениях. Особенно большая роль в торговле на Шелковом пути принадлежала *согдийцам* (то есть самаркандцам). Согдийскими купцами были основаны поселения в крупных торговых центрах Средней Азии, Восточного Туркестана и Северного Китая. На одном из перекрестков торговых путей в Китае, в Дунхане согдийское поселение насчитывало не менее тысячи жителей. По южному пути согдийские караваны шли через Памир и Северную Индию.

Главным товаром по всему пути был шелк. Кроме того, из Китая на Запад шли ткани типа тафты, репса, тонкие камчатые и газовые ткани. Верблюды несли на себе тюки, в которых находились бронзовые китайские зеркала, зонты, лекарства, парфюмерия.

С Запада вывозили стекло и стеклянные изделия, а также одежду из шерсти. Эти товары составляли $\frac{3}{4}$ всего оборота.

Шелковый путь был не только торговой артерией, стимулирующей экономическую активность многих регионов Востока и Запада, – по нему шел обмен информацией, производственными навыками, культурными ценностями. Средняя Азия оказалась в центре огромной транспортной системы самого большого материка. Через среднеазиатскую территорию шел интенсивный обмен материальными и духовными ценностями, чем не могли не воспользоваться ее обитатели. Перекрестком Азии стал Самарканд, куда перебрались и оставались жить на долгие годы ученые, музыканты, художники, архитекторы.

Благодаря Шелковому пути тюркский язык получил широкое распространение в качестве разговорного, общепонятного средства общения на всем протяжении маршрута. Тюркские племена *ягма* и *карлуки*, жившие в юго-западной части Таримского бассейна, стали как бы стражами великой дороги и превратили оазисы Кашгар, Яркенд и Хотан в крупные торговые центры.

* * *

Цветущие оазисы Средней Азии издавна привлекали завоевателей. Сначала это были персы – Средняя Азия 200 лет в VI–IV вв. до н. э. была частью гигантской персидской империи. Персидский царь Дарий I (521–485 до н. э.), создавший державу Ахеменидов, состоявшую из 24 провинций (сатрапий), завоевал часть Хорезма, Бактрию, территории по берегам Амударьи, а также междуречье Амударьи и Сырдарьи. Эти регионы составили 15-ю и 16-ю сатрапии. Их обитатели должны были платить весьма значительную дань. Кроме регулярных податей, персидские цари царей (официальный титул персидских владык) принуждали уплачивать еще дополнительные, угрожая закрыть воду, идущую на поля.

Официальным языком Персидской империи стал язык древних арамейских племен, населявших Месопотамию. Арамейский алфавит был более доступным для усвоения по сравнению с древнеперсидской клинописью, благодаря чему этот язык получил широкое распространение, в том числе и в Средней Азии.

Культура державы Ахеменидов аккумулировала лучшие традиции ассиро-вавилонской культуры. У вавилонян была заимствована технология изготовления многокрасочной поливной глазури, с помощью которой украшались фасады и интерьеры зданий. Из Малой Азии пришла техника кирпичной кладки.

Сатрапы царя царей предпринимали энергичные меры, чтобы внедрить в умы покоренных народов основы государственной религии, внушить им благоговение перед царской властью, врученной Ахеменидам высшим существом, и беспрекословное подчинение завоевателям. Создатели государственной религии умело использовали культ природы и стихий, религиозные празднества и обряды разных этносов, в том числе населявших Среднюю Азию. Раскопки поселений в Хорезме обнаружили остатки древнейших «домов огня», то есть капища огнепоклонников. В Средней Азии найдены предметы культа древнейших богов природы – Митры, который считался богом солнца, и богини земли, воды и плодородия Ардвисуры – Анахиты. Культы этих богов вошли в систему религиозных верований и сохранились в Средней Азии до позднего времени. Существуют свидетельства о том, что древний религиозный сборник Авеста (некоторые варианты) был создан на среднеазиатской земле. По преданиям, «священный огонь» зороастрийской веры впервые был зажжен в Хорезме.

За два века правления персов Средняя Азия достигла заметного прогресса в социально-экономической сфере. Археологи раскопали десятки древних поселений, которые были небольшими городами эпохи Ахеменидов. Не следует преувеличивать значение этих

городов – они были укрепленными пунктами, усадьбами правителей и новой знати. Конечно, это не были города в современном значении термина: внутри городских стен пасли скот, сеяли пшеницу, шили одежду, плавил металл, производили гончарную посуду. И тем не менее с этих ахеменидских городов начинался медленный и долговременный процесс урбанизации Средней Азии. В ряде мест найдены ахеменидские монеты, а также афинские тетрадрахмы, и существует предположение, что в V–IV вв. до н. э. некоторые местные персидские наместники начали чеканку среднеазиатских монет.

В VI–IV вв. до н. э. началось строительство головных сооружений и магистральных ирригационных систем, которые давали возможность земледельческого освоения обширных дельтовых равнин крупных среднеазиатских рек. Такие сооружения обнаружены в Хорезме, Маргилане, Фергане, Согде и Ташкентском оазисе. Местное население выращивало пшеницу, просо, рис, занималось садоводством и овощеводством. Здесь хорошо прижились персики, вишни, дыни, арбузы, виноград. Особо важное значение для роста благосостояния населения имело скотоводство. Видимо, в годы персидского владычества в Средней Азии началось разведение крупного рогатого скота и лошадей, что установлено в ходе археологических работ.

Развитие животноводства произвело революционные перемены в семейных отношениях: если ранее наследование собственности шло по материнской линии, то теперь, когда основным богатством семьи стал скот, которым владел мужчина, наследование пошло по мужской линии. Мужчина стремился оставить наследство своим детям, а не сестрам и братьям жены. Можно, таким образом, говорить о заметном развитии региона за два века ахеменидского господства.

Александр Македонский прошел Среднюю Азию огнем и мечом. Восточный поход Александра длился почти 10 лет (334–324 до н. э.), в течение которых македонская армия прошагала около 20 тысяч километров. В Средней Азии, куда Александр вторгся, преследуя войско персидского царя Дария III, он и его воины находились три года. Каковы же были последствия пребывания македонцев в регионе?

Внимание привлекают города – александрии, основанные великим полководцем. Хотя сколько-нибудь значительного влияния на социально-экономическое развитие территории они не оказали, тем не менее это были центры эллинизма, который хорошо заметен в тех произведениях искусства (главным образом скульптуры), которые откопали археологи. Также историки считают, что походы Александра Македонского стимулировали возникновение в Средней Азии централизованных государств, таких как Бактрия, Парфия, Кушанское государство, Хорезм.

Несколько слов о Хорезме. Это древнее государство находилось между Средней Азией и Великой степью, то есть на стыке двух миров – кочевого и оседло-земледельческого, что определило напряженную, полную тревог жизнь его оседлых обитателей.

Обилие воды, плодородная земля и умеренный климат привлекали сюда издревле массы людей, которые, оседая и осваивая этот благодатный край, превратили его в прекрасный оазис, ставший центром древнейшей культуры, которую академик С.П. Толстов назвал «хорезмской цивилизацией». Среди памятников этой цивилизации особое место принадлежит дворцу Топрак-Кала, который создавался в III–IV вв. н. э. в низовьях Амударьи.

Здание было воздвигнуто на мощном цоколе, поднятом на двенадцатиметровую высоту. На нем в два этажа были расположены жилые и хозяйственные помещения, которые освещались через световые люки. Всего было около ста помещений, занимавших 6 тысяч квадратных метров. Общая площадь архитектурного шедевра, построенного, кстати, из глины, составляла 11 тысяч квадратных метров. Среди помещений были обнаружены громадные залы с порталами, опиравшимися на колонны, придававшие им парадный вид; «зал царей» (20 x 20 метров), в нишах которого были найдены глиняные фигуры людей в

натуральную величину; «зал побед» с изображением сидящих царей и богини победы Ники; «зал оленей», «зал танцующих масок» и т. д. Но самым главным сокровищем Топрак-Калы оказались монументальные росписи и монументальная глиняная скульптура.

Жизнь в Хорезме концентрировалась вдоль рукотворных каналов. Каналы строились непрерывно, так что в годы расцвета цивилизации общая площадь орошения в низовьях Амударьи составляла 1,3 миллиона гектаров, что в четыре раза превышает орошаемую площадь современной Хорезмской области.

Новая волна завоевателей нахлынула на Среднюю Азию в VII в. н. э. В 651 г. арабы впервые появляются на среднеазиатских границах – под стенами Мерва, Герата и Балха. На этот раз они ограничились наложением контрибуции, но арабская агрессия этим не ограничилась: началась священная война – джихад против «неверных многобожников», которая на поверку вылилась в грабительские набеги с уничтожением человеческих жизней, пожарами, разграблением имущества. Планомерное и энергичное завоевание Средней Азии арабами началось в 708 г. под руководством Хорасана Кутейбы ибн Муслимы.

Новые завоеватели выгоняли жителей из домов и занимали их сами. Чтобы не было помех в исламизации и арабизации, арабы стали уничтожать культурное наследие народов Средней Азии: литературные памятники, письменные источники, произведения искусства. Бируни пишет: «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали наукам, существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким терзаниям, и стали эти предания столь скрытными, что нельзя уже было узнать в точности, что было с хорезмийцами даже после появления ислама»²³.

В Хорезмском оазисе после арабского нашествия не осталось ни одного города. Арабская тирания вызвала возмущение местного населения. С тяжелыми боями приходилось арабам брать каждый город, каждое селение. Интересно отметить, что, говоря о борьбе против арабов, средневековый автор Ат-Табари постоянно пишет о «тюряках», которые участвовали почти во всех битвах с арабами.

Самым мощным антиарабским выступлением было восстание «людей в белых одеждах», или, как его обычно называют, «восстание Муканны», по имени руководителя. Оно началось в 776 г. Восстание охватило огромную территорию от Шахрисябза до Бухары. По своему размаху и цели восстание можно считать крестьянской войной. В долине Зеравшана на сторону Муканны перешло практически все население, то же самое случилось в Бухаре, молва о нем распространилась по всему региону. Арабы практически сохранили свою власть лишь в городах, где стояли гарнизоны.

Семь лет продолжалась борьба «людей в белых одеждах» с арабами. Для подавления восстания халиф послал десятитысячное войско. В конечном итоге арабы победили.

Арабы принесли с собой в Среднюю Азию ислам и феодальный способ производства в его восточной форме.

Прежде всего, речь идет о сильной централизованной власти в виде восточных деспотий, то есть власти практически неограниченной. Для поддержания такой власти был необходим многочисленный административно-карательный аппарат, включивший чиновников и военачальников всех рангов. Верховный правитель расплачивался с ними путем пожалования в пользование земель из государственного фонда, но эти земли не становились частной собственностью. В более позднее время все привилегии, а также обязанности перед верховной властью стали передаваться по наследству, собственником земли оставался верховный правитель.

На всем пространстве Средней Азии, занятом арабами, была введена единая система налогов – с населения собирали подушную подать (*джизню*) и поземельный налог (*херадж*).

²³ Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. С. 48.

Землевладельцы (*дехкане*) сохранили за собой свою землю и недвижимость, но теперь они становились совладельцами земли, так как земля считалась собственностью Бога, именем Которого распоряжался наместник пророка на земле – халиф.

Арабы победили потому, что были более организованными и объединены единой верой, которую упорно и насильственно внедряли в умы побежденных, однако исламизация Средней Азии не была кратковременным процессом, но растянулась на века.

По мере деградации Арабского халифата на завоеванных им землях в Средней Азии стали возникать полунезависимые государства, во главе которых оказывались либо военачальники, представлявшие халифат, либо местные правители, либо вожди кочевых племен. Так на протяжении VIII–XIII вв. появлялись и исчезали государства Сасанидов, Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, Ануштегенидов. С появлением этих государств происходило слияние интересов арабских халифов и местной знати. Арабы практически добровольно (после того, как убедились в невозможности силой подавить антиарабские выступления) предоставили им самостоятельность, добившись от них обязательств обеспечивать регулярное поступление в Багдад налогов, которые раз в год отвозило специальное посольство. Новые государства должны были заниматься распространением ислама, то есть делать то, в чем не преуспели арабы в течение почти ста лет, ведя изнурительные войны ради покорения среднеазиатских этносов.

Эпоха полунезависимых среднеазиатских государств была временем расцвета ремесел, науки и культуры. Активно развивалась ирригационная система. В междуречье Амударьи и Сырдарьи производилось мыло, которое распространялось по всей Азии, выделялись дорогие ткани, в том числе шелковые и парча, кожа, меха, создавались искусно сделанные военные доспехи, мечи, медные котлы и медная посуда, ковры, иголки, ножницы, разнообразные головные уборы и предметы верхней одежды, наконец, знаменитая самаркандская бумага в мусульманских странах совершенно вытеснила папирус и пергамен. В текстильном деле широко применялось хлопковое волокно.

В это время в регионе резко изменилась языковая ситуация. Арабский язык становился языком науки и религии, а персидский – государственным и литературным. Древний язык местных этносов (согдийский) постепенно утрачивал свое значение, а затем и совсем исчез.

Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч приобрели славу мировых центров науки и культуры. Арабский язык дал возможность жителям Средней Азии познакомиться с достижениями греческой философии, а персидский – с поэзией и общественно-политическими трактатами. Особую известность как центр науки и культуры приобрела Бухара – в ее книжных лавках встречались и общались писатели и ученые, здесь в одной из таких лавок Ибн Сина нашел сочинение Фараби, в котором излагалось учение Аристотеля. Во дворце эмира находилась одна из лучших библиотек того времени. Здесь провел молодые годы Ибн Сина, слагали стихи Рудаки и Дакаки, трудился историк Наршахи.

Ученые Средней Азии осваивали и развивали наследие греческой философии, арабской географии, персидской исторической науки, создавали собственные медицинскую и математическую школы. С именем Аль-Хорезми связано зарождение алгебры, его труды «Астрономические таблицы» и «Трактат о солнечных часах», переведенные на латинский язык, стали вехой в развитии математики и астрономии. «Медицинский канон» Ибн Сины был переведен на латинский язык в XII в., напечатан в Милане в 1473 г. и выдержал затем 30 изданий. В истории медицины имя Ибн Сины стоит рядом с именами Гиппократ и Галена, а его работы в течение 400 лет служили учебниками по медицине во всем цивилизованном мире. Аль-Бируни из Газни был выдающимся ученым-физиком, астрономом, математиком и историком. Омар Хайям, который обучался и преподавал в Мевре, внес немалый вклад в развитие алгебры. Правда, многим поколениям он известен как талантливый поэт-эпикуреец, воспевавший любовь к жизни и женщинам, вину и друзьям, но научные занятия зани-

мали его не меньше, чем поэзия. В это же время, то есть на заре второго тысячелетия от Рождества Христова, там же, в междуречье Аму-и Сырдарьи, создавал свою великую поэму «Шах-наме» поэт Фирдоуси.

Бухара стала чуть ли не столицей исламского мира.

Хорезм – отдельная тема. Это был цветущий оазис среди песков. Главным занятием жителей и правителей (*хорезмшахов*) Хорезма была торговля. Сохранился указ одного из хорезмшахов XII в. Текеша, которым предписывалось одинаково справедливо относиться ко всем купцам – дальним и близким, тюркам и иноземцам, не препятствовать торговым сделкам, обеспечивать безопасность на дорогах, защищать товары и жизнь купцов²⁴. Хорошо организованная охрана дорог и караванных путей стимулировала развитие внутренней и внешней торговли. Есть сведения, что хорезмийские купцы со своими товарами доходили до Испании и Китая. Немалые выгоды приносила хорезмским купцам торговля с южнорусскими княжествами, откуда поступали меха, а также различные ремесленные изделия. В XII в. резко вырос объем торговли с Китаем. Практически лет на пятьдесят Хорезм стал важным пунктом в торговле всего мира с Китаем.

Развитие международной торговли стимулировало и развитие ремесленничества. В Хорезме оседали изделия ремесленников различных стран, и в то же время здесь появилось большое число собственных умельцев, чьи шедевры расходились по свету. В Хорезме можно было найти специалистов практически всех ремесленных профессий, известных средневековому миру.

Процветание Хорезма, как, впрочем, и всего Междуречья, было прервано нашествием монголов во главе с Чингисханом. Нашествие началось в 1219 г. Чингисхан брал один среднеазиатский город за другим. Монголы уничтожали жилые строения, замечательные памятники архитектуры, жителей беспощадно умерщвляли.

7 февраля 1220 г. монголы осадили «купол ислама», «город мира», «мать всех городов мусульман» – Бухару. Город сопротивлялся полмесяца, но, конечно, не мог устоять перед напором победителей Китая. Все имущество горожан было разграблено, женщин поделили между монгольскими воинами, а мужчин погнали в качестве вспомогательной силы на штурм Самарканда. После этого Бухару сожгли дотла, все здесь было уничтожено, и еще долгие годы путник, забредший сюда, находил на месте «купола ислама» груды развалин.

Очень скоро, в том же году наступила очередь Хорезма. Так столица хорезмшахов Гургандж после долгой осады был разгромлен и сожжен. Для того чтобы уничтожить всякие следы города, монголы разрушили плотину на реке и затопили город. Погиб цветущий город, его богатые библиотеки, памятники архитектуры. На долгие годы жизнь ушла из Гурганджа. С падением Гурганджа прекратило существование государство хорезмшахов. Средняя Азия стала частью огромной империи Чингисхана.

Социально-экономическая жизнь в регионе восстановилась быстро. На месте развалин, в которые были превращены некогда цветущие города, появились заново отстроенные. Самарканд, Бухара, Ургенч, Шаш, Отрар вновь стали центрами ремесленного производства и торговли. Землевладельцы, купцы и мусульманские священнослужители нашли общий язык с завоевателями и установили с ними вполне деловые отношения. Они стали получать от монгольских правителей особые грамоты (*ярлыки и пайцзы*), дающие право принуждать крестьян и ремесленников к исполнению различных повинностей: предоставление ночлега проезжим монгольским должностным лицам, а также воинам и многочисленной челяди новых правителей. Кстати, монголы сохранили прежних правителей и их привилегии, заставив служить им в качестве наместников.

²⁴ См.: Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов. М., 1986. С. 127.

Взаимопониманию между завоевателями и завоеванными послужило обращение в мусульманство монгольских ханов. Первым из монгольских властителей принял ислам хан Мубарекшах (1264). В начале XIV в. практически все монгольские правители принимают ислам, что способствует укоренению среди населения мусульманских обрядов и традиций. В Хорезме местная тюрко-монгольская династия Кунграт начинает чеканить монету с надписью «Власть принадлежит Богу» без имени правителя, что свидетельствует о возобладании исламской теократической нормы. По распоряжению Чингисхана на территорию Средней Азии переселилось несколько монгольских племен, что должно было укрепить власть завоевателей. Монголы стали смешиваться с местным населением.

Почти через полтора столетия после появления на просторах Средней Азии полчищ Чингисхана жители региона узнали нового грозного завоевателя, который, кстати, родился близ Шахрисябза, то есть был местным уроженцем. Тимур родился 9 апреля 1336 г., принадлежал к племени барласов, которое задолго до его рождения было поселено в этих местах Чингисханом и за столетие успело ассимилироваться, то есть тюркизировалось. Тимура, очевидно, можно считать монголом лишь условно, тем более что он говорил на тюркском языке и знал персидский, хотя писать не умел.

В молодом возрасте Тимур включился в междоусобные войны, которые вели главы племен и правители некоторых областей. Тимур добился верховной власти над всем регионом. Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, перед которой бледнеют злодеяния Чингисхана. Правление Тимура отрицательно сказалось на судьбе народов Средней Азии. Ни блестящие постройки в Шахрисябзе и Самарканде, которые он любил, ни расцвет ремесел и торговли в этих городах, ни крупные оросительные работы, которые производились при нем, не могут оправдать уничтожения сотен тысяч людей, разорения богатых и культурных стран, разграбления городов, что надолго подорвало жизненную силу завоеванных Тимуром областей.

Тимур так и не смог привыкнуть к оседлой жизни. Обычно он останавливался на несколько дней или недель во дворце, своем или захваченном, а затем опять переезжал в походный лагерь. Вместе со своим двором он передвигался с кочевой ордой, меняя летние пастбища на зимние и наоборот. В удобных местах к нему присоединялись жены и дети. В походных шатрах он принимал послов, которые были вынуждены поспешать за ним и догонять его там, где он останавливался лагерь.

Все захватнические и грабительские походы Тимура имели идеологическое обеспечение — это были «священные» войны ради торжества ислама и сокрушения неверных. Тому, кто сражался и умирал за «правое» дело, было гарантировано беспрепятственное попадание в рай. Великий хан умело использовал мусульманскую веру для упрочения своей деспотической власти. На дворце, воздвигнутом в Шахрисябзе, было начертано: «Султан — тень Аллаха на земле». Походная мечеть сопровождала его повсюду, молитвенные ритуалы соблюдались неукоснительно. Свято соблюдался пост — *ураза*, который заканчивался пышным празднеством.

При всем том на самом деле «священные» войны велись идолопоклонниками и шаманистами против мусульман. Тимур использовал в своих интересах противоречия между мусульманами различных толков — шиитами и суннитами. С благословения шейхов он вел свои орды против христиан, потому что они не были мусульманами, а мусульман резали за то, что они не были истинными мусульманами. Так, в Мазендаране мусульман перебили за то, что они были шиитами, а Дамаск был предан разграблению и разрушению за то, что его население выступало против шиитов.

Выше говорилось, что завоевательные войны Тимура отличались особой, пожалуй невиданной ранее, изощренной жестокостью. Расчет делался на то, что молва о чудовищ-

ной по своей трагичности участи очередного захваченного города или целой области быстро разнесется по округе и устрасит соседей, парализует их волю к сопротивлению.

В Исфизаре, недалеко от Герата жители подняли восстание против гарнизона Тимура и перебили его. Подавив восстание, Тимур приказал отобрать две тысячи пленников, сложить их живыми друг на друга и зацементировать слоем глины и кирпича, чтобы воздвигнуть башню как напоминание о необходимости безропотно подчиняться воле властителя. «Башня» простояла сто лет.

После подавления восстания в Исфагане Тимур приказал уничтожить всех его жителей до единого. Все участники побоища получили задание принести определенное число голов местных жителей. Специальные чиновники вели учет. Те воины, которые не смогли отрубить необходимое число голов, покупали головы у более расторопных. Вначале головы исфаганцев шли по 20 динаров за штуку, но позже цена упала до полудинара. В городе из обезглавленных трупов соорудили горы, а за городом из 70 тысяч голов сложили высокие минареты. Это изощренное злодеяние произошло в середине 1387 г. Тимуру в том году исполнился 51 год.

Один из очевидцев зверств воинов Тимура арабский автор Арабшах рассказывает о пытках, которым подвергались вовсе не пленные враги, а недавние соратники великого воителя, провинившиеся чем-либо перед своим господином: «Им брили головы, резали шеи, выкручивали руки, срезали лопатки, сжигали печень, опаляли лица, выдавливали глаза, вспарывали животы, отрезали языки, делали глухими, раздирали носы и рты до ушей, рвали сухожилия, выпускали из тела кровь, наносили другие увечья»²⁵.

Тимур был, несомненно, человеком талантливым, и не только по части изобретения изощренных зверств, он был талантливым полководцем. Используя монгольскую военную традицию, берущую начало со времен Чингисхана, он создал сильнейшую по тем временам армию, которая завоевала для него обширные пространства. В этой армии на первом месте стояли порядок и беспрекословная дисциплина подчинения низших высшим. Высшее командование он доверял только членам своего рода барласов.

Всякий свой поход он тщательно готовил, изучал противника и его боевой потенциал. Для этого у него была организована прекрасная разведка.

Так, когда Тимур готовился к походу в Индию, он хорошо изучил не только пути движения войска, но и специфику индийской армии, ее тактику. 15 декабря 1398 г. Тимур торжественно въехал в Дели.

Армия Тимура была фактически кочевой ордой. Кочевые племена шли в поход с семьями и домашним скарбом. В поход шли и бедные пастухи со своими юртами и верблюдами, и их предводители с богато отделанными шатрами, женами и прислугой, торговцы и ремесленники, шорники, кузнецы, медники, оружейники. Лагери этого войска бывали столь же шумными, как и города в базарный день: скрипели колеса, кричали погонщики верблюдов и торговцы, гремел металл в мастерских, выли трубы. Кочевники были великолепными всадниками и стрелками из луков. Оседлое население поставляло пехотинцев и рабочих, которые использовались на осадных работах. Прекрасная организация войска и тщательная подготовка сражения были залогом его побед, а он почти всегда был победоносен.

Нельзя говорить о Тимуре только как о разрушителе – он был и созидателем, однако практически все его созидательные усилия были направлены на строительство и украшение его любимого города, его столицы – Самарканда.

Все караванные пути сходились в Самарканде. Город стал перекрестком Азии, центром континента; средневековые географы и историки делили Азию в зависимости от располо-

²⁵ Там же. С. 153.

жения к нему. По замыслу Тимура Самарканд должен был достойно представлять его, могущественного властителя могущественной империи.

Самарканд должен был стать самым красивым городом мира. Здесь воплощались все самые честолюбивые мечты беспощадного завоевателя. В сравнении с его столицей все другие мировые столицы должны были выглядеть жалкими деревушками. Дабы выразить эту идею, вокруг Самарканда были построены небольшие скромные поселения, которые получили названия. Багдад, Каир, Дамаск, Шираз, Султанья и даже Париж (Фариш в местном произношении).

В поверженных государствах Тимур забирал ученых, художников и ремесленников. Тысячи ремесленников с семьями были вывезены в Самарканд. Иран поставлял «художников», каллиграфов, грамотеев для преподавания в медресе, музыкантов, зодчих и строителей. Из Сирии Тимур вывез шелкомотальщиков, оружейников, стеклодувов. Из Малой Азии пригнали оружейников, умельцев, работавших с драгоценными металлами, каменщиков, изготовителей канатов. Из Индии доставили ювелиров, мастеров по металлу, каменщиков.

Соответственно, в ограбленных странах или городах наступало оскудение в различных областях знания, прерывались культурные и технологические традиции. Так было в Древней Руси, из которой эмиссары Золотой Орды на протяжении двух столетий вывозили способных умельцев, что стало причиной упадка, например, строительного мастерства. Построенный русскими строителями в середине XV в. в Кремле Успенский собор в скором времени развалился, так как при строительстве были нарушены технологические нормы, и тогда великому князю Ивану III пришлось звать для строительства нового собора и крепостных стен мастеров из Италии.

Итак, Тимур ограбил (в самом широком смысле слова) все завоеванные им страны и народы, однако их дальнейшая судьба его нисколько не заботила (пусть побежденный плачет), зато Самарканд и еще несколько городов междуречья Аму-и Сырдарьи расцвели на глазах. Одно за другим воздвигались культовые сооружения – мечети, медресе, мавзолеи. Здания и другие строения сооружались из жженого кирпича и были отделаны декоративной плиткой.

Была восстановлена древняя цитадель Самарканда – Гек-Сарай (Голубой дворец), который использовался для хранения казны, а также как тюрьма. В цитадели размещались архивы, монетный двор, собрание редких и дорогих предметов, арсенал, а также личное имущество Тимура. Весь Самарканд был полностью реконструирован.

К концу жизни Тимура его империя, основанная на развалинах, костях и страхе, простиралась от Кашмира до Средиземного моря и от Аральского моря до Персидского залива. Он еще намеревался завоевать Китай, но не успел – «император века», «завоеватель мира», «хозяин Корана», «властитель благоприятных созвездий» (все эти титулы Тимуру присвоило льстивое и верноподданническое окружение) 18 февраля 1405 г. скончался в заснеженной и морозной степи в начале похода в Китай.

«Войны и завоевания Тимура, – писал в 1990 г. известный узбекский историк Г.А. Хидоят, – нанесли огромный ущерб развитию завоеванных стран и надолго оставили недобрую память. Его правление отрицательно сказалось и на развитии производительных сил Средней Азии, так как все материальные и трудовые ресурсы были сосредоточены на войнах да на строительстве дворцов и гробниц. Он укрепил также позиции феодализма и его духовного покровителя – ислама, уничтожив возможность какого-либо альтернативного пути развития. Со времен Тимура в Средней Азии на долгие века установилось владычество объединенной тирании восточного деспотизма и мусульманского мракобесия, которое

обрекло народы этой цветущей страны на длительный застой, реакцию и упадок производительных сил»²⁶.

Справедливость этого заключения до недавней поры казалась бесспорной. История долго переваривает события минувшего, изучает факты, обнаруживает новые, сопоставляет суждения, взвешивает все за и против, находит и меняет углы зрения, учитывает конъюнктуру. Чем больше проходит времени, тем больше шансов на объективность окончательного исторического вывода.

С момента кончины Ужасного хромца (Тимур-ленк, то есть хромой Тимур, его раннее прозвище) минуло шесть столетий – достаточный срок, чтобы составить суждение об исторической личности.

Существует, кстати, веское свидетельство справедливости приведенного выше мнения: ни один из прославленных поэтов Востока за все прошедшие 600 лет никогда не вспомнил Тимура Завоевателя добрым словом и не посвятил ему ни строчки своих стихов, ни один из ученых или поэтов Средней Азии никогда не пытался связать его имя с процветанием своей родины. И тем не менее.

В середине 90-х гг. прошлого века в независимом Узбекистане, в центре столичного города Ташкента появился большой конный памятник Тимуру. Всадник вздыбил коня, призывно вскинув руку. Куда-то зовет? Неужели грабить и убивать?

В сущности, дело понятное: молодые государства, возникшие неожиданно-негаданно на просторах распавшегося Союза Советских Социалистических Республик, давно или никогда не имели собственной государственности и испытывают дефицит национальной героики. Поэтому героем становится гетман Мазепа, клятвопреступник, предавший сначала польского короля, а затем русского царя. Но все же лучше Тимура.

После смерти Тимура началась обыкновенная история: его многочисленные потомки Тимуриды, могущественные правители областей, фактически удельные князья, а также богатые феодалы затеяли большую междоусобную войну, в которой призом была верховная власть в империи. Великая смута длилась почти сто лет. В течение этого времени, опять же как всегда, были перебиты наследники Тимура, знатные персоны, пострадали их семьи и сотни тысяч ни в чем не повинных людей, главным образом земледельцы.

В огне и дыму междоусобных сражений, когда всякая жизнь висела на волоске, когда не осталось даже видимости какого-либо закона или обычая, тем не менее поразительным образом гуманистические традиции развития науки и культуры, заложенные в прошлые века, сохранились в XV – начале XVI в. Наиболее яркими последователями этих традиций были Улугбек и Алишер Навои. Естественно, они были не одни – у них были соратники и ученики.

Внук Тимура Улугбек родился 22 марта 1394 г. в городе Султания (Ирак) во время второго похода его деда на Иран. Обычно грозный повелитель оставлял свой обоз в этом городе. В Султании оставались его жены, дети и другие близкие родственники.

В 15 лет Улугбек стал правителем Самарканда, а затем и всего Междуречья. 40 лет Улугбек правил этой частью тимуровской империи, которую рвали на куски. Время правления Улугбека называют благословенной эпохой. Внутренняя политика Улугбека резко отличалась от политики его предшественников. Он стремился облегчить положение прежде всего земледельческого населения: земельные подати были сокращены до минимума. Сокращение поступлений от крестьянства Улугбек стремился компенсировать увеличением *тамги*, то есть сборов с ремесленников и торговцев, нажив таким образом в их лице недоброжелателей.

В историю Улугбек вошел прежде всего как строитель астрономической обсерватории в Самарканде, которая не имела себе равных как по оснащению, так и по научным достижениям. В обсерватории был создан каталог, который включал 1018 звезд.

²⁶ Худоятов Г.А.. Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 180.

Двор Улугбека в Самарканде стал блестящим собранием лучших умов Средней Азии. Самым ярким представителем этой плеяды был, несомненно, ученик и друг Улугбека Али Кушчи Самарканди (1403–1474), которого в окружении правителя сравнивали с Птолемеем.

Самарканди был автором геометрического трактата, в котором излагались основы этой науки, давалось определение таких понятий, как точка, линия, плоскость, окружность. Автор трактата был философом, считавшим, что мир состоит из материальных частиц, находящихся в состоянии непрерывного движения.

При дворе Улугбека сложилась своеобразная историческая школа.

Как истинный человек Ренессанса, Улугбек имел разносторонние интересы и имел глубокие знания в различных областях. Не мог он не быть и поэтом и не покровительствовать поэтам и поэзии. Он прекрасно знал персидскую поэзию, особенно ценил творчество Низами. Естественно, что поэты тоже входили в его ближайший круг.

В то же время Улугбек был Тимуридом, прямым потомком создателя империи, а потому не мог стоять в стороне, если бы даже захотел (а он явно хотел), от участия в борьбе за наследство своего деда. Он водил воинов в походы (большой частью неудачные), разорял и жег города, не щадил побежденных. И погиб он в 1449 г., подобно другим своим родичам, от рук наемного убийцы, «услуги» которого оплатил его родной сын Абдулатиф. Кстати, та же участь постигла и самого Абдулатифа всего через пять месяцев после гибели отца – ему отрубили голову.

Другой вершиной культурной жизни на пространстве, объединенном завоеваниями Тимура, был Алишер Навои (1440–1501) – философ, поэт и политик. Навои жил в Герате и состоял визирем при султани Хусейне Байкаре, который властвовал над обширным владением, простиравшимся от Герата до Хорезма. Байкара был просвещенным правителем и покровительствовал своему талантливому и необычному для смутного времени премьер-министру. Покровительство своего патрона и друга Навои использовал с максимальной пользой, притом что и сам он был весьма состоятельным человеком. Свое положение и возможности Навои использовал ради украшения и благоустройства Герата, а также других городов султаната. С его именем связано строительство не только дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев, но и многих общественных сооружений: бань, больниц, бассейнов, мостов. По его инициативе и частично на его средства было возведено свыше 300 зданий различного назначения.

Навои был покровителем и вдохновителем творчества многих музыкантов, художников, каллиграфов, зодчих, поэтов.

Алишер Навои в Узбекистане считается основоположником узбекской поэзии. Свои стихи (газели) он слагал на тюркском языке и на фарси. Его перу принадлежат знаменитые «Чор диван» (четыре сборника, включающие тысячи газелей) и «Хамса» («Пятерица»). Навои был поэтом-философом.

Как действующий политик и государственный муж, Навои осуждал войну, как тяжкое преступление, заслуживающее не только порицания, но и наказания.

Грешно стоять в ту пору в стороне,
Когда ты можешь помешать войне.
Но коль зачинщик, поднимая рать,
Не хочет слову разума внимать,
Коль будет он стремиться все равно
К тому, что совестью запрещено,
Тогда сам Бог велит – бери свой меч,
Чтоб разом когти хищнику отсечь.

А. Навои. Стена Искандера

Пацифистом Алишера не назовешь – это активная антимилитаристская позиция.

Стихи и поэмы Навои в списках через сказителей и народных поэтов распространялись по всей Средней Азии и хоть чуточку делали людей лучше, хотя бы единицам западали в душу в то время, когда нравственность достигала нулевой отметки.

Позволю предположить, что послетимуровский период, то есть в XV – начале XVI в. в Средней Азии, как и на Руси того же времени, пробивались первые ростки Ренессанса. Уже утвердившийся в Италии Ренессанс начал завоевывать позиции в континентальной Европе, приближаясь к берегам островной Англии. Но там стал триумфатором, а в Московском государстве и Средней Азии захирел. Улугбек и Навои практически не имели последователей.

В начале XVI в. империя Тимура потерпела крах. Она не имела прочных внутренних скреп; ее правящий класс, состоявший из эмиров, беков, военачальников, аристократов различных рангов и крупных землевладельцев, не был готов выполнить роль цементирующей державу субстанции. Ни одна держава, очевидно, не смогла бы пережить столетнюю смуту, междоусобицы и не развалиться. Были и другие причины.

В Средней Азии не сформировался класс буржуазии, который был локомотивом успешной модернизации Европы, покончил с междоусобицами и с самим феодализмом, преодолел феодальный застой.

Кроме того, были и внешние причины деградации региона. В 1453 г. турки-османы захватили Константинополь, уничтожили Византийскую империю, подчинили себе весь Ближний Восток, оккупировали средиземноморские порты, через которые шла перевалка грузов, поступающих на Великий шелковый путь, а равно и с него. Турция стала главным врагом Европы, а значит, порты Средиземного моря для европейцев стали недоступны. Торговля, как вода, всегда находит обходные пути. В 1499 г. португальский мореплаватель Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, открыл путь в Индию и Китай. Морской путь в Персию, Индию и Китай оказался более дешевым, более скоростным, хотя и не менее опасным (штормы), но в конечном счете все равно более выгодным. Караванные пути через Среднюю Азию постепенно утратили свое значение, а вскоре перестали функционировать: похоронил песок. Средняя Азия лишилась своего главного источника доходов, тем более что внутренняя торговля хирела и почти заглохла из-за феодальных междоусобиц. Ремесленное производство в отсутствие конкуренции застыло в своем развитии, так и не достигнув мануфактурной стадии. Хирело и купечество.

Для кого война, а для кого мать родная. Так было во все времена. Так случилось и в Средней Азии в годы столетней смуты. Эта смута позволила упрочить свое положение и влияние феодальному сословию.

Извлекли выгоду из перманентной войны и неразберихи люди духовного звания.

При Тимуре и особенно после него, в эпоху борьбы тимуридов за власть, возвысилось и экономически окрепло духовное сословие – мусульманские священнослужители, но более всего так называемые *дервиши*, бродячие проповедники. Самое большое влияние в Средней Азии в XIV–XV вв. приобрел монашеский орден *накшбендиев*.

Основателем дервишского ордена накшбендиев был уроженец Бухары Бехаддин Накшбенди, современник Тимура (1317–1389). Идейной основой ордена стал *суфизм* (дервишизм). Суфизм получил широкое развитие в исламе с IX в. Суфизм от арабского слова «суф», то есть шерсть; суфий – человек, носящий власяницу, сермягу. Дервиш – открывающий дверь, переступающий порог на пути к Богу, мистик; в переносном смысле – нищий, бродяга, бедняк. Для внутренней организации суфийских орденов, для ордена накшбендиев в том числе, характерна строгая духовная иерархия. Существует несколько стадий, или ступеней, приближения суфиев к Богу. Большую роль в суфизме играют требования исполне-

ния ритуальных обрядов, различных магических действий вроде произнесения заклинаний и поминаний.

Орден накшбендиев добился огромного влияния в Самарканде, Балхе, Герате, Мерве, Хиве, восточной части Ирана, Турции. Все удельные властители щедро помогали дервишам ордена, надеясь с их помощью завоевать популярность и поддержку в борьбе против соперников. Широким потоком лились пожертвования.

Официальные священнослужители умело использовали религиозный экстаз, в который приводили общество дервиши. И те и другие были активными противниками не только каких-либо политических и социальных перемен, но и всякой модернизации в любой сфере. В то время, когда в Европе брали верх возрожденческие тенденции, на Востоке, в Средней Азии в частности, торжествовала религиозная реакция. В междуречье Аму-и Сырдарьи, некогда самой экономически развитой и богатой традициями просвещения и культуры области Древнего Востока, воцаряются невежество и бедность.

«Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, Хивы и Бухары, – пишет историк, – были разорены, пришли в запустение, а отчасти безвозвратно погибли в результате господства исламского деспотизма, феодального невежества и монархической тирании. С этих времен сохранились мечети, медресе, гробницы святых и башни, с которых сбрасывали преступников, вольнодумцев и еретиков. Среднеазиатские правители перестали писать стихи и исторические мемуары. Не составляли астрономических таблиц, как это делали их просвещенные предки, но ежедневно в строго определенные часы спешили к намазу, а по возвращении предавались низменным забавам, особое место среди которых отводилось казням»²⁷.

Как бы ради довершения деградации региона в конце XV в. в оазисы Междуречья вторглись племена кочевых узбеков, которые разрушили то, что еще можно было разрушить.

В XVI–XVII вв. в той части бывшей империи Тимура, которая находилась в Средней Азии, в том числе в междуречье двух великих рек, царили беззаконие, упадок культуры и бедность в обрамлении феодальных распрей, религиозной нетерпимости и ханжества. В нашем распоряжении имеются свидетельства очевидца состояния региона, английского купца Энтони Дженкинсона, человека не только отчаянно смелого (склонного к экстриму – по-нынешнему), но умного и наблюдательного.

Итак, несколько отрывков из отчета Э. Дженкинсона о его путешествии в Среднюю Азию в 1558–1560 гг., написанного для купцов Московской компании в Лондоне.

«Апреля 1558 г., получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых придется проезжать, я выехал из Москвы водой, имея с собой двух ваших служащих, а именно Ричарда Джонсона и Роберта Джонсона, и татарина толмача, с тюками различных товаров»²⁸.

К началу сентября англичане добрались до восточного берега Каспийского моря, до полуострова Мангышлак. Они высадились на берег, погрузили товары на купленных у местных жителей верблюдов и двинулись в путь. В самом начале наземного путешествия Дженкинсон и оба Джонсона познакомились с местными нравами: «Мы выехали 14 сентября из этого места караваном из 1000 верблюдов (груз, видимо, был объемный и тяжелый. – Е. Г.). Проехав пять дней, мы вступили во владения другого государя, и навстречу нам по пути подъехали несколько хорошо вооруженных татар (конечно, это были не этнические татары, просто так в Западной Европе было принято называть все этносы, проживающие восточнее восточной границы Московского царства. – Е. Г.), находившихся на службе этого государя по имени Тимур Султан, правителя названной страны Мангышлак. Эти татары остановили наш караван именем своего государя, вскрыли наши товары и забрали безденежно для своего

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 167.*

государя все вещи, какие они сочли наилучшими»²⁹. Проще сказать – ограбили. Но англичане были люди богатые, то есть кое-что на верблюдах осталось, и они двинулись дальше.

14 октября караван дошагал до города Ургенча, бывшего когда-то жемчужиной Хорезма. «Город Ургенч, – продолжает Дженкинсон, – стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около четырех миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за семь лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн, поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куса караеи. Главнейшие товары, которые здесь продают, – это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать»³⁰.

Путешественники покинули Ургенч и двинулись дальше в глубь страны, расположенной между двумя великими среднеазиатскими реками. 15 декабря на караван напали разбойники. «Когда воры приблизились к нам, мы увидели, что их всего 37 человек, хорошо вооруженных луками, стрелами и саблями, а начальник их – князь, изгнанный из своей страны. Они предложили нам сдаться, объявив, что иначе мы будем убиты; это вызвало в нас только презрение. Тогда они стали стрелять в нас залпами, на что мы отвечали очень горячей стрельбой. Так мы продолжали сражение с утра до двух часов после заката солнца, причем обе стороны потеряли убитыми и ранеными людей, лошадей и верблюдов; не будь у меня и моих товарищей ружей, которые мы пустили в дело, они нас одолели бы и уничтожили»³¹.

Таким образом, технический прогресс (огнестрельное оружие) сделал свое дело. К этому времени Запад не намного опережал Восток в технике, но уже опережал.

Тем не менее противостояние на этом не закончилось. Предводитель разбойников потребовал от караван-баши (начальника каравана) выдать неверных, то есть христиан, иначе он готов был привести подкрепление и всех уничтожить. Спутники англичан, мусульмане, не захотели больше сражаться, и Дженкинсону пришлось откупиться – снова отдать часть своего имущества.

23 декабря путешественники прибыли в Бухару.

«Бухарская страна была когда-то под властью персов, и теперь еще в ней говорят на персидском языке; однако теперь Бухара – независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане.

Бухарский король не имеет ни большого могущества, ни богатства; его доходы очень невелики; содержится он главным образом на счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении, а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит.

Деньги у него серебряные и медные, золота вовсе нет в обращении. Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют, или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов.

В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих караванами из привлекающих стран – Индии, Персии, Балха, России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать; но эти купцы нищенски бедны, приво-

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 177.

³¹ Там же. С. 180.

зят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по два или три года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий»³².

Таков был неутешительный вывод храброго и предприимчивого британского негодянта.

Отчет Дженкинсона содержит особо интересные для нас сведения о торговле и взаимоотношениях России с государствами Средней Азии в XVI в. Он пишет: «Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материалы, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы»³³.

Еще одно очень интересное сообщение автора доклада: «Бухарский митрополит (очевидно, какое-то важное лицо из среды мусульманских священнослужителей. – Е. Г.) взял у меня грамоты русского царя, без которых меня обратили бы в рабство»³⁴.

Из этих слов можно заключить об авторитете, которым пользовался в тех краях Иван Васильевич Грозный после своих недавних побед на берегах Волги: силу уважали.

8 марта 1559 г. англичане с большим караваном (600 верблюдов) покинули Бухару, и вовремя это сделали. «Если бы мы не выехали из Бухары в этот срок, – продолжает автор, – я и мои товарищи подверглись бы опасности потерять и жизнь, и товары, ибо через 10 дней после нашего отъезда самаркандский король пришел с войском и осадил названный город Бухару, в то время как бухарский король был на войне против другого государя, своего родича, как это бывает в этих странах каждые два или три года»³⁵.

Дженкинсон достойно выполнил свою миссию, оказав услугу не только своей компании, но также русскому царю и некоторым местным владельцам. Он освободил 25 русских, которые уже долгие годы находились в рабстве в Бухаре, и взял с собой, пообещав покровительство шестерым посланникам к Московскому двору от среднеазиатских ханов и эмиров. «Я обещал им, – пишет Дженкинсон, – что в России с ними будут хорошо обращаться и позволят им безопасно выехать оттуда, соответственно тому, что царь написал в своих грамотах; у них было некоторое сомнение, потому что долгие годы перед тем никто не ездил из Татарии в Россию»³⁶.

Очевидно, с легкой руки англичанина дипломатические отношения между Москвой и среднеазиатскими землями возобновились.

* * *

На протяжении трех столетий (с XVI по XVIII в.) в хаосе междоусобных войн формировались более или менее устойчивые государственные образования – Хивинское и Кокандское ханства, Бухарский эмират. Основателями этих государств были узбекские племена, которых насчитывалось 92. Каждое из этих племен, населявших эти государства, занимало свою определенную территорию со своими пастбищами и полями, а также укрепленными пунктами, являвшимися одновременно и резиденцией главы племени. У этих племен сохранились пережитки первобытно-общинного строя, свойственные кочевым и полукочевым этносам. Почти в неизменном виде сохранялись не только этнические черты (племенные диалекты, традиции, родовые связи), но и их социальная структура. Племена постоянно конфликтовали между собой, что вызывало частые миграции племен или отдельных родов.

³² Там же. С. 182–184.

³³ Там же. С. 184.

³⁴ Там же. С. 185.

³⁵ Там же. С. 186.

³⁶ Там же.

Несмотря на разные государственные объединения, в которых оказались узбекские племена, можно говорить о формировании этнической общности, ставшей впоследствии узбекским народом.

Хивинское ханство возникло в XVI в. с приходом сюда полукочевых узбекских племен. К концу XVI в. оседлое узбекское население составляло 65 процентов, 26 процентов составляли туркмены, остальные 9 процентов приходились на долю казахов и каракалпаков. Узбеки сплошным массивом заселили северную половину хорезмского оазиса, расположившись в основном в дельте Амударьи. Всего в пределах ханства насчитывалось до 20 узбекских племен.

Большой ущерб экономическому и культурному развитию Хорезма нанесли междоусобицы царевичей Тимуридов. Немалый ущерб причинило также изменение русла Амударьи в начале XVII в., в результате чего пришлось переносить главный город страны Ургенч на новое место. Вследствие того же явления (изменение русла реки) столицу ханства пришлось перенести в Хиву.

Хива была одним из древнейших городов Хорезма, являлась богатым торговым центром Средней Азии, жемчужиной среднеазиатского строительства. И даже сейчас, спустя сотни лет после своего основания, ее медресе, дворцы и мечети поражают монументальностью, изяществом линий, яркостью колорита. Стройные башни, цветные глазурованные кирпичи минаретов, величественные мавзолеи с майоликой порталов и монументальными бирюзовыми куполами, неповторимая красота орнамента с белыми узорами на синем фоне создали впечатление сказочного восточного города.

Основной рабочей силой при строительстве этих блестящих сооружений были рабы – рабство до 1873 г. было вполне официальным институтом. В этом отвратительном деле специализировались туркменские племена, для них оно стало источником существования. Туркмены совершали длительные рейды на территорию Ирана, Афганистана и уводили в рабство целые селения. Так они практически уничтожили либо угнали в рабство население Бадахшана – исторической области, оставив ее безлюдной. По некоторым сведениям, только в течение XIX в. число угнанных в рабство составляло миллион человек³⁷.

Кокандскому ханству достались владения узбекского племени *минг*, которые располагались в центральной части Ферганской долины. Предводитель племени Шахрухбий, род которого проживал в окрестностях нынешнего Коканда, был провозглашен племенной знатью правителем Ферганы в 1709 г. и стал основателем династии кокандских ханов, которая просуществовала до 1875 г.

В этническом отношении состав ханства был пестрым – ведущее положение занимали минги, за ними, по своему влиянию на внутреннюю политику, следовали *таджики* составлявшие основу ханской гвардии, затем шли *кипчаки* и *киргизы*.

Тюркоязычный этнос кипчаки в Средние века был известен в Древней Руси под именем *половцев*, которые кочевали в южнорусских степях и постоянно враждовали с русичами. В Европе их называли *куманами*. В XX в. кипчаки были включены в состав узбекской и киргизской наций.

Как и в других среднеазиатских ханствах, заметную роль в политической жизни Коканда играло духовенство, но еще более значительным весом обладал дервишский орден накшбендиев. С 1844 по 1869 г. Хозрати-Сахиб, халиф ордена, фактически был главной политической фигурой ханства. Судьями в Кокандском ханстве были только священнослужители.

Борьба за власть была характерна для всех трех государств Средней Азии, возникших на развалинах империи Тимура, но в Кокандском ханстве она приобрела долговремен-

³⁷ См.: Масальский В. Россия. Полное географическое описание отечества. СПб., 1913. С. 385.

ную и ожесточенную форму. Безжалостно истреблялись малолетние царевицы, ханы, беки, их жены, придворные. Достаточно сказать, что приблизительно за два столетия из 15 правивших ханов шесть были убиты в результате дворцовых переворотов, десятки царевиц, сотни сановников и военачальников были уничтожены, причем самыми зверскими способами.

Другой особенностью Кокандского ханства было наличие сильной военной знати. Государство было разделено на 15 бекств, подобных военным округам, которые одновременно были и административными единицами. Управляющие бекствами (*беки* и *хакиды*) одновременно являлись воинскими начальниками, командовавшими войсками, расквартированными в округе. Как правило, беками и хакимами назначались сыновья или близкие родственники хана. В наиболее благополучные со всех сторон годы хан был в состоянии собрать до 60 тысяч воинов, и ханы Коканда тяготились присутствием в государстве воинственного племени кипчаков, а потому, чтобы избавиться от их влияния, они пытались набирать в элитные части представителей не местных этносов. Так, большая часть гвардейцев состояла из горных таджиков и выходцев со Среднего Востока. В 1805 г., например, из этих чужеземцев было сформировано несколько кавалерийских частей, общей численностью до 10 тысяч сабель, ставших главной опорой хана. Они содержались за счет ханской казны и не подчинялись ни одному из хакимов.

Хакиды обладали всей полнотой власти: назначали чиновников и сборщиков податей, устанавливали размеры налогов, распоряжались финансами, командовали войсками. Самым крупным из округов был Коканд с окрестностями, а самым важным – Ташкент, куда хан назначал управителями самых доверенных лиц.

Выгодное географическое положение сделало Коканд крупным пунктом обмена товарами, которые доставлялись из Индии, Тибета, Бухары, Афганистана, России и Кашгара. Это привело к интенсивному развитию рыночных отношений и ремесел, способствовало росту городов – Ташкента, Коканда, Туркестана, Чимкента, Маргилана, Оша, Ходжента и др.

Правители всех трех среднеазиатских ханств большую часть времени проводили в военных походах против своих соседей, но кокандские ханы отличались, пожалуй, особой воинственностью. Ради защиты караванных путей, ведущих в Кашгар, кокандские ханы в XIX в. начали планомерное завоевание территорий, занятых киргизскими кочевыми племенами. В 20—30-х гг. XIX в. кокандские ханы подчинили себе всех киргизов, захватив всю территорию до озера Балхаш и реки Или. На захваченных землях возводились укрепления, закладывались поселения кокандцев, преимущественно узбеков. Киргизы должны были платить половцы с юрты и дополнительный налог за пользование земельными угодьями. Кроме того, киргизы обязаны были нести воинскую службу в армии кокандского хана.

Бухарский эмират сформировался в начале XVIII в. В это время власть в Бухаре захватил представитель многочисленного (более 100 тысяч человек) узбекского племени *мангыт* Мухаммед-Рахим. Династия мангытов правила в Бухаре вплоть до 1920 г.

В эмирате к началу XIX в. проживали 2 миллиона человек. В состав эмирата входили Зеравшанская и Кашкадарьинская долины, Сурхандарьинская область, некоторые территории нынешнего Таджикистана, часть Туркмении до Мургаба включительно, а на севере – вся территория до города Туркестана. Большинство населения составляли узбеки, киргизы, а также небольшое число персов, арабов, евреев, цыган, индийцев. Население в основном было оседлым, только небольшая часть вела кочевой и полукочевой образ жизни. В сельской местности говорили главным образом на узбекском языке. В то же время в городах с большой историей за плечами жители пользовались как узбекским, так и таджикским.

Бухарский эмират в Средней Азии занимал особое место – считался главным защитником веры. Эмиры провозгласили себя «повелителями правоверных», а священный город Бухару стражем и столпом мусульманства в Средней Азии, «куполом ислама». Эмир был не

только светским, но и духовным главой государства, халифом, наместником пророка Мухаммеда.

Ислам в переводе с арабского означает «покорность». В Бухаре, как, пожалуй, нигде, ислам оправдывал свое первоначальное значение. Все сферы жизни эмирата – культура, мораль, политика, экономика, социальные отношения – были подчинены исламским установкам и требованиям; все было проникнуто устремлением превратить людей в покорных исполнителей воли власти. Духовная жизнь направлялась Кораном, а бытовые и юридические отношения определялись шариатом.

Согласно шариату эмир имел право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, их имуществом. Он был воплощением высшей власти, которую даже нельзя было упоминать вслух из опасения подвергнуться наказанию. Желая придать себе и своей власти мистическую таинственность, эмиры редко появлялись на людях, постоянно жили в Кермине, в 80 километрах от Бухары, и передвигались по столичному городу только в темное время.

Эмиры демонстрировали сверхнормальную набожность, ревностно исполняя все предписания Корана и шариата, проводя практически весь день в молитвах и разговорах на религиозные темы. Здесь все было под запретом.

Как всегда бывает, строгие запреты достигают непредусмотренных результатов. Жители не пили вина, но употребляли наркотики; лишенные женского общества, становились гомосексуалистами. Да и сами эмиры и их сановники зачастую бывали развратниками и растлителями малолетних. При дворе, где держали гаремы, состоявшие из нескольких сотен жен и наложниц, были еще и *бачи* – мальчики в возрасте 8—15 лет, предназначенные для сексуальных утех.

Образование было только религиозным. Учебные заведения были двух типов: начальная школа (*мактаб*) и более продвинутая (*медресе*). В Бухаре было 60 медресе. Учение здесь длилось около 30 лет, и вся программа сводилась к изучению арабского языка, толкованию Корана и религиозных преданий, кратких курсов юриспруденции и истории. В бухарских медресе в середине XIX в. обучалось 9—10 тысяч человек.

Мусульманское духовенство было влиятельным и весьма небедным сословием. Мечети и медресе владели огромным завещанным имуществом (вакуф), доходы от которого распределялись между преподавателями и студентами.

Вокруг *мазаров* (могил праведников), мечетей, «святых» мест кормилась армия *шейхов* (смотрителей «святых» мест), *сеидов* (якобы потомков пророка Мухаммеда), *ходжей* (потомков «святых»), юродивых, колдунов всех мастей, прорицателей, знахарей. Все это воинство эксплуатировало невежество людей и тем самым процветало.

Бухара считалась центром просвещения всей Средней Азии, сюда приезжали за знаниями (кораническими) студенты из Хивы, Коканда, Хисара и даже из Самарканда, который к XIX в. растерял свои традиции просветительства и вольнолюбия и стал заброшенным провинциальным городком. Обретя статус регионального лидера, Бухара стала рассадником религиозной догматики и нетерпимости.

Бухарский эмир был оплотом самых реакционных, темных сил. В государственной власти соединились произвол восточного феодализма, консерватизм склонного к фанатизму духовенства и грабительство родовой знати. Выразителем интересов этих сил был эмир, который правил страной, не зная над собой никакого закона. Людские судьбы зависели от настроения властителя, который, кстати, в придворном штате держал специальное должностное лицо — *танцадара*, ответственного за хорошее настроение эмира.

Раболепие из покоев верховного правителя распространялось повсеместно, угрожая стать чертой национального характера. Низшие угодничали перед вышестоящими на социальной лестнице, и так было на всех ее ступенях.

«Страна бесправия – так называли Бухару. Население было лишено каких-либо прав. Безграмотное и невежественное, забитое и загнанное по своим кишлакам, оно и не представляло, что у него могли быть какие-то права по шариату, так как *казии* (коранические судьи. – Е. Г.) решали все вопросы так, чтобы было выгодно только богатым людям. При дворе эмира были развиты подкуп и взяточничество. В конечном счете все это узаконенное взяточничество оплачивалось народом»³⁸.

Все три среднеазиатских ханства были во многом похожи одно на другое. Это были восточные деспотии, в которых общественная жизнь строго регламентировалась нормами религии, в данном случае мусульманской.

Низкий уровень экономического развития государственных объединений не разрушал родовых и племенных связей, скорее наоборот – консервировал их. Торговые отношения имели обменный характер и не способствовали формированию внутреннего рынка.

Как и тысячи лет назад в Средней Азии, верховный правитель был единственным собственником земли, которую он раздавал в пользование и владение местным феодалам и мечетям. Отсутствие частной собственности на землю тормозило прогресс в землепользовании: земледелец не был заинтересован в улучшении ее плодородия.

Отсутствие четко сформулированных норм землевладения, произвол властей и почти полное отсутствие договорных документов на землю привели к запутанности в земельно-водных отношениях. Такое положение сохранялось во всех ханствах до конца их существования.

В Средней Азии в середине XIX в. было всего 2 миллиона гектаров орошаемой земли. То есть примерно полгектара на человека. Если же учесть, что на этом клочке земли находились, кроме продовольственных культур, строения, технические культуры (шелковица, хлопчатник), кормовые травы, то получалось, что площадь орошенных земель была явно недостаточна для обеспечения населения питанием. В результате (при высоких темпах демографического роста) Средняя Азия была обречена на полуголодное существование и отсталость. Измученный налогами и трудовыми повинностями, принудительным рытьем арыков, дехканин был самым бесправным существом. Он прозябал в нищете, вел натуральное хозяйство. Крестьянская семья сама производила и перерабатывала сельскохозяйственное сырье, сама же потребляла конечный продукт. Притом следует признать, что неграмотный, забитый дехканин был прекрасным наследственным ирригатором. Его трудами во всех трех ханствах было создано сложное водное хозяйство, включавшее не только каналы порой стокилометровой длины и арыки (отводные протоки), но и разнообразные водорегулирующие и водосберегающие сооружения. Русский географ князь В.И. Масальский³⁹ писал: «При виде этих мощных потоков, несущих на многие десятки верст живительную влагу, невольно проникаешься уважением к народу, который при крайне скудных технических познаниях под палящими лучами туркестанского солнца, ценою невероятного труда, избороздил всю страну сетью оросительных артерий»⁴⁰.

Господствующая религия оказывала тормозящее воздействие практически во всех сегментах общественной жизни, не исключая экономического. Ислам запрещает получать проценты на предоставленные в долг деньги. Поэтому в Азии не сложилась кредитно-денежная система, которая формирует банковский капитал. В Англии, например, как и в других странах Европы, кредитные учреждения стали развиваться в начале XVIII в. и дали толчок промышленной революции. В капиталистическом хозяйстве появилось новое явление – торговля деньгами, господство финансов над производством. Отсутствие ссудного капитала, то

³⁸ Хидояттов Г.А.. Указ. соч. С. 247.

³⁹ Масальский В.И. – князь Рюрикович из ветви князей Черниговских. (Примеч. ред.)

⁴⁰ Масальский В. Указ. соч. С. 423.

есть кредитов и кредитующих банков, приводит к застою в торговле и экономике. «Аллах разрешил торговлю и запретил *риба*» (ростовщичество). Исходя из этой нормы, мусульманские купцы вынуждены были прибегать к различным ухищрениям, чтобы обойти этот запрет и получить прибыль на вложенный капитал, что было чревато наказаниями: можно было потерять не только имущество, но и жизнь. Коранический запрет, однако, не предотвратил расслоение мусульманского общества на богатых и бедных, в том числе очень бедных, но нанес ущерб его экономическому росту.

Значительным фактором, обусловившим всесторонний застой Средней Азии, была ее оторванность от мирового рынка. Участие в мировом товарообмене является неременным условием развития экономики и индустриального производства. Три ханства Средней Азии остались в стороне от магистрального пути развития Запада. Начиная с XV в., то есть с возникновения Османской империи, закрывшей средиземноморские порты, в связи с упразднением Великого шелкового пути и последовавших за этим Великих географических открытий, Средняя Азия оказалась еще более удаленной от внешних рынков и замкнутой в изолированном мире восточнофеодальных уделов и кочевых племен. Сотнями лет сохранялась одна и та же технология, одни и те же примитивные орудия производства. Властители и духовенство среднеазиатских ханств были фанатичными защитниками архаики во всех сферах жизни и производства.

* * *

Заканчивая краткий экскурс в историю Средней Азии, считаю полезным обратиться к свидетельствам очевидца, который проделал огромный путь через пустыни, побывал в Хивинском и Бухарском ханствах буквально накануне (1863) завоевания края русскими войсками. Венгерский востоковед Арминий Вамбери через 300 лет повторил подвиг (без преувеличения) Энтони Дженкинсона.

Весьма забавно, что автор уже упомянутого учебника «История Узбекистана» Ж. Рахимов называет Вамбери (как и других европейских путешественников) туристом: «Иностранные туристы, приезжавшие в эти государства (Хива, Бухара, Коканд. – Е. Г.) затем делились своими впечатлениями, поражаясь тому, как богата эта земля талантами»⁴¹.

Надо было быть профессиональным разведчиком или ученым, к тому же иметь сильную склонность к экстриму, чтобы решиться путешествовать по Средней Азии в середине XIX в. Туризм в Европе уже входил в моду, но ни одному европейскому обывателю не могло прийти в голову отправиться в туристическую прогулку в те края. «Необходимо отметить, – пишет В.А. Ромодин, автор предисловия к новейшему изданию книги А. Вамбери «Путешествие по Средней Азии», – что в Западной Европе и России накануне путешествия А. Вамбери ходили страшные, отпугивающие слухи о Средней Азии. В мировой прессе еще не улеглись страсти вокруг казни в Бухаре двух англичан, Стоддарта и Конолли. Насильственная смерть окружала имена этих британских эмиссаров ореолом «христианских мучеников»⁴².

Кроме названных выше британских «туристов» в Бухаре приблизительно в то же время обезглавили еще одного английского «туриста» – Муркрофта, так что безопасности ради «турист» Вамбери путешествовал под видом оборванного турецкого «дервиша» Решиды, благо прекрасно знал турецкий, персидский и арабский языки. Кстати, его предшественником, тоже решившимся на опасный маскарад, был барон П.И. Демезон⁴³, тюрколог и препо-

⁴¹ Рахимов Ж. История Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 52.

⁴² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 12.

⁴³ Демезон П. И. – русский специалист французского происхождения. Баронский титул получил в 1857 г. от сардинского

даватель тюркских языков. Турист Демезон совершил в 1834 г. путешествие в Бухару под именем татарского муллы Джафара. Если бы русского и венгерского ученых разоблачили, их ждала бы жестокая казнь.

Арминий Вамбери стартовал из Тегерана, в то время достаточно цивилизованного (по восточным меркам) города. Он попросил принять его в компанию дервишей-паломников, побывавших до того в Мекке, которые с караваном отправились в Хиву и Бухару. Новые компаньоны новоиспеченного пилигрима честно предупредили: «...дороги в Туркестане не так удобны и безопасны, как в Персии и Турции, на наших дорогах часто неделями не бывает ни крова, ни хлеба, ни питьевой воды, к тому же приходится опасаться, что ты будешь заживо погребен песчаными бурями»⁴⁴. И Вамбери примкнул к очень большому и вооруженному каравану, потому что только большой караван (много верблюдов, много людей) имел шанс дойти до цели.

В пути Вамбери узнал, как туркмены, главным образом, да и не только они, захватывают людей и делают их невольниками: «Представьте себе чувства перса, пусть даже последнего бедняка, когда его во время ночного налета вырывают из родного семейства и доставляют сюда (Гёмюш-Тепе. – Е. Г.), зачастую еще и израненного. Взамен его одежды ему дают старые лохмотья, прикрывающие только определенные части тела, и, обремененный тяжелыми цепями, растирающими лодыжки, причиняющими чудовищную боль при каждом шаге, должен провести первые дни, а бывает, и недели своей жизни в плену, получая самую скудную пищу. Во избежание попытки к побегу на ночь ему надевают на шею *караборга*, железное кольцо, прикрепленное цепью к большому столбу, так что бряцание цепью выдает его малейшее движение. Его муки кончаются лишь тогда, когда его выкупают родные или если его отправляют на продажу в Хиву или Бухару»⁴⁵.

Туркмены захватывали в плен, продавали в рабство, грабили не только неверных (христиан), еретиков (персов-шиитов), но и любого, у кого было хоть какое-то достояние: «он (кокандский мулла. – Е. Г.) доверился показному религиозному рвению, и, когда он однажды отошел на несколько шагов от каравана, на него напали два туркмена и похитили все его деньги, все его добро., так он и вернулся к каравану: полуголый и ошеломленный случившимся»⁴⁶. Вамбери пытался урезонить одного из грабителей, объяснить постыдность его поступка, тот ничего не мог понять: «Если у вас (в Турции. – Е. Г.) не разрешен грабеж, то чем же тогда живут люди?»⁴⁷ Эти люди не знали другого способа существования.

Вамбери ехал на своем верблюде в составе очень большого каравана, но о полной безопасности не могло быть и речи: «До сих пор было неизвестно, по которой из трех дорог пойдет наш караван. Утаивание плана здесь, где в любую минуту можно ожидать нападения, было крайне необходимо... Керванбаши сказал мне. чтобы мы по возможности избегали громко говорить и кричать днем и ночью, что отныне каждый должен печь хлеб до захода солнца, так как здесь нельзя ночью разжигать огонь, чтобы не выдать врагу местонахождение»⁴⁸. Очень похоже на передвижение туристов по гостеприимной стране.

Наконец наш «турист» добирается до Хивы и попадает в общество местных мудрецов: «Не меньше мучили меня ученые мужи, а именно улемы города Хивы. Эти господа, всему на свете предпочитавшие Турцию и Константинополь, хотели от меня, как главного представителя турецко-исламской учености, услышать разъяснения многих *меселе* (религиозных

короля. Умер в Париже в 1873 г. (Примеч. ред.)

⁴⁴ Там же. С. 28.

⁴⁵ Там же. С. 53.

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 78, 82.

вопросов). Упрямые узбеки в своих огромных тюрбанах вгоняли меня в пот, когда начинали беседу о предписаниях, как надо мыть руки, ноги, лоб и затылок, как по заповедям религии надо сидеть, ходить, лежать, спать и т. д. Султан (Турции. – Е. Г.) (как признанный преемник Мухаммеда) и его приближенные считаются в Хиве образцом в исполнении всех этих важных законов»⁴⁹. Типичный научный симпозиум.

Удалось автору повидать государя: «Хан носит такую же тяжелую баранью шапку, такие же неуклюжие сапоги с холщовыми портянками в несколько локтей длины, такие же ситцевые или шелковые халаты на вате, как и его подданные; он так же страшно потеет в этом сибирском наряде при гнетущей июльской жаре, как и они. В целом участь правителя Хорезма столь же малозавидна, сколь и остальных восточных правителей. В стране, где в порядке вещей грабеж и убийства, анархия и беззаконие, личность правителя из-за панического страха внушает что угодно, только не любовь»⁵⁰.

Вамбери оказался свидетелем обыденных сцен, и сегодня поражающих небывалой жестокостью. Воины хана Хивы захватили туркменских разбойников, уничтоживших хивинский караван. Хан вынес свой приговор: «Их уже разделили на две группы: на тех, кто не достиг 40 лет и кого еще можно было продать в рабство или подарить, и тех, кто по положению или по возрасту считался *аксакалом* (седобородым) или предводителем рода и кто должен был понести наказание, объявленное ханом. В то время как нескольких пленных уводили на виселицу или на плаху, я увидел совсем рядом, что восемь стариков по знаку палача легли на землю лицом вверх. Им связали руки и ноги, и палач выкалывал всем подряд оба глаза, становясь каждому коленом на грудь и после каждой операции вытирая окровавленный нож о белую бороду ослепленного старца. Какая это жестокая сцена, когда после ужасного акта жертвы, освобожденные от веревок, хотели встать, ошупью помогая себе руками! Некоторые стукались головой, многие бессильно падали на землю, испуская глухие стоны: воспоминание об этом, пока я жив, будет приводить меня в дрожь. В Хиве, как и по всей Средней Азии, не знают, в чем состоит жестокость; такое действие считается совершенно естественным, потому что не противоречит обычаям, законам, религии»⁵¹. И это не выдумка, а свидетельство очевидца.

Наконец «турист» добирается до Бухары: «Нищета улиц и домов намного превосходит бедность, скрывающуюся за самыми жалкими жилищами персидских городов, а пыль по колено в «благородной» Бухаре произвела на меня совсем неблагоприятное впечатление»⁵².

Вамбери разглядел суть знаменитой набожности Бухары и ее жителей:

«В Бухаре важна прежде всего внешняя форма. В каждом городе есть свой *раис* (блюститель веры), который, проходя по улицам и площадям со своим *дере* (плеть-четырёххвостка), проверяет знание религии и отправляет невежд, будь то даже 60-летние старцы, на 1 – 14 дней в школу, а в час молитвы гонит всех в мечеть. Учится ли старик в школе или спит там, молятся ли люди в мечетях или думают о делах, это никого не касается..

Малейшее проявление радости и веселья изгоняется отовсюду... Шпионы эмира проникают даже в святилище семьи, и горе тому, кто обвиняется в проступках против религии или авторитета эмира.

Ввоз предметов роскоши и прочих дорогих товаров запрещен, так же как пышность домов и одежды»⁵³.

⁴⁹ Там же. С. 99.

⁵⁰ Там же. С. 102.

⁵¹ Там же. С. 106.

⁵² Там же. С. 137.

⁵³ Там же. С. 148–149.

Как и в Хиве, наш «турист» нашел в Бухаре невольничий рынок: «Согласно предписаниям религии, только неверных можно продавать в рабство. Однако лицемерная Бухара не считается с этим, и кроме персов-шиитов, объявленных неверными, в рабство обращают многих суннитских единоверцев, избияниями и пытками вынуждая их выдавать себя за шиитов»⁵⁴.

Если официальная Хива и Бухара у Вамбери оставили самое неблагоприятное впечатление, то «дети степей» (нетуркмены) пришлись ему по душе: «Здесь, в Чичакту, я в последний раз видел узбекских кочевников и откровенно признаюсь, что с большим сожалением простился с этими честными, простодушными людьми»⁵⁵.

Первое издание книги А. Вамбери на английском языке увидело свет в 1864 г., а уже на следующий год этот замечательный труд был издан на русском – так внимательно в то время в России следили за тем, что происходит в регионе. Тем более что автор уделил место (небольшое) рассказу о русском присутствии в Средней Азии! Он рассказывает, как русские пресекли морское пиратство на Каспийском море, о том, что товары из России вытесняют английские на рынках Хивы и Бухары, и, наконец, о реальном русском влиянии: «В то время, когда Вамбери находился в Бухаре, там, в подземной тюрьме томились три европейца: «Это те три итальянца, которые были арестованы в то время, когда я был в Бухаре, и которые позже, лишившись всего, что у них было, спасли жизнь лишь благодаря содействию русского правительства»⁵⁶.

Приходится признать, что за 300 лет в том краю мало что изменилось: кажется, что Дженкинсон и Вамбери были современниками. И уж о каких туристах можно было говорить!

⁵⁴ Там же. С. 151.

⁵⁵ Там же. С. 187.

⁵⁶ Там же. С. 189.

Подготовка присоединения Средней Азии

Торговые связи Руси со Средней Азией возникли, очевидно, тысячу лет назад (судя по найденным археологами монетам и другим артефактам), однако в течение долгого времени эти связи были не только нерегулярными, но и непрочными.

По-настоящему регионом (включая бассейн Каспия) заинтересовались в России при Петре I. Его интересовали, во-первых, слухи о месторождениях золота где-то в устье Аму-дарьи, а во-вторых, возможность установить речной торговый путь в Индию, считавшуюся «страной чудес». Ради этих целей в 1717 г. отправился в Хиву отряд князя А. Бековича-Черкасского, который дальше Хивы не продвинулся и ничего не разведал, так как был уничтожен хивинцами. После этого трагического события в Петербурге забыли о Средней Азии.

А дальше произошли события, имевшие непредвиденные последствия. Востоковед Гиршфельд пишет:

«Принятие в 1732 г. по просьбе Абул-Хаир-хана в подданство малой киргизской орды (младшего казахского *жуза*. – Е. Г.) снова вовлекает Россию в дела Средней Азии.

Вслед за малой ордой приняла подданство России и средняя киргизская орда (средний казахский *жуз*. – Е. Г.) с ее ханом Шемякой, кочевавшим в восточной половине тургайской части нынешней Акмолинской области.

С этого времени Россия опять начинает двигаться в Среднюю Азию, но уже не через туркменские степи, как предполагал Петр, а через Зауралье.

Принимая в подданство малую орду, Императрица Анна Иоанновна предполагала, что этим она достигнет некоторого успокоения на восточных границах государства, подвергавшихся набегам киргизов. Русскому правительству совершенно не было известно, что Абул-Хаир-хана побуждали просить нашего подданства только его личные расчеты, а не желания киргизов, почему и оказалось впоследствии, что желаемого спокойствия на наших восточных границах мы принятием в подданство киргизов не достигли. Без надлежащей подготовки, не зная ни обычаев, ни взаимных отношений наших новых подданных, мы не могли и не умели упрочить наше влияние в степи.

Вместо охранения границ наши киргизы делали на них набеги и настолько разоряли пограничное население, что для охраны восточных границ от своих же новых подданных приходилось возводить целый ряд укреплений и устраивать так называемые линии (линии укреплений. – Е. Г.).

Кроме того, принятие в подданство киргизских орд дало возможность вмешиваться в наши дела в киргизской степи Хивинскому ханству, так как происходящие из киргизских родов ханы принимали живое участие во всех родовых распрях.

Начало XIX столетия не внесло никаких существенных перемен в отношения наши к Хиве. Хива сделалась скоро рынком, где продавались русские невольники, ценившиеся особо дорого, как рабочая сила.

В 1822 г. была сделана попытка мирного разрешения вопроса о положении наших пленных. Но попытка эта не привела ни к чему. Ни Бухара, ни Хива не отозвались на нее и не прислали своих уполномоченных для совместного разрешения поднятых вопросов»⁵⁷.

Похоже вели себя правитель Кокандского ханства и его приближенные: всячески восстанавливали кочевников против России и русских, создавали из обитателей степей разбойничьи шайки, грабившие русские и бухарские караваны, казахов – российских подданных облагали налогами в пользу Кокандского ханства, уводили в рабство торговцев и их помощ-

⁵⁷ Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Тифлис, 1902 // История Средней Азии. М., 2003. С. 110.

ников. Поэтому приходилось усиливать охрану караванов, продлевать укрепленные линии, строить новые крепости.

По мере развития российской промышленности и торговли значение товарообмена с кочевниками и среднеазиатскими ханствами постоянно росло. Кочевники владели большими табунами лошадей и стадами овец и коз, а потому могли поставлять в Россию кожи, овечьи шкуры, козий пух, сало. Ханства вывозили бумагу, хлопчатобумажные ткани, сухофрукты, шелк, пряности и т. п. А Россия везла в казахскую степь и Среднюю Азию продукцию своих заводов и фабрик, которых с каждым годом становилось все больше.

В начале 30-х гг. XIX в. в Средней Азии, которая еще недавно Петербургу казалась надежным и обеспеченным рынком сбыта русских промышленных товаров, появился чрезвычайно опасный и опытный конкурент – Британия. Англичане заканчивали захват и освоение Индии и начинали искать новые рынки в соседних азиатских государствах – Афганистане, Иране, Бухаре, Коканде, Хиве.

«Можно смело сказать, – писал Ф. Энгельс, – что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость непрерывного расширения торговли – этот *fatum*, который, словно привидение, преследует современную Англию. эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на Внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и Черного моря»⁵⁸.

Первым английским разведчиком в Средней Азии был Мир Иззет Улла, проехавший по Ферганской долине и Бухарскому эмирату в 1812–1813 гг. Позже – Муркфорт (1823 г. – Бухара; 1826 г. – Афганистан); Бёрнс, трижды посетивший Бухару (с 1831 г.); Гиникбергер (1832 г. – Афганистан, Бухара); Вейберг (1838 г. – Хива); Конолли и Стоддарт (1838 г. – Бухара); Аббот и Шекспир (1839–1840 гг. – Хива, Бухара, Коканд); Конолли (1840 г. – Коканд, Бухара); Вольф (1844 г. – Бухара). С 1844 г. в Среднюю Азию вместо разведчиков-англичан стали засылать разведчиков-индийцев, появлявшихся под видом купцов. По-видимому, это было вызвано казнями английских разведчиков Вейберга, Стоддарта, Шекспира и Конолли в Бухаре⁵⁹.

К 1816 г. Великобритании удалось вытеснить Россию с афганского рынка, к 1829 г. она добилась резкого ослабления российского влияния в Персии, Индия была потеряна для России окончательно, наступил черед ханств Средней Азии.

Английские эмиссары стремились воздействовать прежде всего на умы правителей ханств, используя большой арсенал средств и доводов. Делались попытки создать на восточном побережье Каспийского моря британские опорные пункты. Такие же пункты предполагалось основать в верховьях Амударьи и Сырдарьи. Ханов упорно настраивали против России, требовали от них пропустить через их территории англо-афганские отряды, которые могли бы атаковать русские укрепления. Ханов подкупали, навязывали им своих или турецких военных инструкторов, поставляли оружие.

Вот, например, что делал и как вел себя в Хиве в 1840 г. капитан Джеймс Аббот. Во время встречи с хивинским ханом Аллакули капитан стремился втянуть Хиву в орбиту британской политики и обострить ее и без того плохие отношения с соседями. Аббот пытался организовать совместное хивино-кокандское выступление против Бухары для освобождения задержанного там полковника Стоддарта, угрожая в противном случае «ввести британскую армию» в Среднюю Азию.

Заморский гость занимался и разведкой. По его настоянию Аллакули распорядился предоставить капитану «всю важную информацию относительно пограничных войск». Бри-

⁵⁸ Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. Изд. 2. С. 12–13.

⁵⁹ См.: Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 130.

танский разведчик завербовал несколько хивинцев, которые собирали для него нужную ему информацию, и по многим вопросам он был осведомлен лучше ханского правительства. Особый интерес вызывали у него действия России в Средней Азии. Он стремился подготовить договор о союзе между ханством и Великобританией, запугивая хивинцев «русской угрозой».

Англичане не брезговали враньем и жульническими приемами в торговле, что в российских газетах в XIX в. называли «пронырством». Тот же Аббот в своих беседах с мусульманскими авторитетами Хивы доказывал, что «русские – неверные, кяфиры», тогда как англичане – чуть ли не потомки пророка Мухаммеда и, уж во всяком случае, не знают о существовании таких запретных для мусульман животных, как свинья. Он был уверен, что никто не уличит его во лжи: его собеседники, не имевшие представления о внешнем мире, не могли знать, что бекон с яичницей – традиционное блюдо англичан, которое подают на завтрак. В результате хан предоставил британцу, «не ведавшему о существовании запретного животного», отряд и несколько орудий для укрепления берегов Мангышлака⁶⁰.

Используя жульнический демпинг, британцы вытесняли с рынков Средней Азии русские товары. Сначала они продавали свои товары по очень низким ценам. Местные покупатели быстро раскупали их и уже не обращали внимания на более дорогие предметы русской торговли. Вытеснив таким образом русских конкурентов, англичане резко повышали цены на изделия своей промышленности. Этот прием они повторяли не один раз и повсеместно. Все эти «пронырства» дали основание русскому публицисту Г. Каменскому издать большую статью под характерным заголовком: «Англия – страшный соперник России в торговле и промышленности»⁶¹.

Конкретные действия англичан, направленные против русских в Средней Азии, сопровождались мощной пропагандистской кампанией в британской печати.

Притом что британская политика в Средней Азии была активно наступательной, добиться крупных успехов англичанам не удалось. Причин было несколько. В ханствах сложилось стойкое мнение: «Англичане никогда не приходят в какую-либо часть Азии без особых целей и, в конце концов, становятся ее хозяевами»⁶². В среднеазиатских ханствах хорошо знали, как шаг за шагом Англия продвигалась в глубь Индии, захватывая одно княжество за другим.

Против Англии работала ее собственная двойственная политика. Британские эмиссары, с одной стороны, стремились расположить к себе, например, эмира Бухары, а с другой – поддерживали наступление афганцев на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав Бухарского эмирата. Для Бухары к тому же отношения с Россией были предпочтительнее. Бухарские купцы с большой прибылью сбывали на российских рынках сельскохозяйственную продукцию. Немало извлекал из этих торговых операций и главный купец Бухары – сам эмир. Бухарское ханство постоянно нуждалось в металлических и текстильных изделиях, которые доставлялись из Российской империи.

Представляя себе масштаб угрозы, какую несла Российскому государству военная, политическая и торговая экспансия Великобритании в Средней Азии, русские политики и предприниматели не сидели сложа руки. В Оренбурге и Омске формировались торговые караваны, направлявшиеся в ханства. Вместе с караванами правительство посылало образованных офицеров и горных инженеров, в задачи которых входил сбор всесторонней информации о путях передвижения, судоходных реках, полезных ископаемых, особенно драго-

⁶⁰ См.: *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии. М, 1974. С. 280–281.

⁶¹ Вестник промышленности. 1859. Т. 1. № 2.

⁶² Цит. по: *Халфин Н.А.* Россия и ханства... С. 206.

ценных металлах и камнях, об экономике и внутривластическом состоянии того или иного ханства и т. п. Строго говоря, русские специалисты собирали те же сведения, которыми интересовались британские эмиссары. Несомненно, русские вели и военную разведку. Как и англичане, посланцы Российского Императора в пути по среднеазиатским степям и пустыням рисковали головой.

Характерна в этом отношении ситуация, в которой в 1839 г. оказался известный русский путешественник, геолог, писатель и дипломат Егор Петрович Ковалевский.

В составе бухарского каравана геологи Е.П. Ковалевский, А.Р. Гернгросс и переводчик В.В. Григорьев (впоследствии крупный отечественный ориенталист) поздней осенью 1839 г. тронулись в путь из «азиатской столицы» России Оренбурга. В середине ноября они попали в район межплеменных столкновений кочевников-казахов. Им грозила незавидная участь быть проданными в рабство в Хиву. Бросив свои вещи, русские геологи вырвались из окружения враждебных кочевников и, проскакав 300 верст почти без остановки, на третьи сутки достигли российского укрепления Сырдарьинской линии.

Такие русские путешественники, как Е.П. Ковалевский и Я.В. Ханыков, оставили квалифицированные описания виденных, а порой изученных местностей Средней Азии, дорог, рек, горных хребтов, не потерявшие научной ценности по сей день. Я.В. Ханыков, большой знаток Средней Азии, написал подробную «Пояснительную записку к карте Аральского моря», а затем направил на имя Императора Николая I рапорт злободневного содержания: «Настоящее политическое значение Средней Азии (с точки зрения англо-русского соперничества)». Рапорт изобилует цифрами, характеризовавшими состояние русской торговли в ханствах в сравнении с торговлей британской.

Российские предприниматели требовали от правительства содействия в организации акционерных обществ, создании опорных пунктов на восточном берегу Каспия, открытия судоходства на Амударье, обеспечения безопасности русской торговли в ханствах и равных для русских купцов прав с местными торговцами на рынках Бухары, Коканда и Хивы.

Ради поддержки российской промышленности и торговли правительство империи пыталось установить с ханствами дипломатические отношения и обмениваться полномочными представителями. Как пример можно привести перечень пожеланий российской стороны к хивинскому хану: 1) не вести против России враждебных действий и не потворствовать им с чьей-либо стороны; 2) отказаться от претензий на суверенитет над русско-подданными казахами и туркменами; 3) не допускать укрывательства мятежников и выдавать их; 4) не препятствовать транзитной караванной торговле; 5) прекратить сбор пошлин на Сырдарье и уничтожить местные укрепления; 6) не мешать русским купцам приезжать в ханства и уравнивать их в правах с хивинцами; 7) предоставить России право свободного судоходства на Амударье; 8) допустить постоянного агента Российской империи в ханство; 9) уважительно относиться к требованиям этого агента; 10) признавать его непременным посредником в раздорах с соседями; 11) без его совета не заключать условий с какими-либо народами; 12) при смерти в Хиве кого-либо из русских подданных передавать агенту его имущество; 13) обеспечить безопасность агента и всех российских и бухарских торговцев⁶³.

Это были, так сказать, типовые требования, предъявляемые на переговорах со всеми среднеазиатскими владетелями. Надо признать, что пункты 10 и 11 имели в виду отказ ханства от суверенитета и признание вассальной зависимости от России, но таковы были реалии времени: британские соперники добивались того же.

Крымская война стала пунктом решительных перемен в отношениях России с государствами Средней Азии.

⁶³ См.: Там же. С. 290.

Поражение России в европейской войне понизило ее статус на международной сцене – высокомерные победители перестали считать ее первоклассной державой. Анализируя результаты Крымской войны, К. Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» писал: «Итак, для Российской империи путь в Европу закрыт. Но если закрыт путь северозападный, то остаются южный и юго-восточный: Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»⁶⁴. Однако «основоположник» излишне оптимистично оценивал российские перспективы на азиатском направлении: Афганистан, Константинополь, тем более Ост-Индия были заблокированы «страшным врагом». Оставалась Средняя Азия.

Экспансия в Среднюю Азию, развитие экономических связей с другими странами Востока, с точки зрения правящих кругов России, давали возможность восстановить пошатнувшийся военно-политический престиж и создать предпосылки для активного противодействия основному сопернику – Великобритании. Тема продвижения в Средней Азии стала почти постоянной на страницах русской периодической печати, отмечались успехи и неудачи в экономических связях России с ханствами. Востоковед В.В. Григорьев в 1856 г. писал: «Не Россия торгует с Внутренней Азией, а Внутренняя Азия торгует с Россией, ибо покупают и продают товары и в Азии и в Российской империи, как правило, азиатские торговцы, почему и почти без раздела достаются и купеческие барыши этой торговли. Причины этого в препятствиях, противопоставляемых торговле русских (и вообще христианских) купцов общеизвестным неустройством и еще более правительствами среднеазиатских владений, тогда как наше (правительство. – Е. Г.) покровительствует торговле азиатцев в России. Пока над Внутренней Азией будут тяготеть теперешние беспорядки и варварская дикость, естественно порождающие бедность и апатию, значительное развитие торговли с ней положительно невозможно.»

Единственный выход для Внутренней Азии Григорьев видел в переходе ее «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушала обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может пойти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии; до тех пор, пока эта последняя будет оставаться тем же, чем она есть, – всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней»⁶⁵.

Григорьев был умным человеком, и взгляд его на предмет публичной дискуссии был трезвым. Свои заметки он писал сразу по окончании неудачной для России войны, а потому, будучи человеком государственным (все еще существовала николаевская цензура к тому же), он осторожно писал о «владычестве какой-либо христианской державы», имея в виду, конечно, Россию. Альтернативой могло быть «владычество» Англии, но тогда России в тех краях делать было бы нечего.

Русских фабрикантов интересовали среднеазиатские ханства как рынки сырья. Крупный текстильный фабрикант А. Шипов указывал на важное значение хлопчатобумажной промышленности в экономической жизни России, а также на роль Средней Азии как потенциального источника сырья. Шипов приводил в пример Великобританию, начавшую выращивать хлопчатник в Индии и Австралии, чтобы ослабить зависимость от ввоза американского хлопка.

С откровенным призывом решительно действовать в Средней Азии выступил в печати наместник Кавказа, пленивший, кстати, Шамиля, князь А.И. Барятинский. Будущий фельд-

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. Изд. 2. С. 600.

⁶⁵ Григорьев В.В. Разбор сочинения «Очерки торговли России с Средней Азией» П. Небольсина. Отчет о XXV присуждении Демидовских наград. СПб., 1856. С. 178–181.

маршал, человек близко стоявший к царской фамилии, предложил проложить железную дорогу между двумя морями – Каспием и Аралом. В связи с захватом британскими войсками иранского порта Бушир наместник Кавказа предлагал усилить военную флотилию на Каспийском море, укрепить Бакинский и Петровский порты, занять какой-либо пункт на восточном берегу Каспия, чтобы открыть путь к Аральскому морю и таким образом создать предпосылки для организации судоходства по Сырдарье. В военных кругах России понимали, что Средняя Азия может быть прекрасным плацдармом, с которого удобно было угрожать вторжением в Индию. Идея по своей сути была химерической, практически невыполнимой, но для впечатлительных островитян могла бы стать ночным кошмаром.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в. прошли в России под знаком обсуждения не только актуальнейшего крестьянского вопроса, но и, может быть, менее значительного для русского общества, но очень существенного для правительства вопроса среднеазиатского. «Англичанка гадит» – такова была крылатая фраза, перелетавшая из газеты в газету. Полемическую активность российских газет и журналов не могли не заметить на Британских островах и не могли не понять, что Россия собирается взять реванш за поражение в Восточной (так в Англии называли Крымскую войну) войне. С этого времени начинается англо-русская гонка за господство в Средней Азии.

Британия улучшила свои отношения с Афганистаном, готовя его как плацдарм для наступления на Бухару. Оснащенный английским оружием афганский эмир Дост-Мухаммед начал завоевание бухарских земель на левом берегу Амударьи. В среднеазиатские ханства систематически засылались английские агенты, прошедшие школу разведчиков в Индии. Британские агенты пытались поднять против России казахские племена, но успеха не добились. Планы захвата среднеазиатских рынков обсуждались в британском парламенте. Так при обсуждении проблемы весной 1858 г. один из депутатов заявил: «Ничего не может быть более важного для нашего политического господства, чем развитие нашей торговли со Средней Азией, и ничего нет легче, чем расширить ее безгранично. Осуществляя это, мы обогатимся сами и цивилизуем Среднюю Азию.» Вскоре в палате общин был создан специальный комитет для продвижения английской торговли в среднеазиатских ханствах»⁶⁶.

В Петербурге понимали, что необходимо торопиться и идти в Средней Азии на решительные меры, но мешали разнообразные отвлекающие факторы, хотя бы незавершенная война на Кавказе. К тому же после поражения в Крыму российское дипломатическое ведомство проявляло сугубую осторожность, опасаясь враждебной реакции Европы. Власти на местах, то есть в Оренбурге и Омске, лучше знавшие обстановку на их южных границах, подталкивали центр к принятию радикальных мер.

В 1858 г. командир Оренбургского корпуса и оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин настаивал на проведении «твердой политики». Совершив инспекционную поездку по Оренбургской (Сырдарьинской) линии укреплений, он направил в Петербург множество документов, из которых в Главном штабе составили «Извлечение». Катенин подчеркивал слабость политического влияния Российской империи в среднеазиатских ханствах, наглядно проявлявшуюся при переговорах в Хиве. «Не только путешественники, но даже торговцы наши не могут показаться в эти владения, не опасаясь насилия и даже смерти; самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием», – писал он⁶⁷.

Катенин настаивал на соединении Сырдарьинской и Сибирской линий, создании Каспийско-Аральской флотилии (точнее, двух флотилий), захвате кокандских крепостей Джулека, Яны-Кургана, Туркестана и Ташкента – «средоточие всей торговли Средней Азии» (с Кокандским ханством отношения были почти постоянно враждебные). Затем он рассчиты-

⁶⁶ Цит. по: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 80.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Св. 886. Д. 4а. Л. 168–208.

вал подчинить и Бухарское ханство. Для этого он намечал два пути: военный (наступление русских войск из Ташкента на Бухару) и экономический (полное прекращение русской торговли с ханством). Все расходы окупятся полученными преимуществами. Предложения Катенина основывались на исследованиях и выводах специальной комиссии, созданной им в Оренбурге.

В Петербурге были одобрены лишь некоторые из предложений Катенина, такие как усиление Аральской флотилии и постройки лишь одного нового укрепления. Наступательные действия в отношении Кокандского ханства были отвергнуты. Россия была не готова к военным походам за тысячи верст от европейской части, в степях и пустынях, тем более что назревал конфликт между Францией и Австрией, могущий обернуться новой европейской войной. Однако власти Оренбурга продолжали вести исследовательские и разведывательные мероприятия. Точно такие же мероприятия и практически в тех же местах проводили англичане.

В течение 1861–1863 гг. в околоправительственных кругах при постоянном понуждении со стороны менявшихся Оренбургского и Сибирского генерал-губернаторов обсуждался вопрос о наступлении в глубь Среднеазиатского региона. В 1861 г. военным министром был назначен Д.А. Милютин. В отличие от своего предшественника Сухозанета Милютин был энергичным человеком, к тому же хорошо знавшим нужды развивающейся промышленности России. При Милютине Военное министерство более настойчиво проводило собственную линию в решении государственных дел. Военные круги все более склонялись к завоеванию среднеазиатских ханств, тогда как Министерство иностранных дел предпочитало добиваться предоставления Российской империи политических и экономических привилегий в регионе при помощи дипломатических переговоров. А военные уже нацелились на Туркестан и Ташкент.

Готовясь к наступательным действиям, российское правительство учитывало внутреннюю обстановку в Кокандском ханстве, где обострялась межфеодалная и межплеменная борьба. Возмущенные новым налогообложением кочевники-казахи осадили Ташкент, в Ферганской долине восстало племя кипчаков. Хан Худояр был вынужден бежать в Маргилан.

В конце 1862 г. обстановка в Средней Азии серьезно беспокоила российское правительство. Стало известно, что англичане произвели необходимые приготовления к открытию судоходства по Амударье. Милютин по этому поводу писал: «Мы должны во что бы то ни стало противодействовать этому покушению». Правительственная машина прибавляла обороты.

Помогли все те же англичане. В связи с восстанием 1863 г. в Польше во французской и британской печати началась долговременная, настойчивая кампания против России. Как всегда это бывало, инициаторы русофобской кампании добились результатов, противоположных ожидаемым: нерешительный и невоинственный Император Александр II принял сторону своих решительных советников из военного ведомства. Д.А. Милютин подготовил доклад о наступательных действиях в Средней Азии, 20 декабря 1863 г. этот доклад был утвержден царем и стал программой действий в Средней Азии.

Императорский указ от 20 декабря 1863 г. знаменовал начало нового этапа во внешней политике России в Средней Азии. К концу 1863 г. фактически был завершен период разведывательных экспедиций, дипломатических переговоров, случайных военных походов против того или иного города, той или иной среднеазиатской крепости. В 1864 г. началось планомерное проникновение российских войск в сердце Средней Азии. К 1864 г. ближайшей целью военных было занятие линии Сузак – Аулие-Ата, а конечной и важнейшей целью – включение в состав Российской империи Ташкента и Туркестана, заключение выгодных договоров с правителями среднеазиатских ханств и укрепление в них российского влияния.

Взятие Ташкента

Колониальные империи создавались отнюдь не по каким-либо заранее продуманным и хорошо просчитанным планам – таких планов не имели не только умом непостижимая Россия, но и рассудочный Запад. Так было в древнеримские времена, и точно так же в XIX в., весьма просвещенном и рациональном. Имперские границы в Новое время раздвигали те конкистадоры, что находились вблизи этих границ, причем чаще всего без соизволения центральных властей; более того, власти, хорошо знавшие и свое международное положение, и свое финансовое состояние, категорически не желали расширения имперской территории, однако бывали вынужденными принимать территориальные приращения.

Самым своевольным, самым неподконтрольным российским конкистадором был Михаил Григорьевич Черняев. Среди главных строителей поздней Российской империи он был самой неоднозначной, самой противоречивой и, пожалуй, самой одиозной фигурой. Известный военный публицист А.Е. Снесарев писал так: «Разницы между Ермаком и Черняевым нет никакой. Как и в более ранние времена, правительство принимало или очень слабое, или очень запоздалое участие в событиях. Немалую роль в качестве повода (колониальной экспансии. – *Е. Г.*) играло честолюбие Черняевых, Скобелевых и т. п.»⁶⁸. Во второй половине XIX в. на просторах Средней Азии Михаил Григорьевич Черняев возродил традиции лихих новгородских ушкуйников и казацкой вольницы XVI–XVII вв. В одном из писем своему единомышленнику (на этот раз то был фельдмаршал А.И. Барятинский) М.Г. Черняев писал: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества. что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства»⁶⁹. То было правдой, но лишь отчасти.

На долю М.Г. Черняева выпало начать и завершить героический период (около двух десятилетий) завоевания и освоения Русского Туркестана. Самым же главным делом его жизни было взятие штурмом с очень небольшими силами самого большого города Средней Азии Ташкента, ставшего столицей Русского Туркестана. Это случилось в 1865 г., когда Михаилу Григорьевичу было 37 лет. То была его самая большая и последняя победа, хотя он еще долго вел активную и очень разнообразную жизнь. Но по порядку.

Хотя торговля Руси – России с ханствами Средней Азии велась с незапамятных времен, этот регион до середины XIX в. привлекал лишь очень незначительное внимание российского правительства – русская внешняя политика, военная экспансия в том числе, была ориентирована главным образом на запад, юг, восток, но не на юго-восток. Все границы Российской империи, кроме среднеазиатских, всегда бывали делимитированы, только на огромных просторах казахских степей государственная граница была весьма условной и определялась «не иначе как умственной линией, которой направление будет описано самым неопределенным образом», как сообщал А. Левшин в своем сочинении «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей»⁷⁰.

Отсутствие четко обозначенной границы везде и всегда бывало причиной территориальных споров и вооруженных столкновений, не могла быть исключением пограничная неопределенность между Российской империей и среднеазиатскими ханствами, задержавшимися в своем развитии по крайней мере на полтысячи лет.

⁶⁸ Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1903. С. 18–21.

⁶⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Д. 31. Л. 8.

⁷⁰ Левшин А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1. С. 2.

«Пользуясь отсутствием определенной охраняемой границы, – свидетельствует самый авторитетный советский исследователь вопроса Н.А. Халфин, – кокандские отряды вторгались в кочевья этих племен, собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против Российской империи. Царские войска в свою очередь предпринимали эпизодические походы против кокандских укреплений, разрушали их и возвращались снова на свои базы – укрепление Верное и форт Перовский»⁷¹.

Судя по всему, кокандское «руководство» уверовало, что Россия в своем технико-экономическом развитии недалеко ушла от Коканда, тем более что до Коканда не могла не дойти информация о поражении России в Крымской войне, прежде всего от Турции – одной из участниц антироссийской коалиции. Такое убеждение наверняка владело умами тех, кто принимал в Коканде ответственные решения, о чем говорит авторитетное заключение знатока проблемы: «Регулярной армии в Коканде не существует. Артиллерия у кокандцев есть; но она так дурна, что едва ли можно назвать ее этим именем»⁷².

Кокандских правителей и военачальников искушала также, видимо, малочисленность русских войск, размещенных в фортах укрепленных линий, и вместе с тем вдохновляла многочисленность своего воинства. Существовал еще один фактор, ослаблявший среднеазиатские ханства в их противостоянии России: непрекращавшиеся междоусобицы. Причем мусульманские владетели, считавшиеся хранителями истинной веры, уничтожали и разоряли правоверных мусульман в завоеванных городах и кишлаках, как если бы те были неверными. Неоправданная жестокость по отношению к врагам-единоверцам была характерной чертой вооруженных столкновений между ханствами.

Крымское поражение имело многочисленные и разнообразные последствия для российского общества; одно из них – горькое разочарование в просвещенной Европе, еще недавно бывшей такой близкой сердцу всякого цивилизованного россиянина. Объединившись с извечным врагом России Османской империей, великие европейские державы не только предали русских европейцев, но и указали России ее место в мире, которое они же ей отвели. Русское общество находилось в шоке и пыталось переосмыслить свое отношение к Западу. «Не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры, – утверждал генерал-майор Генерального штаба И.Ф. Бларамберг в январе 1856 г. – Блистательное развитие (особенно в последние 30 лет) и постоянное с году на год увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения, требуют новых путей сбыту; а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств этой части света, то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»⁷³. Эту идею разделяли в то время многие крупные правительственные чиновники, ученые, промышленники и публицисты. Можно назвать имена Ю.А. Гагемейстера, Ф.Г. Тернера, А. Шипова, И.Н. Березина, П.И. Небольсина и др. Все авторы исходили (чаще молчаливо) из положения: «В Европе нас не ждут».

Русофобия, генерируемая дипломатами Великобритании, во второй половине XIX в. стала чуть ли не европейской идеологией, что позволило Ф.М. Достоевскому сделать заключение: «Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им,

⁷¹ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 61.

⁷² Вельяминов-Зернов В.В. Сведения о Кокандском ханстве // Вестник Русского географического общества. Ч. 1. СПб., 1856. С. 115.

⁷³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18233. Л. 1–2.

мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил...»⁷⁴

В России, однако, отдавали себе отчет, что, во-первых, в Азии тоже никто не стоит в ожидании русских, широко распахнув объятия, а во-вторых, в условиях бесконечного ханского произвола и насилия, в которых привыкли существовать местные жители, не может быть речи о выгодной и безопасной торговле в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Поэтому делался вывод (его сформулировал востоковед В.В. Григорьев) о необходимости перехода Средней Азии «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может пойти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии, – до тех пор, т. е. пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть, – всякое рассуждение об этом будет праздною, совершенно бесплодною болтовней»⁷⁵.

В российской печати обсуждались также возможности выращивать в Средней Азии в промышленных масштабах хлопчатник, чтобы ослабить зависимость российской текстильной промышленности от ввоза американского хлопка. Это было заманчиво. Итак, к концу 50-х гг. XIX в. в российском обществе устоялось единое мнение: Средняя Азия – выгодный и перспективный рынок сбыта для русских товаров и источник сырья, важный для наиболее развитой отрасли промышленности – текстильной. Оставалось найти наиболее эффективные способы подчинения и освоения обширного края.

Первым еще в 1856 г. предложил свой проект проникновения в регион наместник Кавказа, завершивший полувековую кавказскую войну, князь А.И. Барятинский. Князь предлагал построить железную дорогу от восточного берега Каспия через Устюрт к Аральскому морю. То был чрезвычайно смелый проект, если учесть, что в России первая протяженная «чугунка» между Москвой и Петербургом появилась в 1851 г. и в связи с Крымской войной дальнейшее железнодорожное строительство застопорилось. Большого опыта российские строители пока еще не имели, а тут предстояло класть рельсы через пески.

Барятинский приводил различные доводы в пользу своего проекта, в числе которых был и такой: «Россия, пользуясь одними преимуществами, дарованными ей природой, беспрепятственно упрочила бы свое влияние на местах, недоступных другим европейским державам, но предлагающих ей новые источники богатства и силы»⁷⁶.

Император Александр II признал предложения Барятинского «весьма важными и полезными» и распорядился рассмотреть их в Особом комитете. Рассмотрение состоялось 27 января 1857 г. Самым активным оппонентом оказался министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, который категорически возражал против каких-либо активных действий на восточном побережье Каспия из опасения возбудить неудовольствие Англии и спровоцировать ее на ответную силовую акцию.

В то же время с похожими предложениями обращался к Царю герой Севастопольской обороны генерал С.А. Хрулев. Он предлагал создать торговые фактории в городе Туркестане, на восточном берегу Каспия и на границах Хивинского ханства, создать постоянное пароходство на Каспийском море и даже начать прокладку железнодорожного пути в направлении Хивы. Этот проект постигла та же участь – отложили до лучших времен.

Барятинский продолжал настаивать на своем и в конце концов добился снаряжения нескольких экспедиций. В 1858 г. в Иран, ханства Средней Азии и Кашгар отправились мис-

⁷⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1984. С. 35–36.

⁷⁵ Григорьев В.В. Разбор сочинения «Очерки торговли России с Средней Азией» П. Небольсина. Отчет о XXV присуждении Демидовских наград. СПб., 1856. С. 181.

⁷⁶ Гейнс А. Железные дороги в Среднюю Азию: Сборник статей и проектов по проведению железных дорог в Среднюю Азию. С 23.03.1854 по 27.05.1874 г. Б. м., б. г. С. 7.

сии Н.В. Ханыкова, Н.П. Игнатьева и Г.Г. Валиханова. Оформлены эти миссии были по-разному: Н.В. Ханыков возглавил научную экспедицию; полковник Игнатьев – официальное дипломатическое посольство, а поручик Валиханов (казах) отправился под видом мусульманского купца.

Самой важной была миссия в Хиву и Бухару; о важности говорил факт назначения ее главой Николая Павловича Игнатьева, сына петербургского генерал-губернатора, графа⁷⁷, флигель-адъютанта, недавнего военного агента в Лондоне, то есть человека не только близкого ко двору, но и хорошо известного Императору. Несмотря на молодость – 26 лет, Игнатьев прекрасно ориентировался в международной обстановке, а находясь в Лондоне, «внимательно, – по его словам, – наблюдал за событиями в Азии и деятельностью там английских агентов»⁷⁸. Тем и объяснялся выбор этого молодого дипломата в качестве главы миссии. В записке на имя министра иностранных дел Игнатьев-младший излагал свое понимание ситуации: «В случае разрыва с Англией только в Азии сможем мы вступить в борьбу с нею с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Турции. В мирное время затруднения, порожденные Англией в Азии, и увеличение значения нашего в странах, отделяющих Россию от британских владений, послужат самым лучшим ручательством сохранения мира с Англией.», «Азия – единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами»⁷⁹. И то было не единичное, но весьма распространенное мнение.

В инструкции, полученной Игнатьевым от Министерства иностранных дел, ставились три главные задачи: 1) изучить ситуацию в Средней Азии; 2) упрочить влияние России в ханствах Хивинском и Бухарском, дабы улучшить условия в них русской торговли; 3) уничтожить влияние англичан. «Открытие судоходства по этой реке (Амударье. – Е. Г.), – говорилось в инструкции, – составляет важнейшее из всех поручаемых вам дел. О достижении его вы будете стараться всеми возможными средствами». Одним из таких средств был весьма громоздкий, но впечатляющий подарок – большой орган. Крупногабаритному подарку отводилась особая и очень важная роль – ему полагалось стать оправданием направления в верховья Амударьи судов (парохода в том числе) Аральской флотилии, на одном из которых только и можно было перевести орган. Флотилия и ее командир капитан 1-го ранга А.И. Бутаков поступали в распоряжение руководителя миссии. Получив разрешение от хана, русские суда должны были подняться как можно выше по течению Амударьи для детального исследования судоходности реки. Если бы вопрос о русском судоходстве удалось решить положительно, Игнатьеву разрешалось не настаивать на уменьшении пошлины с русских товаров вдвое (с 10 до 5 процентов).

В Хиве миссия Игнатьева успеха не добилась, и прежде всего в главном пункте – хивинцы наотрез отказались пропустить суда флотилии выше по реке. Бутакову и командиру конвоя Черняеву удалось дойти до города Кунграда, детально изучив дельту Амударьи; была составлена превосходная карта. «Пароход пытался пройти в различные устья, – писал Игнатьев в Петербург, – и наделал тревогу выстрелами и изысканиями, и с 22 по 29 июня не мог войти, так что я вынужден согласиться на настойчивые просьбы хана хивинского перегрузить подарок на хивинские барки...»⁸⁰

Переговоры тянулись долго, и чем больше проходило дней, тем меньше оставалось надежды на их благополучное завершение. «Наша жизнь в Хиве незавидна, – писал в письме

⁷⁷ Графский титул был пожалован П.Н. Игнатьеву и его потомству в 1877 г.

⁷⁸ Игнатьев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. С. 1.

⁷⁹ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 2–3.

⁸⁰ Цит. по: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. М., 1960. С. 96.

домой один из членов посольства, – подозревают во всем, хватают наших почтарей и трактата не подписывают. Мы каждый день получаем сведения, что на ханских советах трактуют, как бы от нас отделаться: одни предлагают отравить, другие – поджечь, а третьи, чтобы снять ответственность с хана, советуют нанять шайку туркмен, которая передушила бы нас где-нибудь по дороге из Хивы⁸¹.

Последняя угроза – «нанять шайку туркмен» – была более чем реальна. Нравы туркмен описывает в своем походном дневнике участник второй (1859) экспедиции Бутакова подполковник Черняев: «Во время поездки нашей в Кунград туркмены, подъезжавшие рано утром к пароходу и отправившись на добычу за хивинцами, возвратились, отбив восемь человек пленных своих, и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магомет-Фаны (правитель Кунграда. – Е. Г.) платит им за голову 40 рублей серебром, а они слышали, что русские платят вдвое дороже. Голову эту они сняли со старухи и, чтобы сделать ее похожей на мужскую бритую, повыдергали волосы. Им отвечали, что русские за головы ничего не дают. Они с неудовольствием отправились к Магомету-Фаны»⁸².

Судя по записям в его дневнике, недавно прибывший в край М.Г. Черняев был поражен безоговорочной ориентацией своих собеседников на криминальный образ существования: «Когда капитан Бутаков сказал, что русское правительство настаивает на этом (не грабить хивинские караваны, направляющиеся в Россию. – Е. Г.), потому что в этом деле замешаны выгоды русских, тогда они отвечали следующее: хорошо, мы будем пропускать караваны в Россию и грабить их на возвратном пути в Хиву»⁸³.

Полковник Игнатьев ни с чем покинул Хиву и уже через месяц, в конце сентября, добрался до Бухары. Здесь он встретил такое же настороженное отношение к России, нежелание эмира идти на уступки и брать на себя какие-либо определенные обязательства; к тому же выяснилось, что, как и в Хиве, эмир не в состоянии контролировать своих вассалов. Практически все члены посольства пришли к единому мнению, что иметь нормальные дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами невозможно: правящая элита не имеет никакого представления о международном праве и не привыкла соблюдать договоренности.

В декабре 1858 г. после семимесячного отсутствия миссия Игнатьева вернулась в Оренбург. Оценивая итоги своего посольства, Игнатьев писал: «Главнейший и существеннейший результат посланки нашего агента в Среднюю Азию в 1858 г. заключается в том, что рассеялся туман, заслонявший ханства от глаз русского правительства, которое наконец прозрело и узнало настоящую цену «дипломатических сношений» с хивинскими ханствами и Бухарой»⁸⁴. «Вывод был однозначный: «На трактаты полагаться нечего», необходимо «физическое воздействие» на хивинское правительство, «рано или поздно нам придется занять устье Амударьи, построить там укрепление для обеспечения плавания наших судов»⁸⁵. Как бы продолжая эту мысль, Черняев в своем отчете писал: «Средства для этого у нас есть. Затем разве мы пришли сюда, чтобы здесь комфортабельно устраиваться и заводить хозяйство, – для этого у нас много земли в России и более к тому удобной. Нам нужен этот край для распространения нашего влияния на Среднюю Азию...»⁸⁶

В этом пассаже виден автор: человек и деятельный, и нетерпеливый, и имперски мыслящий. Как и Игнатьева, его вдохновлял пример Великобритании, которая, не стесняясь и

⁸¹ [Залесов Н.Г.] Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. 1871. № 2–3. С. 49–50.

⁸² Черняев М.Г. Дневник М.Г. Черняева/ 1858. Поход в Кунград // Русский архив. 1906/ № 3. С. 473.

⁸³ Там же. С. 475.

⁸⁴ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 274.

⁸⁵ Залесов Н.Г. Указ. соч. С. 47.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 67. Д. 285. Л. 2.

не оглядываясь на соседей по «европейскому дому», энергично расширяла свою экспансию на Востоке.

С Игнатьевым и Черняевым соглашались многие влиятельные люди. Испытавшие на себе «путевые стеснения», то есть разбойные нападения на караваны, и «прижимки в городах», русские купцы очень низко оценивали фиксированные на бумаге соглашения с среднеазиатскими ханами⁸⁷. На проведении «твердой политики» настаивал оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин. Проведя в 1858 г. инспекционную поездку по вверенному краю, начальник края направил в Петербург несколько обширных донесений, в которых отмечал: «Не только путешественники, но даже торговцы наши не могут показаться в эти владения, не опасаясь насилия и даже смерти; самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием»⁸⁸.

Катенин, как подобало большому, облеченному доверием Государя начальнику, собрал специальную комиссию для выработки внешнеполитической программы. Дело в том, что губернаторы (они были генерал-губернаторами, то есть имеющими особые полномочия) приграничных губерний обладали расширенными правами, в том числе правом сношения с сопредельными государствами. В состав комиссии были включены начальник штаба войск Оренбургского военного округа генерал А.Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, начальник Аральской флотилии А.И. Бутаков, участники посольства Н.П. Игнатьев, Н.Г. Залесов и М.Н. Галкин, а также подполковник М.Г. Черняев, бывший в то время начальником штаба Сырдарьинской линии.

Комиссия, учитывая ее состав, высказалась однозначно за наступательную политику в отношении среднеазиатских ханств. Практически все участники оренбургского совещания сошлись в необходимости овладеть Ташкентом, что позволило бы контролировать не только важнейший перекресток азиатских торговых путей, но и обширный плодородный оазис среди степей и пустынь. Надо признать, что необходимость захвата Ташкента и прилегающих сельскохозяйственных районов была осознана намного ранее российскими политиками и промышленниками.

Предложения Катенина и результаты миссии Н.П. Игнатьева обсуждались в Петербурге в начале января 1859 г. на «совещательном заседании», в котором участвовали министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, военный министр Н.О. Сухозанет, министр финансов А.Ф. Княжевич, оренбургский и западносибирский губернаторы А.А. Катенин и Г.Ф. Гасфорд, а также другие видные государственные деятели империи. Наступательные предложения оренбургских «ястребов» были отвергнуты на том основании, что «правительство в настоящее время не имеет в виду завоевательных действий для этой части Азии». Отказ от наступательных действий был мотивирован назревшей европейской войной Франции и Сардинии против Австро-Венгрии, в которую могла быть втянута Россия. Кроме того, военные силы страны все еще отвлекал Кавказ.

В конце 1859 г. стало ясно, что серьезные походы против кокандцев, хивинцев и бухарцев откладываются на неопределенное время, а потому (не только поэтому) М.Г. Черняев принял решение покинуть Среднюю Азию.

На подступах к славе

М.Г. Черняев был воистину рожден для службы ратной, он был, что называется, военной костью – потомственным военным. Род Черняевых не был ни знатен, ни знаменит – только в 1783 г. Императрица Екатерина II пожаловала потомственное дворянство деду

⁸⁷ См., напр.: Тарасенко-Отрепков Н.И. Обзор внешней торговли России последних двадцати пяти лет. СПб., 1859.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Св. 886. Д. 4а. Л. 193.

Михаила Григорьевича Никите Исаевичу Черняеву, так что отец покорителя Ташкента Григорий Никитич родился в 1788 г. уже потомственным дворянином. Ему довелось вместе с армией пройти всю кампанию 1812–1814 гг., участвовать в крупных сражениях, в Бородинском в том числе, быть раненым и награжденным. В 1818 г. русский комендант маленького городка Le Quesnoy (Ле-Кеснуа) на севере Франции майор Новоингерманландского полка Г.Н. Черняев взял в жены дочь мэра города девицу Эсфирь-Шарлоту Лекюие рождения 1798 г. Молодые женились по любви, прожили в браке 50 лет и имели 18 детей, из которых девять умерли в младенчестве. Одним из девяти выживших был хрупкий и болезненный сын Михаил, появившийся на свет 22 октября 1828 г.

Он был способным учеником, с хорошей памятью, прекрасно выучил латынь и греческий и даже в пожилом возрасте на память цитировал Цицерона большими отрывками. Почитателям классического образования он остался на всю жизнь. При этом, естественно, он прекрасно говорил по-французски; это был его второй родной язык.

Сын и внук русских офицеров, он тоже хотел стать офицером, хотя и не отличался физической крепостью. Того же хотел отец. Григорий Никитич брал сыновей на встречи ветеранов Бородинской битвы, где они не только знакомились с легендарными героями, но и проникались гордостью за свое отечество. На этих встречах закладывались основы их патриотических убеждений.

Когда Мише исполнилось 12 лет, Григорий Никитич Черняев определил его в Дворянский полк, то есть в кадетский корпус, находившийся в Петербурге, основанный в 1807 г. Во времена Императора Николая I в этом сословном учебном заведении поддерживалась исключительно суровая дисциплина.

Пришло время выпускных экзаменов, которые кадет Черняев сдал отлично и получил право выбирать часть для прохождения службы. Он выбрал лейб-гвардии Павловский полк.

Уже в 1849 г., будучи 20 лет от роду, М.Г. Черняев был принят в Академию Генерального штаба, которая тогда не пользовалась популярностью в офицерской среде – прием в тот год составил всего 13 человек. С 1845 г. в академии преподавал военную географию и статистику профессор Д.А. Милютин. Черняеву предметы и манера преподавания будущего военного министра казались скучными; за годы учебы в академии (курс был рассчитан на два года) у М.Г. Черняева сложилось отрицательное мнение об этом самом ярком и эффективном государственном деятеле эпохи Великих реформ. Сам же Милютин считал поручика Черняева одним из самых способных своих слушателей.

В аудиториях академии Михаил Григорьевич познакомился и сдружился с людьми, которые много помогали ему впоследствии, – Н.П. Игнатьевым и В.А. Полторацким.

В Крымской войне штабс-капитан Генерального штаба Михаил Черняев участвует в должности порученца героев Крымской кампании генерала Хрулева и адмирала Истомина в течение долгой, изнурительной обороны Севастополя. Ему приходится писать донесения на Высочайшее имя, на одном из которых Император Николай I начертил: «Заметить этого молодого офицера». Его дочь и биограф А.М. Черняева в начале XX в. писала: «М.Г. Черняев с удовольствием любил вспоминать об этом факте и до конца дней своих сохранил искреннее поклонение величавому образу Государя Николая Павловича»⁸⁹.

Если отец его Григорий Никитич гордился всю жизнь тем, что был участником Бородинского сражения, то сын имел не меньше оснований для гордости, поскольку восемь месяцев находился в самом центре Севастопольской эпопеи. «Бойня на Малаховом кургане, – вспоминал М.Г. Черняев, – была страшная. Однажды во время обеда шальная бомба упала посреди нас и разнесла все деревянные переборки в башне. Однако я был очень счастлив, так как за все время осады отделался легкой контузией камнем от разрыва бомбы (отчего

⁸⁹ Черняева А.М. Черняев М.Г. во время Русско-турецкой войны 1853–1856 гг. // Русский архив, 1906. № 3. С. 455–456.

впоследствии жестоко страдал. – Е. Г.). Пробыв на Малаховом кургане восемь месяцев, я получил Владимира 4-й степени и золотую саблю.

<...>

Малахов курган был взят в 11 часов утра, когда войска обедали.

<...>

На мою долю пришлось ночью отводить войска с бастионов и траншей. Шепелев, присланный к нам вместо Хрулева, полковник Генерального штаба Козлянинов, присланный также кн. Горчаковым, и я переправились из Севастополя последними, когда войск там не оставалось ни одного человека. Мосты были разобраны, и мы переправлялись на лодках»⁹⁰.

Такой богатейший боевой опыт, как участие в обороне Севастополя, сопряженное с каждодневным смертельным риском, почти для любого, даже военного человека был бы более чем достаточным на всю оставшуюся жизнь. Повторять снова и снова встречи со смертью охотников немного – Михаил Черняев был из этого меньшинства. Поскучав около двух лет на посту начальника штаба пехотной дивизии, дислоцированной в Польше, подполковник Черняев исхлопотал перевод в Оренбург, то есть в казахские степи, где предвиделись военные действия. Весной 1858 г. он стал начальником штаба Сырдарьинской пограничной линии.

Оказавшись в Средней Азии первый раз, успел по-настоящему он только в двух предприятиях: исследовал дельту Амударьи и по принципиальному вопросу поссорился с начальником Сыр-дарьинской линии укреплений генерал-майором А.Л. Данзасом. Конфликт возник из-за степного разбойника Досчана.

Одним из его «подвигов» был захват известного русского ученого Северцова, который охотился в степи вместе с несколькими спутниками. Северцова изранили, двумя ударами саблей ему пытались отрубить голову, но потом расчетливый разбойник решил взять за него выкуп⁹¹. В конце концов Северцов попал к своим, а Досчану и его «поделщикам» от имени генерал-губернатора Оренбургского края А.А. Катенина была объявлена амнистия. Досчан доверился российским властям, сдался вместе с семьей-бандой, но был арестован по приказанию А.Л. Данзаса и предан военно-полевому суду. Суд приговорил Досчана к расстрелу.

Черняев вступился за доверчивого разбойника – написал Данзасу несколько писем с просьбой отменить приговор суда, но Дан-заса эти письма раздражали, тем более что между двумя офицерами отношения уже были испорчены, о чем говорит хотя бы такая записка командира Сырдарьинской линии к своему начальнику штаба: «Милостивый государь, Михаил Григорьевич, покорнейше прошу доставить Ваше мнение о порте в Сыры-Чаганаке. Если Вы опасаетесь, что исследования Ваши я присвою себе, то не угодно ли будет составить отдельную записку, которую я отправлю в дополнение к моему рапорту об этом предмете»⁹².

Отношения между начальником и подчиненным испортились давно, поэтому заступничество Черняева за степного разбойника было встречено Данзасом с раздражением, хотя аргументы Черняева звучали и веско, и убедительно: «Не одно сострадание, – писал Михаил Григорьевич, – заставляет меня говорить в пользу преступника, со всей семьей своей добровольно отдавшегося на великодушные русских властей, но и убеждение, что казнь его несовместима с достоинством нашего правительства и поведет к утрате доверия к нашим воззваниям, подобно тому как утратилась всякая вера к нашим угрозам»⁹³.

⁹⁰ Там же. С. 457–458.

⁹¹ См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб. С. 241.

⁹² А.Ч. М.Г. Черняев в Средней Азии // Исторический вестник. 1915. № 6. С. 869.

⁹³ Там же. С. 871.

Данзас ответил Черняеву резко и приказал ему уехать в Оренбург, то есть отставил от должности, а приговор военно-полевого суда был приведен в исполнение. Генерал-губернатор Катенин поддержал начальника Сырдарьинской линии, к тому же ему был несимпатичен неуживчивый и несговорчивый офицер. С помощью петербургских друзей Н.П. Игнатьева и В.А. Полторацкого Черняеву удалось получить перевод на Кавказ, куда он отбыл в декабре 1859 г.

На Кавказе М.Г. Черняев прослужил около двух лет. Здесь он (вопреки своему обыкновению) сблизился со своим начальником князем Барятинским. У этих двоих людей обнаружилась общность взглядов на многие проблемы развития России. В общении с Барятинским и служившим там же военным историком и публицистом Р.А. Фадеевым формировалось мировоззрение Михаила Григорьевича. Под их влиянием он сделался убежденным славянофилом; в общении с этими незаурядными людьми сложились его взгляды на военное искусство, армию, военную службу и военную реформу.

В 1861 г. военное ведомство возглавил новый министр Д.А. Милютин, призванный на эту должность именно для того, чтобы реформировать армию, потерпевшую поражение в Крыму. С этого времени различные варианты реформы обсуждались в армейских кругах. «С отличием пройдя всю умственную муштру высшего военно-учебного заведения, – писала его дочь, изучив теорию военного искусства в Академии Генерального штаба, – Михаил Григорьевич, столкнувшись с боевой действительностью на полях Молдавии и Валахии во время кампании 1853 г., убедился, насколько теория расходится с практикой. Не колеблясь, он вскоре отбросил весь этот, по его выражению, ненужный хлам и впоследствии слову «академический» придавал значение нарицательное, обозначая этим термином теорию, противоречащую и расходящуюся с практикой»⁹⁴.

Пока Михаил Григорьевич совершенствовал свою антиреформаторскую систему взглядов на Кавказе, в Петербурге, Оренбурге и Омске, вызревала идея решительных действий в Средней Азии. Инициатива исходила из Оренбурга и Омска. Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд сообщал правительству о намеченном им походе в верховья реки Чу и подготовке к захвату Пишпека. В письме военному министру оренбургский генерал-губернатор Катенин снова предлагал соединить Оренбургскую и Сибирскую линии южнее Ташкента, завоевать этот город и включить его в состав Российской империи, занять дельту Амударьи и юго-восточное побережье Каспийского моря, чтобы создать укрепление в Красноводском заливе. (В течение последующих десяти лет все это будет сделано.) Петербург пока еще не был готов к таким действиям.

После смерти А.А. Катенина в должность оренбургского генерал-губернатора и командира корпуса вступил А.П. Безак – человек маленького роста, носивший тщательно расчесанный парик, то есть явно с комплексами. Разобравшись в обстановке, Безак в 1861 г. направил в Петербург большую записку с предложением как можно скорее захватить Ташкент, поскольку на него и другие города и области Средней Азии покушаются англичане.

Оренбургский генерал-губернатор упорно бил в одну точку: «к городу, находящемуся в 150 верстах от Коканда, сходятся все торговые пути из Бухары, Китая и России. Владея Ташкентом, мы получим не только решительное преобладание над ханством Кокандским, но усилим наше влияние и на Бухару, что разовьет нашу торговлю с этими странами»⁹⁵.

Доводы были убедительными, угроза английского преобладания в регионе вполне реальной, однако правительство, занятое проведением крестьянской реформы, не могло отвлекаться на азиатские дела. В марте 1862 г. Милютин отдал распоряжение оренбургскому

⁹⁴ Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев: Биографический очерк. СПб., 1906. С. 34–35.

⁹⁵ Цит. по: Халфин Н.А. Политика России... С. 137, 142.

и западносибирскому генерал-губернаторам «в нынешнем году никаких приготовлений по экспедиции не принимать»⁹⁶.

В конце 1862 г. в Петербург поступили тревожные сообщения о выходе к берегам Амударьи отрядов афганского эмира Дост-Мухаммеда, заключившего военный союз с Англией, о действиях английской агентуры в среднеазиатских ханствах и очень опасном для России намерении англичан завести на Амударье регулярное пароходное движение. На этот раз даже обычно безразличный к азиатским делам министр иностранных дел князь А.М. Горчаков всполошился, считая необходимым противодействовать «замыслам англичан». И вот тут нужный человек оказался в нужном месте и в нужное время. Подполковник Черняев вторично вернулся в Среднюю Азию летом 1862 г. в качестве начальника штаба Оренбургского корпуса, которым теперь командовал А.П. Безак.

В начале марта 1863 г. генерал-губернатор Безак приказал начальнику своего штаба провести рекогносцировку района от Джулека до города Туркестана. Осторожный Безак требовал от своего инициативного начальника штаба не присущей ему осторожности. Операция, проводившаяся исключительно с разведывательными целями, обернулась неожиданным результатом. Казачий отряд Черняева шел по заснеженной пустыне под густыми снегопадами, потом под палящим степным солнцем и к концу мая дошел до крепости Сузак. В это время там вспыхнуло восстание против кокандской власти – повсеместно жестокой и разорительной. Своей артиллерией Михаил Григорьевич поддержал восставших; Кокандский гарнизон сложил оружие, а население Сузака попросилось в российское подданство.

Безак, когда до него дошло донесение начальника его штаба, испугался и очень разозлился – он еще толком не знал, с кем имеет дело. Насколько были перепуганы в то время должностные лица в Оренбурге, можно судить по письму Черняеву от начальника Сырдарьинской линии полковника Н.А. Веревкина: «Разрушение Сузака. было бы дело прекрасное, но опасаясь я, чтобы оно не повело к каким-либо неприятным запросам из Петербурга и не подняло бы шума в политическом мире; теперь же, при натянутости наших отношений с Англией, у нас особенно бояться давать повод англичанам к опасениям и неудовольствиям»⁹⁷.

И Безак, и Веревкин ошибались. Как им было не ошибиться, если они жили в глуши, радио и телевидения тогда не было, центральные газеты приходили с большим опозданием, да и гласность находилась на минимальной отметке. «Правительственные виды» им были недоступны. Именно ухудшение отношений с Англией из-за Польши вызвало в Петербурге весьма положительную оценку действий М.Г. Черняева. Хорошо информированный Полторацкий сообщал своему другу, что и Милютин и Игнатьев довольны «сузакским делом». Игнатьев, например, считал, что если бы России пришлось снова воевать с Англией в Европе, то можно было бы двинуть отряд Черняева по Амударье к Кабулу, а другие войска послать туда же с Кавказа ради создания угрозы Британской Индии. Полторацкий резюмировал: «Вообще Ваши акции здесь заметно повысились. Мы ждем, что Вас и других представят к наградам»⁹⁸.

«Сузакское дело» М.Г. Черняева стало образцом для проведения операций в Средней Азии: малыми силами и средствами, энергично и решительно, без долгого согласования с верхами, не дожидаясь одобрения и подхода резервов. Вся жизнь Михаил Григорьевич гордился своим пионерством.

После Сузака осмелели даже обычно робкие творцы российской внешней политики – в Министерстве иностранных дел приступили к разработке плана «соединения линий».

⁹⁶ РГВИА. Ф. 483. Д. 62. Л. 42 об.

⁹⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Св. 12.

⁹⁸ Там же.

Пока российские государственные мужи спорили, строили планы, изменяли их, снова и снова спорили, из Средней Азии приходили сообщения о новых попытках Великобритании утвердить свое присутствие в Коканде и Бухаре, о прибытии туда английских агентов. В Петербург поступали сведения, что британцы продолжают стремиться к освоению водных путей в Средней Азии и захвату рынков сбыта для своих товаров в сопредельных с Россией странах Востока. Известия эти были вполне достоверны. Так, российский военный агент в Лондоне полковник Новицкий переслал в свое министерство отпечатанный типографским способом (то есть для достаточно широкого ознакомления) доклад губернатора Пенджаба Р. Монтгомери «Торговля и ресурсы стран на северо-западной границе Британской Индии». В докладе излагались пути и методы освоения среднеазиатских просторов.

Милютин понимал, что медлить больше нельзя: в недрах военного ведомства был срочно подготовлен доклад о действиях в Средней Азии, в котором было предусмотрено, что с весны 1864 г. войска Оренбургского корпуса окончательно займут Сузак, а части Сибирского корпуса овладеют городом Аулие-Ата, и так будет создана сплошная пограничная линия по хребту Каратау. Впоследствии границу предусматривалось перенести на реку Арысь с включением не только Туркестана, но и Чимкента в состав Российской империи. Как уже говорилось, 20 декабря 1863 г. доклад получил Высочайшее одобрение; с этого момента начинается новый наступательный этап российской политики в Средней Азии.

Заветная цель

В то время, когда в Петербурге решалась судьба всего Среднеазиатского региона, и Ташкента в частности, Михаил Григорьевич, поссорившись со своим непосредственным начальником А.П. Безаком из-за «сузакского дела», без чьего-либо разрешения отправился в столицу. Серьезных последствий его самовольство не имело. Милютин ему симпатизировал и поддерживал, как мог, а уж в момент, когда готовился императорский указ о соединении линий, неуживчивый офицер оказался очень кстати – он мог стать лучшим исполнителем монаршей воли. На черняевскую «самоволку» начальство закрыло глаза и порекомендовало Государю назначить его начальником одного из двух отрядов, которым предстояло пройти по степи и горам многие версты – возможно, с боями, – дабы сомкнуть две укрепленные линии. Назначить его командовать оренбургским отрядом было невозможно – Безак на это не согласился, да и сам Черняев отказался бы от подчинения Безаку. Оставалась другая вакансия: Омск, Сибирский военный корпус, генерал-губернатор А.О. Дюгамель, тот самый, которого в своих воспоминаниях Милютин назовет «воплощением инерции» (то есть инертности). Такому нужен был инициативный помощник.

План наступательных действий был утвержден Царем в самом конце 1863 г.; прошли рождественские праздники, и уже 7 февраля Михаил Григорьевич получил от военного министра уведомление: «Государь Император изволит принять полковника Черняева в понедельник около полудня⁹⁹. Аудиенция в Зимнем дворце состоялась, что было большой честью для молодого полковника и означало важность предстоящей ему миссии. После приема у Государя в Омск пошла депеша от Д.А. Милютина: «...я счел необходимым предложить Вашему высокопревосходительству для начальствования экспедицией Генерального штаба полковника Черняева как способного и опытного штаб-офицера, хорошо знакомого со степью и успешно выполнившего минувшим летом рекогносцировку кокандских владений со

⁹⁹ Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А.Г. Серебренников. Т. 17. Ч. 1. Док. 18. С. 42.

стороны Оренбургского края»¹⁰⁰. На нужды экспедиции Черняев получил 149 812 рублей 16 копеек, суточные для себя из расчета 4 рубля в сутки и уже 13 февраля отбыл в Омск.

Соединение линий предполагалось осуществить силами войск двух корпусов – Оренбургского и Сибирского, которым предстояло двигаться навстречу друг другу, покоря кокандские крепости и возводя свои пограничные укрепления. Во исполнение этого плана почти одновременно выступили два отряда: Оренбургский под командованием полковника Н.А. Веревкина (около 1,5 тысячи человек) из форта Перовский и Зачуйский полковника М.Г. Черняева (2,5 тысячи человек, 22 орудия) из укрепления Верное. Черняев со своим войском выступил в поход 1 мая 1864 г. Ему, как и Верекину, вменялось в обязанность закладывать укрепления и подбирать места для строительства казачьих станиц.

Полковники не симпатизировали друг другу. Теперь они должны были взаимодействовать; будучи соперниками, каждый стремился опередить конкурента в быстроте передвижения и занятии большего числа кокандских укреплений. Вполне возможно, что, зная об их взаимной неприязни и соперничестве, начальство назначило их в пару для быстрейшего достижения цели. И они двинулись навстречу друг другу. После двухчасовой стычки 4 июня командиру Зачуйского отряда сдалась крепость Аулие-Ата; комендант крепости «с 400 конными, – доносил Черняев, – бежал из цитадели. Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями»¹⁰¹. Почти одновременно, а точнее, пять дней спустя отряд Веревкина подошел к одному из священных городов ислама Туркестану, но встретил сильное сопротивление Кокандского гарнизона и был вынужден начать осаду. Потеряв пять человек убитыми, 12 июня 1864 г. Верекин занял город. То были плановые победы, и за них оба полковника уже через месяц стали генерал-майорами.

Госпожа «Удача» повернулась к Михаилу Григорьевичу анфас. После занятия двух ключевых пунктов – Туркестана и Аулие-Аты – в Петербурге приняли решение создать третью пограничную линию – Новококандскую и назначить ее начальником М.Г. Черняева. Однако Черняев еще не знал о своем назначении, когда, решив развить успех, пошел воевать Чимкент. Захват Чимкента не предусматривался планом военных действий на 1864 г., однако Черняев справедливо полагал, что без этого дорожного узла новая российская граница была бы неполноценной. Он попросил поддержки у Верекина, который стоял в нескольких переходах от Чимкента, но «получил от Верекина грубое письмо от 2 июля, в котором тот уведомлял, что отряда не вышлет, потому что нужно строить помещения на зиму и косить сено»¹⁰².

Формально Верекин был прав – поход на Чимкент был явной импровизацией новоиспеченного генерала, к тому же до Верекина еще не дошло приказание военного министра: «Высочайше повелено для единства распоряжения на новой Кокандской линии подчинить генерал-майору Черняеву всю эту линию до долины Чу до Яны-Кургана со включением и войск, составляющих отряд генерала Верекина»¹⁰³. То был удар по самолюбию не только Верекина, но и Безака. В самом деле, большая часть территории, завоеванной Верекиным, включая Туркестан, отходила под командование несносного Черняева, да еще и отряд Верекина в придачу. Естественно, что Безак поспешил послать донос в Петербург, раскрыв планы Черняева захватить Чимкент. Между Петербургом, Оренбургом и Омском летели курьеры и телеграммы: военный министр попросил Дюгамеля вразумить Черняева, «чтобы отнюдь не увлекался далее того, что было предположено»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же. Док. 20. С. 46.

¹⁰¹ Там же. Док. 26. С. 50.

¹⁰² Терентьев М.А. Указ. соч. С. 283.

¹⁰³ Туркестанский край... Т. 17. Ч. 2. Док. 144. С. 231.

¹⁰⁴ Там же. Док. 247. С. 117.

Министр и генерал-губернаторы, однако, не понимали, что имеют дело с Ермаком Тимофеевичем. Ермак же возмущался: «Из последних бумаг, полученных из штаба Сибирского корпуса, – писал Михаил Григорьевич своему другу Полторацкому 20 августа, – я заключаю, что ветер подул мне в самое рыло. Если это будет продолжаться, то я стану отплевываться, а затем и вовсе плюну. Я сделал все то, что предполагал сделать еще в Петербурге, и могу продолжать дело, если будут иметь ко мне доверие и не станут слушать наговоров Безака. Не представляйте себе кокандцев такими, какими они были в Пишпекке и т. п.; у них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чего служат нарезные орудия, пехота вооружена штыками, а средств гораздо больше, чем у нас. Если мы их теперь же не доканаем, то через несколько лет будет второй Кавказ. Завтра идем в Ташкент...»¹⁰⁵

Из текста ясно, что Черняев претендует на роль самостоятельной фигуры, которой следует доверять; он делает то, что наметил еще в Петербурге, то есть это отнюдь не исполнитель чужой воли. Черняев, однако же, уверен в поддержке Государя и, несмотря на противодействие непосредственного начальства, готов двигаться на Ташкент, взятие которого инструкциями не предусматривалось.

На пути к Ташкенту стоял Чимкент. Черняев овладевает им со второй попытки 22 сентября. Свой штурм он ни с кем не согласовывал. Захваченные трофеи, нарезные орудия в том числе, подтверждают его правоту: кокандская армия модернизируется. Не ошибся он и в поддержке Государя, чему свидетельство – престижнейшая награда – знак ордена Святого Георгия 3-й степени. Безак посрамлен, Дюгамель обескуражен, – зачем же Петербург велел ему сдерживать этого напористого генерала? Англичане возмущены, но эта их реакция ожидалась, и, пока продолжается подавление Польского восстания, она на руку российскому правительству. Горчаков, как обычно, взволнован.

Путь на Ташкент открыт, и черняевский отряд, практически без отдыха, снова шагает по пыльной дороге под все еще жарким солнцем к заветной цели. Как и прежде, этот поход Михаил Григорьевич ни с кем из вышестоящих лиц не согласовывал. Месяц назад, когда Черняев обстреливал крепость Чимкент, его друг и единомышленник Полторацкий убеждал Милютину в необходимости включить Чимкент в цепь укреплений пограничной линии. Дмитрий Алексеевич тогда возразил: «Хорошо, но кто поручится, что за Чимкентом Черняев не признает необходимым взять Ташкент, а там Коканд, и конца этому не будет»¹⁰⁶. Имея дело с Черняевым, такую гарантию не мог дать никто. Полторацкий тем не менее постарался урезонить друга: «Не идите далее, ограничьтесь линией Арыси!» Черняев не послушал его, он не собирался слушать никого; возможно, остановился бы, если бы получил приказ лично от Государя, но Государь не высказывался. А военный министр как в воду глядел: за Чимкентом последовал Ташкент, потом другие города Средней Азии, в том числе Коканд, и конца этому не было долго, хотя Черняева уже не было в Средней Азии.

Но пока генерал Черняев едет верхом впереди своего полуторатысячного отряда при 12 орудиях. Старшие офицеры отряда недовольны, считают затею авантюрой – уж слишком незначительны русские силы. На что же рассчитывал Черняев? Вот ход его мыслей: «Население (Ташкента. – *Е. Г.*) мирное, промышленное, живущее преимущественно торговлей с Россией, и сильно тяготится настоящими военными действиями, во всем обвиняет господствующих в Коканде кипчаков (кочевое племя. – *Е. Г.*), желает мира, а большинство жителей – и русского подданства, – так он докладывал военному министру, – если жители выскажутся в нашу пользу, то отправить от них депутацию в Петербург и пока предоставить им собственное городское управление, наблюдая за устранением всякого постороннего влияния,

¹⁰⁵ Там же. Док. 246. С. 116.

¹⁰⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Св. 7.

вплоть до дальнейших распоряжений правительства»¹⁰⁷. Короче, расчет делался на «пятую колонну», которая ударит Кокандскому гарнизону в спину и откроет ворота русским войскам.

Все оказалось не совсем так, скорее даже совсем не так. Находясь на расстоянии одного перехода от города, Черняев послал туда четверых своих людей, связанных ранее с городским базаром торговыми делами, для разведки и установления связи с сочувствующими русскими жителям, но посланцев в город не пустили, и они вернулись ни с чем. 1 октября Черняев был у стен Ташкента. Обстановку в городе он не знал, тщательная разведка крепостных стен произведена не была, тем не менее он решился на штурм. Орудия стали бить по глинобитной стене, и вскоре начальник артиллерии отряда подполковник Обух доложил генералу о пробитой в стене брешии; Черняев разрешил начать приступ. «Тогда подполковники Обух и Лерхе с криком «ура!» повели своих солдат к стене и тут только увидели свою ошибку: стена неколебимо стояла во всю свою внушительную высоту, сбита же была только верхняя ее часть с зубцами...»¹⁰⁸ Наступило естественное замешательство атакующих, а противник тем временем хладнокровно расстреливал сгрудившиеся во рву роты. Черняев, правда, не растерялся и приказал всем своим 12 орудиям сосредоточить огонь по участку стены над головой попавших в ловушку солдат и офицеров. Под прикрытием огня своей артиллерии русские воины сумели выбраться из рва, но понесли значительные потери: 16 человек погибли, 62 были ранены. Среди погибших оказался храбрый офицер подполковник Обух. Оценив обстановку, Черняев отказался от повторного штурма. И правильно сделал, так как в крепости (24 версты по периметру) стоял большой гарнизон. Как и прежде, Черняева поразила боевая работа кокандской артиллерии, сравнивавшейся с русской по скорости и меткости стрельбы и превосходившей по дальности огня. Не было сомнений, что кокандцев обучали хорошие иноземные (европейские) учителя.

7 октября отряд в подавленном настроении вернулся в Чимкент. Генерал опасался преследования – большой Кокандский гарнизон, во много раз превосходивший по численности отряд Новококандской линии, с хорошей артиллерией мог бы окружить и уничтожить восемь черняевских рот. Кокандцы, однако, не воспользовались своим преимуществом и не развили успех.

Это было серьезное поражение, подорвавшее престиж не только еще недавно победоносного генерала, но и России. Михаил Григорьевич поспешил по установившейся среди военных традиции объявить неудачный штурм разведкой боем, но этот незамысловатый прием не мог обмануть профессионалов. На его несчастную голову посыпались упреки. Дюгамель писал ему, что даже рекогносцировка Ташкента была излишней и ненужной: «Успехи наши в настоящей кампании были так велики, что незачем было гнаться за новыми лаврами, и благоразумие требовало только прочно укрепиться в занятых нами позициях». Еще более неприятным был для чрезвычайно самолюбивого офицера отзыв Государя, дошедший до него через несколько недель после неудачного дела: «Сожалею весьма, что он решился на ненужный штурм, стоивший нам стольких людей»¹⁰⁹.

За упорное неповиновение приказам начальства, усугубленное неумелыми военными действиями, приведшими к многочисленным потерям, любого другого военачальника, наверное, отстранили бы от должности, а может быть, отправили в отставку; во всяком случае, наказали. У Михаила Григорьевича, однако, пока еще в Петербурге были покровители, включая самого военного министра, да и Государь к нему явно благоволил. Докладывая Императору соответствующий рапорт Черняева, Милютин акцентировал внимание на мало-

¹⁰⁷ *Туркестанский край...* Т. 17. Ч. 2. Док. 261. С. 133.

¹⁰⁸ *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 296.

¹⁰⁹ *Туркестанский край...* Т. 17. Ч. 2. Док. 301. С. 221–222.

численности войск Новококандской линии и на мерах по ее укреплению. Полторацкий слал своему другу успокоительные письма, сообщая, что «ташкентское дело» не произвело «особенно дурного впечатления».

Спустя много лет, когда Дмитрий Алексеевич Милютин писал свои мемуары, он назвал причину, по какой он потакал своеволию местных военных деятелей:

«Мне случалось слышать упреки: почему подобные самовольные действия местных второстепенных начальников проходят безнаказанно? Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако, убежден в необходимости большой осторожности в подобных случаях. Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы.

Бывают случаи, когда начальник должен брать под свою ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»¹¹⁰.

Создается впечатление, будто существовал своего рода молчаливый сговор Императора и военного министра против министра иностранных дел. Судя по всему, взгляды Александра II и Д.А. Милютина на колониальную экспансию совпадали, но противоречили взглядам А.М. Горчакова на тот же предмет. Император, несомненно, тяжело переживал поражение России в Крымской войне и искал возможности повысить авторитет своей страны, доказать миру, что Россия остается в числе великих держав.

Подход Милютина был менее эмоциональным и значительно более прагматичным. Он понимал, что слабые во всех отношениях среднеазиатские ханства не имеют шанса сохранить независимость – рано или поздно они должны были попасть в сферу влияния или стать колониями либо Англии, либо России. Так зачем же отдавать их Англии? Милютин был человеком военным и понимал стратегическую ценность Средней Азии как плацдарма, приближенного к самой главной колонии Великобритании – Индии. Это означало необходимость перенести границу Российской империи как можно ближе к Индии. Такую угрозу англичане сознавали и оттого очень нервничали. Милютин был еще и человеком современным, то есть понимал экономическую ценность среднеазиатских оазисов, месторождений полезных ископаемых и т. д. Он понимал, насколько неразумно проводить новую российскую границу по местам пустынным, неплодородным, оставляя англичанам цветущие оазисы.

Именно поэтому и Государь, и Милютин не только сочувствовали, но и покровительствовали чрезмерно инициативному и неуправляемому генералу Черняеву, поскольку он реализовывал их невысказанный замысел.

Князь А.М. Горчаков был министром иностранных дел, а не военных, то есть ответственным политиком, который самой главной задачей считает создание и сохранение мирных условий развития своей страны, устранения военных угроз. Ко всему прочему, в середине 60-х гг. он уже был весьма пожилым человеком, родившимся еще в XVIII в. На 20 лет он был старше Императора и на 18 – Милютина. В таком возрасте накапливается усталость, суета несносна, душа жаждет покоя. Пройдет еще десяток лет, и Государь будет решать внешнеполитические проблемы без него.

Самодетельность Черняева нарушала план устройства юго-восточной границы России: ни Туркестан, ни Чимкент присоединять к империи первоначально не предполагалось. Поэтому старый план подлежал пересмотру, появилась также необходимость разработать концепцию российской политики в Азии. Соответствующие документы родились в недрах

¹¹⁰ Цит. по: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. М., 1960. С. 174.

Министерства иностранных дел и, оформленные в виде доклада, были представлены Царю 31 октября 1864 г. Государь доклад утвердил. Ранее намеченная граница от Сырдарьи через Сузак, Чолак-Курган по Каратаускому хребту к Аулие-Ате и Верному была отвергнута, так как проходила по пустыне, что повлекло бы увеличенные расходы на содержание войск; при такой границе пришлось бы оставить уже занятые Туркестан и Чимкент, что произвело бы «невыгодное впечатление». У старой границы обнаружились и другие недостатки: она «не позволяла бы прочной колонизации, необходимой для устройства благоденствия края» (слишком мало оказалось земли, годной для переселенцев); «торговые пути для прямых сношений с Кокандом и Кашгаром не имели бы достаточного основания», эвакуация Туркестана и Чимкента не «смогла бы успокоить Европу». Занятые в 1864 г. среднеазиатские города, как и район озера Иссык-Куль, было решено закрепить за Россией, однако категорически отвергалась целесообразность овладения Ташкентом, ибо это вовлекло бы империю во все среднеазиатские «смуты» и «не положило бы предела нашему движению в глубь Средней Азии»¹¹¹. Овладение Ташкентом, по мнению авторов доклада, повлекло бы цепь нежелательных и даже опасных последствий. В основном страхи были придуманными с целью запугать впечатлительного Государя и отвлечь от дальнейшей экспансии.

На основании доклада, предназначенного для «внутреннего употребления», была сформулирована концепция восточной политики России; Министерство иностранных дел обнародовало ее как циркулярную ноту, разосланную по российским посольствам за рубежом. По решительной тональности чувствовалось, что в сочинении этого циркуляра участвовал военный министр. «Положение России в Средней Азии, – говорилось в ноте, – одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает.» Циркуляр убеждал читателя, что русский Царь расширяет свои владения не ради самого расширения, а для того, чтобы «утвердить в них власть свою на прочных основаниях, обеспечить их безопасность и развить в них общественное устройство, торговлю, благосостояние и цивилизацию». В заключение Горчаков (циркуляр был подписан им) уверял, что Россия дальше Чимкента не пойдет¹¹².

Вывод мог быть только один: не может быть двойного стандарта – один для Европы, другой для России; Россия – равня всем цивилизованным государствам, и оснований для территориальной экспансии у нее не меньше (если не больше), чем у других держав. Циркуляр Горчакова сигнализировал, что Россия оправляется от шока крымского поражения.

Итак, в Петербурге как будто окончательно определились: за Чимкент ни ногой, пришла пора осваивать огромные новоприобретенные пространства. Михаилу Григорьевичу на его предложение немедленно повторить наступление на Ташкент из Военного министерства пришел отказ, однако из того же ведомства поступило весьма для него приятное известие: он назначался военным губернатором образованной в начале 1865 г. в составе Оренбургского края Туркестанской области с центром в Чимкенте. В его подчинение передавалась (не сразу) небольшая армия численностью 15 тысяч человек. То был несомненный

¹¹¹ *Туркестанский край...* Т. 17. Ч. 2. Док. 135. С. 165–172.

¹¹² Цит. по: *Татищев* С Император Александр Второй. Кн. 2. М., 1996. С. 109–110.

знак Монаршего благоволения, однако удовлетворение новым назначением Черняев не мог ощущать в полной мере из-за того, что его вновь подчинили оренбургскому генерал-губернатору – на этот раз им был сменивший Безака генерал-адъютант Н.А. Крыжановский. Как бы там ни было, новое назначение все же умиротворило нервную натуру Черняева. Он тяжело переживал неудачный штурм Ташкента, тем более что ему о нем постоянно напоминали, а то и резко критиковали. В письме Полторацкому от 22 января 1865 г. он писал:

«Когда Вы приедете сюда, то убедитесь на месте, что атака Ташкента вовсе не так бессмысленна, как старались мои друзья представить ее в Петербурге. Если бы не инструкция (запрещение повторного похода. – Е. Г.), то я бы теперь выгнал кокандцев из этого маленького города с 200 тыс. населения, в ответ на набег Алимкула на окрестности Туркестана..

С нетерпением буду ожидать Вашего приезда; нельзя себе представить, что я перенес в продолжение этого года, и когда Вы меня увидите, то, вероятно, найдете, что я состарился десятью годами»¹¹³.

Был даже момент, когда Черняев хотел просить о переводе его из Средней Азии, но новое почетное назначение удержало его в жарких песках. В управление он получил огромный край – от Аральского моря до озера Иссык-Куль.

Всю зиму 1864/65 г. Черняев мечтает о реванше. На этот раз он продумывает свой поход на Ташкент. Кокандские власти Ташкента со своей стороны провоцируют туркестанского губернатора. В конце ноября 1864 г. десяти тысячное кокандское войско во главе с наместником малолетнего хана Коканда Алимкулом выступает из Ташкента в поход, имея целью отбить Чимкент. Однако подойти к Чимкенту скрытно Алимкулу не удалось: в селении Икан кокандцы встретили казачий отряд есаула Серова. 109 казаков при одном оружии вели трехдневный бой против большого и неплохо вооруженного войска. 57 казаков погибли, 42 были ранены, то есть практически ранены были все оставшиеся в живых. Измученные, израненные уральские казаки сумели пробиться сквозь тысячные ряды противника. Отчаянное сопротивление русских людей ошеломило кокандцев. «В самом деле, – заключает военный историк М.А. Терентьев, – они не посмели приблизиться к казакам и только провожали их сильным огнем на протяжении всех восьми верст; остатки сотни шли, бросая одежду, в одних рубашках, с ружьями и патронами. Взбешенные азиаты излили всю свою месть на тяжелораненых, оставленных на дороге: на глазах отряда их рубили шашками и отсекали им головы»¹¹⁴. Героев спас отряд, высланный из Туркестана.

Черняев был потрясен героизмом уральцев и одновременно негодовал по поводу нерасторопности коменданта города Туркестана, который не выслал вовремя подмогу. Алимкул бросал новому губернатору вызов, который он – человек чести – не мог не принять.

После иканского боя самому Черняеву, Крыжановскому и Милютину становится ясно, что Алимкул серьезный противник и что он не смирится с потерей городов, еще недавно принадлежавших Коканду. Милютин начинает понимать, что рано или поздно новый штурм Ташкента неминуем, хотя необходимость эта ему не приносит радости – он государственный человек высокого ранга и знает цену международным обязательствам. Пока же он просит оренбургского генерал-губернатора сдерживать порывы Черняева: «Пока не получит достаточных подкреплений, ничего не предпринимать, но поддерживать отношения с жителями Ташкента и не лишать их надежды на помощь в свое время»¹¹⁵.

О чем же идет речь? Среди городов Средней Азии Ташкент выделялся не только размерами занимаемой площади и численностью жителей – самый большой и населенный, но и своей исторической судьбой, своим духом и характером, которые есть у каждого города и

¹¹³ Туркестанский край... Т. 19. Док. 25. С. 33–34.

¹¹⁴ Терентьев М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 303.

¹¹⁵ Туркестанский край... Т. 19. С. 49–50.

городка: «что ни город – свой нор». Издревле это был форпост оседлости на краю мира кочевников, что определило его судьбу – в течение многих веков город был яблоком раздора для захватчиков; он неоднократно попадал под власть кочевников, переходил из рук в руки, оказывался на краю гибели, но продолжал жить.

Впервые ташкентцы познакомились с Московским государством в XVI в. после завоевания Иваном IV Казани и Астрахани, но только после подчинения Москве Западной Сибири ташкентское купечество установило с русскими землями устойчивые торговые связи, используя свои традиционные пути по степям Казахстана. Впервые официальный посол России Д. Телятников побывал в Ташкенте в 1796–1797 гг. В это время Ташкент и окрестности определял городской посад, то есть торговцы и ремесленники. Посадские люди стремились сделать экономические связи с Россией по возможности прочными и постоянными, для чего пытались открыть русским перспективы промышленного освоения края, в частности разработки близ города золотоносных земель.

Посольство Телятникова провело в Ташкенте год и собрало самые разнообразные сведения. Телятников вернулся в Россию вместе с ташкентским посольством, которое везло российскому Императору послание хана Ташкента Юнуса-Хаджи и богатые подарки. С соответствующими почестями ташкентское посольство было принято в Петербурге. В документах ташкентских посланцев находим вполне недвусмысленную просьбу о российском протекторате: «если когда-нибудь со стороны Китайского государства по отношению к нам случится война и взаимное убийство, то чтобы славный и грозный его светлость великий Царь приказал нас принять под сень его покровительства, и просим, чтобы он повелел для полной нашей уверенности дать грамоту относительно помощи и милости...»¹¹⁶

Призыв к военной защите давал России законное основание для ввода русских войск в пределы Ташкентского государства, а значит, и для утверждения там российского влияния. Этот акт позволил бы России создать военную и торгово-промышленную базу в центре Средней Азии, откуда она могла бы распространить свою власть на весь огромный регион. Захват Ташкента не входил в планы российских властей, а вот разведкой полезных ископаемых, и на золото прежде всего, Петербург очень заинтересовался, для чего и были вскоре направлены туда горные инженеры М. Поспелов и Т. Бурнашев.

В Ташкенте их встречали с пиететом и лаской: «Мы сделались в глазах их [ташкентцев], – пишет Бурнашев, – важными ильги, или послами»¹¹⁷. Однако российским «ильги» не удалось отплатить ташкентцам той же монетой: за три месяца пребывания в Ташкенте российские специалисты ознакомились с рудными богатствами горы Наудаг и разочаровали своих гостеприимных хозяев, да и себя в придачу – там было не золото, а медь.

Наметившийся научно-технический и дипломатический контакт Ташкента с Россией в начале нового века не получил развития. Не могло быть и речи о помощи далекому Ташкенту, который в 1808 г. не выдержал осады кокандцев и стал частью Кокандского ханства. Ташкентский посад подвергся поголовному разграблению и избиению; 300 наиболее зажиточных ташкентских семей были насильственно переселены в Коканд в качестве заложников. В первые десятилетия XIX в. кокандские ханы значительно расширили свои владения, распространив свою власть до Аральского моря.

Только за 25 лет с 1840 по 1865 г. Ташкент семь раз переходил от одного владельца к другому. Каждая смена власти сопровождалась казнями, конфискацией имущества, поборами. И тем не менее ташкентский посад умел пережить очередное лихолетье, прятал свои богатства в тайниках, выжидал и снова принимался производить привычные продукты, снаряжать и отправлять караваны в далекие страны. Торговлей с Россией ташкентцы занима-

¹¹⁶ Цит. по: Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 75.

¹¹⁷ Там же. С. 85.

лись из поколения в поколение, подолгу жила в русских городах, некоторые хорошо говорили по-русски. Судя по авторитетному свидетельству Пушкина, жители Средней Азии, которых обобщенно называли «бухарцами» и среди которых ташкентцев было больше всего, уже в начале XIX в. стали неотъемлемым элементом московского пейзажа:

...Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, башни, казаки...

Естественно, что тесные связи с Россией обусловили появление в торгово-ремесленной среде пророссийских симпатий, так называемой русской партии. Эту партию отличало известное свободомыслие, религиозная терпимость, тяга к умеренным нововведениям.

В российском Министерстве иностранных дел на проблему смотрели тождественно. В инструкции МИДа от 23 февраля 1865 г. давались следующие указания: «Если бы жители Ташкента, тяготясь непрерывными беспорядками, господствующими в Кокандском ханстве, вздумали отложиться, то необходимо содействовать этому тайными сношениями с влиятельными ташкентцами и, в случае действительного восстания, облегчить ему успех нанесением быстрого удара враждебному ему кокандскому владетелю. Само собой разумеется, что после подобного удара отряд должен возвратиться на линию, не вдаваясь в дальнейшее участие в этой междоусобной борьбе и не занимая Ташкента». В случае попытки бухарского эмира захватить город русским войскам также рекомендовалось «предупредить эту случайность»¹¹⁸.

Короче, Крыжановскому и Черняеву предлагалось действовать сообразно формуле «казнить нельзя помиловать». Расстановка знаков препинания возлагалась, таким образом, целиком на их усмотрение, что Михаила Григорьевича вполне устраивало: не колеблясь, он готов был поставить запятую после слова «казнить».

Несколько факторов заставляли Черняева спешить с повторным штурмом, не дожидаясь значительного усиления вверенных ему войск. Из Ташкента от представителей русской партии (их в городе оставалось немало даже после бегства до трех тысяч сторонников пророссийской ориентации вслед за первым неудачным штурмом осенью 1864 г.) постоянно поступали сведения об активной подготовке Ташкентского гарнизона к осаде и штурму. Во-вторых, бухарский эмир, не отказавшийся от притязаний на Ташкент, готовился к походу сначала в Ферганскую долину, а потом и на Ташкент; в-третьих, новый генерал-губернатор Оренбургского края собирался в августе прибыть в Туркестанскую область, а до того ничего не предпринимать против Ташкента. «Ясно, что генералу Черняеву, – замечает М.А. Терентьев, – расчетливее было бы отложить военные действия до приезда главного начальника и его приближенных, мечтавших об увеселительной поездке в степь осенью «по холодку», без особых неприятностей и с верным расчетом на Георгия (орден Святого Георгия. – Е. Г.). но Черняев не хотел делиться славой, а его ближайшие помощники и сами очень уважали святого великомученика и победоносца. На товарищеских советах решено было Крыжановского не ждать»¹¹⁹. Такое суждение историка основывается на письмах Черняева и людей из его окружения. Один из офицеров черняевского отряда полковник Качалов писал своему

¹¹⁸ Цит. по: Терентьев М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 306–307.

¹¹⁹ Там же. С. 85.

адресату, что, появившись в Средней Азии, Крыжановский «вздумает повести сам войска к Ташкенту, овладеет им, получит графа, а мы, трудящиеся, тут останемся в дураках»¹²⁰.

Итак, весной 1865 г. Михаил Григорьевич начал подготовку к новому походу на Ташкент. Не терял времени, как уже говорилось, и правитель Кокандского ханства при малолетнем хане мулла Алимкул. Он организовал преследование тех, кто сочувствовал русским, таких людей искали его шпионы; обвиненных в симпатиях к России казнили, их дома разрушались. О том, что творилось весной того далекого года в Ташкенте, свидетельствует очевидец Мухаммед Селих Кори Ташкенди, оставивший нам свои воспоминания. Другие подобные источники исследователям неизвестны; эта рукопись ценна и тем, что ее автор не принадлежал к «русской партии», то есть может считаться достаточно объективным свидетелем.

Мухаммед Селих рассказывает о жестокой казни человека, заподозренного в симпатиях к русским. «Тотчас же связали Ниязу Алибию руки и ноги и расстреляли его из пушки так, что тело кусками упало на землю. Каждую часть тела убитого расстреливали с криками, что он [бий] опозорил всю Дешт-и-Кипчак¹²¹, что он продан русским. Сыновья же Нияза-Алибия, все 11, стояли тут же, и они после этой казни сразу бежали к русским»¹²². Жестокости Алимкула имели результат противоположный ожидаемому – «убежали к русским»; так что Черняев еще не успел выступить из Чимкента, а число его сторонников в Ташкенте продолжало расти.

26 апреля 1865 г. начался второй ташкентский поход М.Г. Черняева. В его распоряжении находился отряд русских войск общей численностью 1951 человек (9,5 роты) при 12 орудиях. С этой вооруженной силой он двинулся покорять самый большой город Средней Азии.

Строго говоря, он действовал по собственному почину – никакого, ни письменного, ни устного приказа от вышестоящего начальства он не имел. Как же мог генерал армии, известной в Европе своей дисциплинированностью (еще недавно ее муштровал Николай I, да и его преемник был тех же правил), затеять самостоятельную военную экспедицию? На этот счет имеется загадочное объяснение генерал-майора Генерального штаба Д.И. Романовского, того, кто скоро сменит Черняева на посту военного губернатора Туркестанской области: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого»¹²³.

Это объяснение подтверждает догадку о сговоре Царя и его военного министра за спиной А.М. Горчакова. Из Петербурга поступали некие слабые сигналы, похожие на подмигивание, которые Черняев уловил и правильно понял. Сам он объяснил свой внезапный выход с войском из Чимкента происками бухарского правителя:

«Войска бухарского эмира, собранные в Самарканде уже несколько месяцев тому назад, стали стягиваться с Ура-Тюбе, а передовые из них двинулись далее в пределы Кокандского ханства.

Имея в виду, что в самом Ташкенте общее настроение далеко не в пользу кокандского правительства и что жители давно уже тяготятся деспотическим правлением регента ханства

¹²⁰ РГВИА. Ф. 67. Д. 270. Л. 16.

¹²¹ Дешт-и-Кипчак – Кипчакская степь, то есть степные пространства к северу от реки Сырдарьи, населенные тюркоязычными кочевниками, чья племенная верхушка контролировала города и другие поселения Кокандского ханства.

¹²² Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч. С. 137.

¹²³ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. С. 32.

Алим-кула, я не мог оставаться хладнокровным к попыткам эмира и принужден был, не дожидаясь подкрепления на линию, выступить теперь по дороге к Ташкенту»¹²⁴.

29 апреля отряд Черняева подошел к крепости Ниязбек, находящейся в 25 верстах от Ташкента. Комендант крепости не захотел сдать ее без боя, надеясь на подкрепление из Ташкента, куда он успел дать знать о подходе русских. После артиллерийского обстрела Черняев взял Ниязбек приступом. Кокандский отряд числом около трех тысяч, шедший на помощь Ниязбеку, был разбит также на подступах к крепости и разбежался в разные стороны. Гарнизон крепости был обезоружен и отпущен на волю. По совету опытных людей, то есть фактически своих друзей из числа ташкентцев, покинувших город, Черняев закрыл доступ воде реки Чирчик к Ташкенту, то есть тем самым начав враждебные действия против населения и гарнизона города, но отнюдь не против бухарских войск.

Подачу воды солдаты перекрыли и остановились лагерем близ Ташкента, в низине, поросшей камышом, в то время почти незаселенной. Пока русские укрепляли свой лагерь, Алимкул объявил по всем кокандским владениям газават, и ферганские *газии* (борцы за веру) уже выступили в поход. В самом обширном ташкентском саду Минг-Урюк Алимкул собрал большой военный совет, который завершился обильной трапезой. Перед соратниками и лучшими людьми Ташкента Алимкул выступил с зажигательной речью; ее воспроизвел в своем сочинении Мухаммед Селих. В частности, было сказано: «Бухарский эмир Музаффар позвал русских, чтобы держать меня за горло, сделал так, что русские тянут меня за полы. Эмир Музаффар отошел от царского пути Тимура, он склонился к русским, и теперь нам нужно рассчитывать только на свои силы»¹²⁵.

Очень интересное суждение; оно характерно для среднеазиатских государственных деятелей того времени, с их провинциальной (региональной) ограниченностью. Военно-политическую обстановку 60-х гг. XIX в. вокруг Ташкента Алимкул воспринимает и трактует в категориях междоусобного соперничества нескольких государств Средней Азии с неустойчивыми границами. Он совершенно незнаком с международным положением в Европе и мире, а потому русские в его трактовке оказываются орудием в руках бухарского эмира. Ему кажется, что внешнюю политику России «заказывают» в Бухаре; он не знает, что Россия – глобальная держава, интересы которой обнаруживаются даже у берегов Северной Америки. Невежество, незнание противника никогда не способствовало успеху в военном противостоянии. Как бы то ни было, знатные ташкентцы с энтузиазмом поддержали Алимкула, благо в международных делах они смыслили еще меньше. Лозунг был прост и понятен: «Все на газават!» В городе молились и собирали повозки и ослов для транспортировки имущества кокандской армии. Вечером, по словам Селиха, произошло странное явление: «Из Шор-Тепе что-то вылетело с большим шумом и поднялось, как звезда. Тогда Алимкул встал и сказал: «Русские узнали, что мы тут находимся, и этот знак дан оттуда, чтобы испугать нас». Что-то упало на землю, а потом, как звезды, рассыпалось, сверкая»¹²⁶.

То был выстрел ракетами с «ракетного станка» – орудия тогда весьма несовершенного и малоэффективного, больше похожего на пиротехническое устройство, чем на боевое оружие.

Целые сутки кокандские *сарбазы* (солдаты) и *газии* готовились к выступлению; выступили рано утром 8 мая, когда стал рассеиваться утренний туман: разведка донесла, что два отряда русских войск вышли из лагеря и двинулись к Ташкенту. Со слов того же очевидца можно заключить, что объединенная колонна (сарбазы и *газии*) выглядела вполне внушительно. В голове войска вслед за Алимкулом, скакавшим верхом, шла артиллерия – 36

¹²⁴ Цит. по: *Русский Туркестанский сборник*. М, 1872. Приложение. С. 84.

¹²⁵ Цит. по: *Соколов Ю.А.* Указ. соч. С. 146.

¹²⁶ Там же. С. 140–141.

пушек под началом индийского офицера (видимо, служившего в англо-индийской армии); за нею гвардия *гулямов* (легковооруженные воины), а затем полки: два полка «*ахан-пушей*» (в кольчугах), два – «*зрих-пушей*» (в латах); четыре полка «*йна-пушей*» (в зеркальных латах), два полка «*кулак-пушей*» (в высоких меховых шапках), наконец, два полка конных стрелков, вооруженных дальнобойными ружьями. В интервалах между полками двигались по две лошади с навьюченными малокалиберными орудиями для стрельбы «с ходу»¹²⁷. Это была правильно построенная походная колонна, на снаряжение которой средств не жалели. Русские войска были представлены ротой пехоты и сотней казаков, высланных на рекогносцировку.

Боевой контакт ограничился перестрелкой – в штыки не ходили; с обеих сторон стреляли настолько интенсивно, что обе воюющих стороны скрылись в густой пелене дыма и пыли, поднятой скакунами газиев. Алимкул бегал по полю боя, одобряя воинов, призывая их к стойкости. И русские стали отступать. Борцы за веру преследовали противника почти до самого русского лагеря. Алимкул разрешил бить в барабан победы.

«Кокандская партия» в Ташкенте ликовала; Алимкул раздавал награды направо и налево, старался максимально преувеличить значение «славной победы», хотя сам, будучи человеком умным, понимал, что генеральное сражение впереди и разбить основные силы русских он сможет только в случае, если создаст многократный численный перевес своих сил. Потому Алимкул послал агентов к кочевым племенам с призывом присоединиться к газавату. Особые надежды он возлагал на многолюдный Ташкент, который, по его подсчетам, мог выставить более 20 тысяч газиев. Однако в ташкентцах он сильно ошибся – в их настроениях не разобрался. На призыв кокандского правителя в Ташкенте откликнулись очень немногие, главным образом муллы и ученики городских медресе, то есть профессиональные ревнители мусульманского вероучения.

Намереваясь овладеть инициативой в предстоящем сражении, Алимкул двинул свое войско скрытно ночью, поскольку прекрасно знал местность. Полки шли отдельными маршрутами, соблюдая тишину и меры предосторожности. К рассвету кокандские части уже заняли исходные позиции вблизи русского лагеря. Алимкул переоценил, однако, свои силы – их не хватало для полного окружения отряда Черняева. Пришлось разместить войска длинной дугой по фронту, расставив орудия на высотах, но фланги оставались незащищенными. Опорными пунктами позиции кокандцев были три 12-пушечные батареи. По азиатским меркам все было сделано более чем грамотно, однако в европейских военных академиях Алимкул не обучался и в европейских кампаниях не участвовал. Зная психологию и военную практику азиатского противника, Черняев предусмотрел возможные действия Алимкула. В его донесении читаем:

«На другой день 9-го числа было дано знать с наших пикетов о движении больших неприятельских колонн по направлению к лагерю. В шесть часов утра массы неприятеля до семи тысяч были уже видны из лагеря на довольно близком расстоянии.

Я дал ему (Алимкулу. – Е. Г.) время стянуть войска свои на близлежащих высотах, а сам между тем приготовился к наступлению»¹²⁸.

В семь часов кокандцы начали артиллерийский обстрел позиций русских, пребывая в уверенности неожиданности своей атаки. Черняев признает, что «стрельба его, несмотря на большое расстояние (800 сажень), замечательно удачна: все снаряды ложились в лагерь, но, по счастью, никакого вреда не принесли»¹²⁹.

¹²⁷ Там же. С. 142.

¹²⁸ Цит. по: Романовский Д.И. Указ. соч. С. 158.

¹²⁹ Там же.

Черняев сделал то, что диктовала обстановка, он двинул четыре роты пехоты при четырех орудиях для захвата неприятельских батарей и обхода кокандских позиций с фланга. Плохо подготовленные кокандские сарбазы уstraшились неустойчивого натиска русских, поднимавшихся на высоты, несмотря на вражеский огонь, и побежали, так как не выдержали русской штыковой атаки. «Начался бой, – сообщает очевидец Мухаммед Селих, – от дыма стало темно. Вскоре бой перешел в рукопашный. Бились винтовками и топорами. Когда дым рассеялся, увидели: некоторые газии пошли по приглашению Бога в рай, а многие без приглашения пошли в ад, так как бежали с поля боя. Началась конная атака русских»¹³⁰.

Алимкул получил пулевое ранение в живот, но мужественно остался в строю, пытаясь удержать на позициях поддавшееся панике кокандское воинство. Удержать паникеров было невозможно, тем более что первыми побежали командиры, совсем еще недавно награжденные многими знаками отличия, такими как золотой топорик, золотой пояс, серебряная сабля.

Черняев преследовал разбитого неприятеля около 7 верст до самого города. Но занять Ташкент не решился. Доблестный кокандский военачальник Алимкул скончался очень скоро от полученной в бою раны. Кокандцы потеряли убитыми более 300 человек, у Черняева погибших не было.

9 мая 1865 г. жители Ташкента освободились из-под власти кокандского хана, но они тогда еще этого не знали. Остатки деморализованного кокандского войска ушли обратно в Ферганскую долину, не забыв при этом ограбить городскую казну. Как всегда, будто из-под земли, появились мародеры, интуитивно почувствовавшие растерянность и незащищенность ташкентского обывателя. «...Проходили мимо городских ворот, видим, какой-то человек собирает разные вещи. Увидев нас, – пишет Мухаммед Селих, – посмотрел на нас и сказал: «Эй, светильники веры! За воротами стоят четыре арбы с ценными вещами и еще две с лепешками. Теперь время ворота закрывать – нельзя добро оставлять на ночь снаружи». Мы сейчас же с помощью жителей и сарбазов затащили арбы внутрь, а лепешки раздали тем же сарбазам»¹³¹. Такая вот зарисовка с натуры.

Власти в городе не было; городская знать пребывала в растерянности; мародерствующие «граждане», борцы за веру в том числе, дрались на улицах из-за добычи. Самого Мухаммеда Селиха, который пытался урезонить дезертиров и мародеров, собирались избить, но он, видимо, вовремя ретировался.

А что же победитель Алимкула? Михаил Григорьевич отвел свои войска в лагерь Шортане, как если бы был самым дисциплинированным командиром российских войск. Кроме того, Черняев перегородил небольшими силами Ходжентскую дорогу, чтобы не допустить к Ташкенту бухарцев.

На этот раз Михаил Григорьевич вел себя очень, даже чересчур осмотрительно и выжидательно.

Строго говоря, на этот раз Черняев вел себя в соответствии с требованиями Петербурга, который не давал прямой санкции на занятие города. В рапорте от 11 мая он, однако, указывает другую причину отвода своих войск от Ташкента: «Хотя в этот момент, может быть, и возможно было занятие города, но я не мог рисковать последним своим резервом, и, имея в виду, что, во всяком случае занятие это не могло бы стоить нам дешево, я, окончив преследование, возвратился в лагерь и решил остаться до времени на той же позиции с тем, чтобы вблизи Ташкента наблюдать за событиями в самом городе и, если возможно, воспользоваться первым же случаем его занять»¹³².

¹³⁰ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч. С. 146–147.

¹³¹ Там же. С. 152.

¹³² Цит. по: Романовский Д.И. Указ. соч. С. 158.

Темп наступления был потерян, неприятель получил долгую передышку. Ташкентская знать опомнилась, убедилась, что русские ведут себя более чем сдержанно, и потому приступила к реставрации своего влияния в городе. «Лучшие люди» начали с того, что избрали ханом Ташкента молодого человека Султана Сеида. «С общего согласия, – пишет Мухаммед Селих, – они посадили молодого шах-заде на середину квадратной кошмы лицом к кибле и, подняв его на кошме, прочли молитву, а потом, пересадив на ханское место и водрузив на голову шах-заде *тадж* (символ ханского достоинства. – Е. Г.), объявили его ханом Ташкента»¹³³. Завершив церемонию, вершители судеб ташкентцев долго совещались и в конце концов решили обратиться за помощью к Бухаре и Коканду одновременно. Кокандские власти в помощи отказали, то есть отреклись от прав на владение Ташкентом. Однако при этом потребовали выдачи молодого хана Султана Сеида. Эмир «благородной Бухары» помощь обещал, но также при условии выдачи незадачливого Сеида, то есть эмир требовал признать свою власть над Ташкентом. Мнения знатных людей разделились – немало было таких, кто готов был пожертвовать только что избранным ханом. Молодой хан пребывал в слезах и просил не выдавать его эмиру, так как хорошо знал цену «гостеприимства» бухарского владения – в Бухаре его ждала мучительная смерть. Совет ташкентских вельмож и военачальников долго колебался, но в конечном итоге признал необходимым выдать своего избранника бухарскому эмиру. Несчастного юношу, который стал ханом отнюдь не по своей воле, тайно, как пленника, вывезли ночью из города и повезли в Самарканд, где в то время находилась ставка эмира. Таким образом, в городе победила «бухарская партия», которая могла теперь рассчитывать на скорую подмогу от эмира.

Черняев медлил целый месяц, дожидаясь удобного случая, и дождался необходимости срочно реагировать на новую военно-политическую ситуацию. Эмир был противник сильный.

Дочь Черняева Антонина, написавшая под псевдонимом А. Михайлов, краткую биографию отца, отмечает одну из наиболее ценных, как ей кажется, черт его натуры: «Михаил Григорьевич никогда не собирал военных советов, решая все единолично сам, и брал всегда на себя всю ответственность. Те из своих планов, которые, по его мнению, должны были быть сохранены в тайне, он сообщал второму лицу только тогда, когда считал, что обстоятельства требовали довести их до всеобщего сведения, придерживаясь того мнения, что известное двум лицам вскоре станет общим достоянием»¹³⁴.

Из этого пассажа следует, что Черняев не доверял своим соратникам. И, самонадеянно полагаясь только на свой опыт, знание, интуицию, пренебрегал чужим мнением, отчего нередко принимал неверные решения. Воюя за Ташкент, он уже дважды ошибся в своих действиях, теперь в июне 1865 г. Ташкент снова бросал ему вызов, на этот раз самый серьезный. Сил в его распоряжении было в самом деле немного, и он не мог эффективно блокировать большой населенный пункт – значительный бухарский отряд все же проник за городские стены; командир этого отряда Искандер-бек объявил себя начальником города. Теперь же медлить Черняеву было никак нельзя.

7 июня ночью генерал предпринял вторую попытку взять Ташкент штурмом. Операция началась артиллерийским обстрелом, тем дело и закончилось, поскольку, как объяснял сам Черняев, «главный отряд. не мог подойти к крепостной стене в полном составе, потому что встретил в пяти верстах от нее огромный овраг, воспрепятствовавший совершенно переправе артиллерии...»¹³⁵

Снова помешал овраг.

¹³³ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч. С. 154.

¹³⁴ Михайлов А. Указ. соч. С. 23.

¹³⁵ Цит. по: Романовский Д.И. Указ. соч. С. 161.

Несмотря на плохое знание окружающей город местности и обстановки внутри городских стен, Черняев, как всегда единолично, принимает решение предпринять третью попытку штурма, так как «главные силы эмира, давно уже собранные в Самарканде, стали показываться в пограничных кокандских крепостях по левой стороне Дарьи»¹³⁶. «Отойти от города, – сообщает Черняев в своем донесении, – значило бы дать эмиру громадное значение в Средней Азии и усилить его всеми военными средствами, сосредоточенными в Ташкенте»¹³⁷. Остается штурм.

Нерешительность Черняева, наблюдавшего за городом и передвижением эмирских войск в течение месяца, можно понять. По любым меркам город велик: 24 версты – протяженность городской стены; застройка плотная – сплошной лабиринт узких улиц, тысячи однообразных глинобитных домов. Вдоль стены – ров с водой; на стенах расположено более 60 орудий, прислуга которых неплохо обучена. В городской стене 14 ворот и проходов, через которые в любой момент обороняющие город могут выйти наружу и ударить в тыл штурмующим силам.

Пока Черняев мешкал, число защитников города снова стало увеличиваться и составило более 30 тысяч сарбазов и вооруженных ополченцев; его же войско не увеличилось.

Приняв решение о штурме, Черняев начинает необходимую подготовку. Самые ценные разведсведения доставляет инженер-поручик Макаров, который по ночам обследовал подходы к городу. Выясняется, что всего целесообразнее атаковать город с юго-западной стороны, где группировались кокандские и бухарские воинские силы, а также ташкентцы, им сочувствовавшие. Мирные обыватели при этом опасности не подвергались. Макаров установил также, что силы защитников города равномерно расположены по всему периметру городской стены, то есть нигде не сконцентрированы для отражения главного удара. Такое расположение войск противника Черняев приписывал своей хитрости: он загодя провел свой отряд вдоль всей городской стены, чтобы продемонстрировать его многочисленность. В результате неприятель якобы растянул все наличные силы, не сосредоточив нигде подвижный резерв для отражения нападения извне. Логичнее предположить, однако, что не искусные в военном искусстве руководители обороны города расставили свои войска вдоль всей стены, чтобы прикрыть (теоретически) разом все угрожаемые места.

В отличие от попытки 1864 г. на этот раз черняевский отряд имел штурмовые лестницы. К полуночи 14 июня 1865 г. русский отряд был готов к штурму. Черняев напутствовал войска народными присловьями, потребовав либо лечь костями, либо победить. В два часа ночи штурмовая колонна, неся лестницы на руках, скрытно подошла к городской стене и к Комланским воротам. Перед стеной сидели кокандско-бухарские караулы, но толку от них было немного. караульные спали. Сарбазов разбудили штыками. Они проснулись и кинулись к небольшим лазам в стене, замаскированным кошками. Русские охотники прошли через проходы, «любезно» указанные оплошными караульными, поднялись на стены и стали разбирать заваленные изнутри ворота. Другая часть команды охотников в это же время взбиралась на стены по штурмовым лестницам. Усилиями охотников очень быстро и без потерь были захвачены ворота с двумя башнями и несколько орудий. Штурмовая колонна численностью 250 человек под командой штабс-капитана А.К. Абрамова (очень скоро станет генералом, прославится во многих среднеазиатских экспедициях) ворвалась в раскрытые ворота и, сметая огнем и штыками растерявшихся защитников крепости, на одном дыхании продвинулась на 14 верст вдоль городской стены; кокандские орудия захватывались, заклепывались и сбрасывались с позиций. Кокандцы все же успели оправиться от неожиданного ночного приступа, русские отряды почувствовали это, когда углубились в лабиринт улиц и

¹³⁶ Там же. С. 164.

¹³⁷ Там же.

переулков – там их ждали сарбазы на баррикадах и стрелки, засевшие в саклях. Бои за город были упорные. Огромную помощь штурмовым отрядам оказала русская артиллерия, которая расстреливала защитников баррикад картечью почти в упор. Этого кокандские сарбазы выдержать не могли и бежали. Малопригодной в уличных боях оказалась кокандская конница, которую казаки без труда выгнали за пределы города.

К утру 15-го Черняеву и его офицерам представлялось, что город покорен окончательно. К победителю явились представители торгово-ремесленного посада с изъявлением покорности. День прошел спокойно, но с заходом солнца неразбитый до конца неприятель начал стрельбу из-за глухих дувалов, баррикады появились почти на всех улицах и перекрестках; нарушилась связь между отдельными русскими отрядами, оказавшимися в ходе ночного сражения в разных частях большого города, что могло иметь катастрофические последствия. Казалось, кокандцы и газии обрели второе дыхание, собираясь победить любой ценой. «Соппротивление сделалось еще отчаяннее, – сообщал Черняев в своем донесении. – Были случаи, когда один, два человека с *айбалтами* (топоры на длинной рукоятке) кидались на целую роту и умирали, не прося пощады». Противника, казалось, подменили, и такой противник не мог не внушать уважения и повышенного опасения. «Каждую саклю, – продолжал Черняев, – приходилось брать штыками, и только тогда она очищалась, когда засевшие в ней были переколоты¹³⁸.

Бои затихли к ночи, но продолжались на рассвете. Соппротивление было окончательно сломлено только к вечеру 16-го числа. У защитников города, которых к началу штурма 14 июня насчитывалось до 30 тысяч, были превосходные возможности отстоять Ташкент и перебить небольшие отряды русских, на которые в ходе штурма разделилось войско Черняева. Предательство и бегство с поля боя в среде «защитников» города были повальными. «Мы закричали: «Эй, вы, бегущие, остановитесь! Ведь вы – снаряд ислама!» Но тщетно, часть их все же удрала¹³⁹. Такими свидетельствами изобилует рукопись Селиха. Силы оборонявшихся и атаковавших были, видимо, равны, как равны были стороны в решимости победить, но последние имели все преимущества обученной регулярной армии.

17-го к Черняеву явились аксакалы и почетные жители, заявившие о полной готовности подчиниться российскому Императору. 17-го Черняев подводил итоги штурма. Трофеи были значительными, достаточно сказать, что пушек удалось взять 63, среди которых 48 были медными «замечательно хорошего литья», однако никакие богатые трофеи не могли компенсировать людские потери. Убитых в отряде Черняева значилось 25 человек, раненых и контуженых – 117. Победа досталась недешево, возможно, месяц назад город можно было взять с пролитием меньшей крови.

Дочь-биограф Антонина Черняева убеждает читателя, будто ее отец тщательно готовил заключительный штурм Ташкента. Это явное преувеличение. Он был осведомлен о симпатиях ташкентского посада к России, но не мог быть уверенным, что эти симпатии примут форму активной поддержки его войск. Так и случилось: «русская партия» сидела по домам, не оказывая помощи ни тем ни другим, хотя этот нейтралитет можно считать дружественным русским и враждебным кокандцам. Разведка сил, средств и настроений противника была довольно поверхностной, то есть элемент авантюры в предприятии 14–16 июня 1865 г. определенно присутствовал. Нет сомнений, что очень важное значение для исхода дела имели личное мужество, инициативность и решительность самого руководителя операции. Взятие Ташкента стало самой большой победой и великой удачей Михаила Григорьевича, то был пик его военной карьеры, с которым не могло сравниться ни одно из деяний всей его 70-летней жизни.

¹³⁸ Там же. С. 168.

¹³⁹ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч. С. 162.

Сторонники ориентации на Россию получили возможность открыто выразить свою радость, в их среде Черняева стали называть «ширнаиб», то есть непобедимый полководец, что чрезвычайно льстило самолюбию Михаила Григорьевича. Ташкентский посад полюбил русского генерала еще больше, когда на базарных площадях было оглашено его обращение к жителям. Ширнаиб провозглашал неприкосновенность их веры и обычаев, обещал не размещать своих солдат на постой в их домах и не мобилизовывать самих обывателей в русскую армию. Был сохранен шариатский суд; запрещались произвольные поборы; на годичный срок ташкентцы освобождались от каких-либо податей и налогов. Щедрость покорителя Ташкента нанесла ущерб российской казне: отменив подати, он был вынужден одалживать деньги на нужды своей администрации у частных лиц; черняевский долг составил 300 тысяч рублей, казна погасила его только в 1871 г.

Взятие самого большого города Средней Азии получило международный резонанс. Предвидя британскую реакцию, Горчаков негодовал, требовал наказать новоявленного Ермака Тимофеевича – вице-канцлер запамätовал, что победителей не судят. А Михаил Григорьевич это правило помнил хорошо. Он не ошибся. На донесении Крыжановского о его победе Император начертал: «Славное дело!» Вскоре в Оренбурге была получена телеграмма от Д.А. Милютина (шла 6 часов 45 минут): «Государь Император, прочитав донесение № 2306 о взятии Ташкента, пожаловал генералу Черняеву золотую саблю с бриллиантами, начальникам повелел объявить благоволение, а нижним чинам выдать по два рубля, а не по одному, как сказано в телеграмме № 4; о награждении всех отличившихся ожидается представление»¹⁴⁰.

Михаил Григорьевич не ошибся, он знал, что действует в соответствии с видами российского правительства. Его победа заметно повысила авторитет России на мировой арене (такое это было время), дала возможность включить в границы империи плодородный оазис, обеспечить туркестанские войска продовольствием. Взятие Ташкента обсуждалось в российских газетах; в статьях говорилось о роли города как торгового центра, «который может принять значение главнейшего рынка для всей Средней Азии», отмечалось богатство Туркестанской области полезными ископаемыми. «ожидающими рациональной разработки»¹⁴¹.

Его имя было у всех на слуху, оно склонялось и писалось за российскими пределами в самой разной транскрипции. Объективные публицисты называли его свершение самым важным событием за все время продвижения России в Средней Азии. В Англии, естественно, политики и журналисты снова стали возмущаться, обличать российскую агрессивность. Уже 19 июня британский посол А. Бьюкенен появился в служебном кабинете Горчакова с требованием объяснить случившееся. Российский министр заявил, что Ташкент не будет включен в состав империи, и вообще Черняев якобы занял этот город, чтобы предотвратить его оккупацию бухарскими войсками и обеспечить таким образом его независимость. Посол в ультимативной форме потребовал, чтобы российское правительство ни в коем случае не награждало генерала, который поступил столь самовольно. Можно представить реакцию Императора, когда Горчаков передал ему требование Бьюкенена. Михаил Григорьевич не только получил царскую награду, но и очень теплое приветственное письмо от Наследника престола, будущего Александра III.

Ташкент был взят, теперь предстояло решить, что с ним делать. Один из вариантов решения этой проблемы предложил бухарский эмир. Он потребовал от Черняева уйти из Ташкента на том основании, что город входит в число бухарских владений. Российские власти не заинтересовались этим вариантом. Судя по всему, у посла Бьюкенена и эмира Музаффа головы были устроены одинаково.

¹⁴⁰ *Туркестанский край...* Т. 20. Док. 193. С. 5.

¹⁴¹ *Общий очерк киргизской степи* // Военный сборник. 1865. № 12. С. 364.

В российском МИДе был придуман хитроумный план: город-государство Ташкент объявляется независимым владением. Но на самом деле оно должно находиться в вассальной зависимости от России, однако последнее обстоятельство следует тщательно скрывать. Военные люди, Черняев в их числе, полагали, что такую независимость можно будет обеспечить только в том случае, если в городе или вблизи него будут находиться части русской армии. В понимании Черняева ташкентская независимость должна была выглядеть следующим образом: «Опыт убедил меня, что если предоставить жителям самоуправление, то для охранения спокойствия и полного повиновения достаточно иметь здесь, в особой от города цитадели, один батальон и две сотни. Полиция может быть предоставлена самим жителям. Я полагал бы необходимым предоставить жителям самоуправление и вмешательство наше ограничить только одним наблюдением за должностными лицами, оставив за собой право менять их, если они не будут соответствовать своему назначению»¹⁴².

С таким решением Горчаков не хотел согласиться. «По моему понятию, – писал он военному министру, – при желаемых отношениях к нам Ташкентской независимой области поддержка ей с нашей стороны должна заключаться не в содержании военных сил внутри нее, не в материальной, так сказать, поддержке, а в нравственной, заключающейся в убеждении, что в случае какой-либо попытки на Ташкент права этого города будут защищены и что нарушение их не останется без наказания»¹⁴³.

Но в Азии не ведали о такой экзотике (ханства к тому же не были субъектами международного права), а потому любое словесное заявление, не подкрепленное силой, ценности иметь не могло. Рассуждение о нравственной поддержке вызвало возражение Д.А. Милютина, человека реалистического: «Пока не будет установлено в том крае какое-либо прочное положение, которое давало бы вес нашему нравственному влиянию, до тех пор мы должны, по необходимости, опираться только на силу материальную. Решившись иметь в нашей власти плавание по всему протяжению Сырдарьи, нельзя ограничивать генерал-майора Черняева устройством только складочных пунктов. Следует разрешить ему строить укрепленные посты, так как без серьезных мер защиты немыслимо и обеспеченное судоходство по Сыру...»¹⁴⁴

Странно, конечно, что приходилось объяснять столь очевидные вещи министру иностранных дел.

Со взятием Ташкента завязалось сразу же три интриги, Черняев был участником каждой. Первая – «О статусе Ташкента», вторая – «Эмир Бухарский против Черняева», третья – «Черняев против Крыжановского». Михаил Григорьевич не был бы самим собой, если бы не вступил в конфликт с непосредственным начальством. Более полугода оживленная переписка шла между Бухарой, Ташкентом, Оренбургом и Петербургом, фельд-курьеры носились птицами.

Продолжая тему «о статусе Ташкента», следует сказать не только о мнениях российских государственных мужей, но и коренных ташкентцев. Русская власть в лице Черняева предложила им два варианта: избрание муниципалитета или избрание хана. Они отвергли и тот и другой. О муниципалитете они слыхом не слыхивали (в России в те годы тоже мало что знали об этом предмете), а вот хана, тем более из своих, бухарских или кокандских, они не желали ни за какие коврижки (очень пострадались). Ташкентцы, не без влияния Черняева, высказывались за прямое российское правление. Мухаммед Саатбай, ташкентский купец, бывший неформальным главой «русской партии», собрал подписи под обращением к российским властям, в котором излагалась схема управления городом. Все шариатские вопросы

¹⁴² *Туркестанский край...* Т. 20. Док. 193. С. 5.

¹⁴³ Там же. Док. 215. С. 43.

¹⁴⁴ Там же. Док. 221. С. 62.

предлагалось оставить в ведении мусульманских судей, духовных лиц и богословов, а «главное управление здешним населением поручить генералу Черняеву, так как он находился в продолжение двух лет в этих краях и по завладении Ташкентом был так снисходителен к его жителям, что за зло творил им добро, и никто из ташкентцев не был обижен; при этом же генерал Черняев очень хорошо знает здесь всех от мала до велика, и хороших и дурных»¹⁴⁵. Этот адрес позволил известному русскому публицисту Венюкову пошутить: «Ташкентцы выбрали Черняева своим ханом».

Несмотря на волеизъявление «лучших людей» города, в российском Министерстве иностранных дел продолжали противиться включению Ташкента в пределы империи. Аргумент был один: негативная реакция Англии. «...А сколько подобное передвижение (русской границы. — *Е. Г.*) поднимет крику, и как оно подорвет к нам последнее доверие в Европе», — писал Крыжановскому директор Азиатского департамента МИДа П.С. Стремоухов. — «Право, игра не стоит свечей...»¹⁴⁶ Последнее суждение об игре и свечах и тогда выглядело весьма спорным.

Вторая интрига развивалась порою весьма драматично. Как говорилось, сразу же после победоносного штурма 14–16 июня бухарский эмир потребовал отдать город ему и даже пытался собирать с ташкентцев подати в свою пользу. Черняев вступил в переписку с бухарским правителем. Он объяснял, почему занял Ташкент (для того якобы, чтобы отомстить Алимкулу за уничтожение казачьей сотни под Иканом), всячески подчеркивал свою независимость, пытался направить наступательную энергию бухарцев против Коканда. Своей властью, без разрешения Крыжановского, Михаил Григорьевич пропустил через Ташкент в Петербург бухарское посольство, которое должно было подарить российскому Императору слона и договориться о передаче Ташкента под юрисдикцию эмира. По требованию Горчакова Крыжановский задержал посольство на подступах к Оренбургу. «Ради бога, — писал Стремоухов оренбургскому генерал-губернатору, — избавьте нас от бухарского посольства. Князь (А.М. Горчаков — *Е. Г.*) слышать равнодушно не может об этом посольстве, да еще со слоном!»¹⁴⁷ Слон до Санкт-Петербурга не дошагал.

Эмир справедливо оскорбился и придумал ответный ход. Осенью того победного 1865 г. в Ташкенте, в штабе Черняева появился посланец эмира с сообщением, что в Бухару из Кабула якобы прибыли три британских офицера с некими предложениями, которые противоречат российским интересам. Считая себя другом Императора Александра, эмир будто бы не мог не предупредить об этом верного слугу царя, губернатора Туркестанской области. Черняев получил предложение прислать в Бухару свое посольство. «Не надо быть глубоким политиком, чтобы сразу же заметить всю махинацию, подведенную бухарцами, — пишет М.А. Терентьев. — До тех пор никогда ни один азиатский владетель не просил еще прислать к себе соглядатаев, если не нуждался в докторе. или в разведчике минералов. Бухара же, грозившая до сих пор смертью каждому европейцу, пытавшемуся в нее проникнуть, тем не менее заслуживала доверия. Хитрый бухарец, чтобы вернее поймать нас на удочку, выдумал каких-то европейцев, прибывших к нему через Афганистан, зная, как мы ревнивы в этом направлении! Бухарцы не ошиблись: приманка была чересчур соблазнительна, да к тому же в просьбе прислать посольство как бы проглядывало косвенное согласие на ведение переговоров в Ташкенте, а не в Петербурге. Как бы то ни было, но азиатское коварство восторжествовало...»¹⁴⁸

¹⁴⁵ Романовский Д.И. Указ. соч. С. 178.

¹⁴⁶ Туркестанский край... Т. 20. Док. 239. С. 104.

¹⁴⁷ Там же. С. 104.

¹⁴⁸ Терентьев М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 329.

Черняев с гордостью сообщал в своих донесениях, как он с помощью различных хитростей, имея в распоряжении лишь малочисленный отряд, сумел завоевать большой азиатский город: он давно воевал в этих краях и знал местные нравы, однако воистину: на всякого мудреца довольно простоты! Было написано письмо, которое должен был передать астроном К.В. Струве. Михаил Григорьевич считал, что посольство в Бухару может дать прекрасную возможность, чтобы разведать подступы к этому ханству и его экономический и военный потенциал, для чего вместе со Струве ко двору эмира были отправлены офицер Генерального штаба, топограф и горный инженер. Черняев был, видимо, доволен собой до тех пор, пока не получил известие, что все его разведчики арестованы в Бухаре, то есть взяты в заложники. Он потребовал от эмира объяснений и получил дерзкий ответ, адресованный просто: «Михаилу Черняеву», без титулов и обычных льстивых пожеланий и преувеличений. Эмир обещал освободить заложников, если его посланцы доберутся до Петербурга. На начальном этапе верх в этой интриге одержал эмир.

Третья интрига, против Крыжановского, завершилась губительно для карьеры Михаила Григорьевича. Вначале их отношения были безоблачными; начальник Оренбургского края относился к Черняеву очень доброжелательно, хотя, видимо, небескорыстно: хорошо была известна исключительная инициативность этого офицера, и он надеялся с его помощью приобрести боевые награды, которые в 60-х гг. можно было получить только в Азии. Крыжановский был, видимо, тщеславен. Он нацелился на Ташкент, но генерал Черняев не захотел поделиться с ним Ташкентом. Это обстоятельство внесло охлаждение в отношения двух губернаторов, но само по себе не сделало бы Крыжановского врагом Черняева. В этой интриге инициативой владел Михаил Григорьевич, он сделал многое, чтобы превратить оренбургского генерал-губернатора в своего врага, совершенно не желая учитывать личные качества и амбиции последнего. Известный ученый, внимательный и непредвзятый наблюдатель Николай Александрович Северцов так характеризовал Крыжановского: «Начальник умный (хотя бестактен), деятельный и с препорядочным самолюбием. Как он откажется от участия в единственном деле своего края, имеющем не местное, а общегосударственное значение!»¹⁴⁹ Северцов верно разгадал главную заинтересованность Крыжановского в делах Туркестанской области: она граничила пусть с третьесортными, но все же самостоятельными государствами – среднеазиатскими ханствами, а поэтому оренбургский генерал-губернатор по положению становится участником международных отношений, чем не мог похвастаться даже начальник губернии Московской.

Те же амбиции были у Черняева; человек он был амбициозный не менее Крыжановского. Он отлично понимал, что взятием Ташкента обеспечил себе место в истории и памяти народной, но, как всякому смертному, ему хотелось при жизни насладиться плодами своих предприимчивости, храбрости, удачливости. Он хотел того же, чего хотел Крыжановский, – выступать на международной арене (пусть это только «дремотная Азия») полномочным представителем своего Императора, для чего ему нужна была независимость от Оренбурга. Когда, кстати, он извещал эмира и других ханов о создании Туркестанской области, он умалчивал, что она учреждена в границах Оренбургского края.

Настроение, чувства и состояние души покорителя Ташкента, человека сравнительно молодого (37 лет), заметны в его письмах к другу В.А. Полторацкому. Его самолюбию льстит доверие к нему ташкентцев: «Я утверждаю избранных народом лиц не только в общественные должности, но и на духовные места. Так, недавно улемы привели ко мне избранного ими на должность ахуна (вроде нашего архиерея) и просили дать ему свидетельство, что он утверждается мною.» Еще более ему лестно внимание к его особе со стороны владельцев соседних ханств: «Относительно среднеазиатских владельцев мы приобрели значение

¹⁴⁹ Туркестанский край... Т. 20. Док. 312. С. 223.

немногим меньшее, чем пользуемся в Ташкенте. Бухарский эмир, так гордо начавший свое движение из Самарканда, теперь немного присмирел и уже прислал ко мне лично посольство с подарком, что поставило в тупик даже все здешнее население (бухарский эмир считался главой всех правоверных региона. – Е. Г.). Хивинское посольство, вероятно, прибдет ко мне по возвращении эмира из Коканда.»

Таким образом, молодой генерал в короткий срок приобрел «международное» признание, и в это самое время (сентябрь 1865 г.) в Ташкенте ожидается появление оренбургского генерал-губернатора, что грозит нанести урон престижу Михаила Григорьевича. «Теперь мне необходим кредит более, чем когда-либо, – продолжает автор письма, – для того чтобы упрочить наше значение в Средней Азии, а у меня обрывают его в глазах населения, верящего до сих пор, что, кроме Государя, надо мною нет начальника. Мне постоянно адресуют: «Посланному Белым царем вместо своего глаза». Далее следуют сетования по поводу происков неких недругов, стремящихся украсть его славу. Эта навязчивая идея не оставляла Черняева всю его жизнь и стала причиной многих конфликтов и неудач, которые сложились в его трудную судьбу. «Не могу также умолчать при этом, – жалуется он Полторацкому, – о неблагочестивом намерении приписать все мною сделанное новому генерал-губернатору, предоставив ему все средства для овладения Ташкентом». Здесь уже начинается война с ветряными мельницами: «Теперь приедет Крыжановский в Ташкент грозным судьей и докажет всему Петербургу, как дважды два – четыре, что я покорил край, и то потому, что не имел против себя серьезного неприятеля, но не умел его успокоить, а он, великий маэстро, исполнил это. Он уверил всех вас, что если бы не его приезд, то меня бы отсюда выгнали. Скажите, положив руку на сердце, честно ли со мной поступили? Вы знаете очень хорошо, что мне даже не было дано разрешение действовать; я все взял на свою голову. И за все меня сначала побаловали, а потом наплевали в глаза...»¹⁵⁰

Такие вот ламентации по поводу события еще не случившегося, что говорит о болезненном состоянии духа, и проявлении несправедливости в отношении верховной власти («сначала побаловали, а потом наплевали в глаза»), которая щедро награждала своего среднеазиатского Ермака. Последнее из цитированных писем писано 31 августа 1865 г., за несколько дней до прибытия в город Крыжановского, который привезет известие о Высочайшем благоволении и награждении Черняева золотой саблей с бриллиантами, но даже без учета этой награды можно уверенно говорить о высокой оценке ратных подвигов Михаила Григорьевича. С мая 1864 г. по май 1865 г. он успел стать генерал-майором, а также кавалером следующих орденов: Святого Владимира 3-й ст., Святого Станислава 1-й ст., Святой Анны 1-й ст. и, что самое ценное, Святого Георгия 3-й ст. Черняев был определенно благодарен: «Наплевали в глаза!»

До приезда в Ташкент Крыжановского Черняев постоянно размышлял об устройстве управления Ташкентом и Туркестанской областью, и у него возникло новое представление о предмете. Ташкент следовало включить в состав империи, ибо фиктивная независимость не принесла бы пользы ни России, ни самим ташкентцам «Если здесь этой комбинацией мы не можем никого обмануть, – писал Черняев все тому же Полторацкому, – то кого же мы надуем в Европе?» Он также пришел к убеждению, что слишком большая удаленность Туркестанской области от Оренбурга затрудняет управление областью из центра края: «Насколько вредна будет мнимая независимость Ташкента для края, настолько же вредна и зависимость Туркестанской области от Оренбурга»¹⁵¹. Эти свои доводы губернатор Туркестанской области довел до сведения Крыжановского еще до его приезда в Ташкент, но сочувствия у него они не вызвали. «Черняев не прочь, конечно, быть начальником Туркестанской области без

¹⁵⁰ Там же. Док. 213. С. 39.

¹⁵¹ Там же. Док. 315. С. 234.

посредствующей инстанции, – писал наблюдательный Северцов, – но ошибется тот, кто припишет это только личному честолюбию»¹⁵².

Крыжановский ехал в Ташкент настроенный против Михаила Григорьевича, что видно из его писем Милютину и Стремоухову.

Милютину: «Доводы, приводимые Черняевым в доказательство необходимости оставить нам Ташкент да еще и Наманган или Киртку, нисколько меня не убеждают»¹⁵³. Стремоухову: «В Азии гораздо и гораздо легче делать громкие завоевания, чем трудиться над администрацией, тем более что последняя приносит много горя и неудовольствия, а громкие, но вместе с тем весьма нетрудные завоевания приносят чины и кресты. А потому не следует удивляться, что в Туркестане люди увлекаются: надо только подтянуть им поводья и направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России»¹⁵⁴. В Ташкент он ехал «подтягивать поводья» своему генералу.

Необходимость этой меры подтвердил сам Черняев, не по уставу, без почетного караула, встретивший генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского. Начальник Оренбургского края был уязвлен такой явной демонстрацией, но виду не подал. Визит оренбургского начальника, по мнению Черняева, пользы делу не принес. Достичь взаимопонимания двум генералам не удалось. Черняев успел только в одном: он уговорил своего начальника не объявлять немедленно о независимости города и предстоящем избрании хана. Крыжановский уехал, но оставил прокламацию о предоставлении Ташкенту независимости, с поручением Черняеву обнародовать это решение. Еще он оставил письмо к бухарскому эмиру с тем же сообщением.

Верный себе, Черняев поступил по-своему: прокламацию не обнародовал, а эмиру отправил письмо от себя без сообщения о независимости для Ташкента, а только изложил свои предложения об устройстве границы между Туркестанской областью и бухарскими владениями. Ко всему прочему, он отправил в Бухару свое посольство, не согласовав этот шаг с Оренбургом, а бухарского посла, также без согласия, пропустил в Оренбург.

Терпение Крыжановского иссякло! «По всему видно, – доносил он военному министру, – что Черняев настойчиво придерживается одних лишь своих идей; увлекается минутными впечатлениями и берет на себя гораздо более того, что правительство может позволить самому широко аккредитованному агенту. Продолжать вести дела области так, как они ведутся в настоящее время, признаю я невозможным и ответственность за будущее не могу принять на себя, если Черняев останется военным губернатором области после всего им совершенного. Вижу, что продолжать терпеть еще далее явное неповиновение и превышение власти я не имею права»¹⁵⁵.

Это был ультиматум: либо я, либо Черняев. Государь принял сторону Крыжановского. На Царя, видимо, произвело впечатление не столько непослушание Михаила Григорьевича, сколько сообщение Крыжановского о плохом состоянии войск, расквартированных в Ташкенте: как и его отец, Александр II больше всего ценил в своих солдатах безупречный внешний вид и вымуштрованность.

Из Петербурга в Оренбург 26 ноября 1865 г. ушла шифротелеграмма военного министра: «Его Величество изволил признать невозможным дальнейшее оставление генерала Черняева в настоящей должности: вытребуйте его немедленно в Оренбург»¹⁵⁶.

¹⁵² Там же. Док. 312. С. 224.

¹⁵³ Там же. Док. 211. С. 7, 36.

¹⁵⁴ Там же. Док. 218. С. 48.

¹⁵⁵ Там же. Док. 277. С. 186

¹⁵⁶ Там же. Док. 317. С. 243.

Черняев понимает, зачем его вызывают в Петербург, он пытается переломить судьбу, сохранить за собой пост туркестанского губернатора. Он пишет непосредственному начальнику обстоятельную оправдательную записку. В ней, в частности, сказано: «Обнародование этой прокламации. было бы, по моему твердому убеждению, нарушением моего долга охранять внутри Туркестанской области порядок и спокойствие. Это обнародование может быть безопасным только тогда, когда можно будет без ущерба для наших интересов вывести отсюда войска. Тотчас по взятии города я предложил старшинам независимость Ташкента; они объявили, что вслед за уходом наших войск, даже с занятием нами Ниязбека и Чиназа (укрепления близ Ташкента. – Е. Г.), начнутся беспорядки»¹⁵⁷. В этой записке даются объяснения по всем пунктам обвинения.

Как опытный интриган, Михаил Григорьевич организует поддержку снизу. По его инициативе накануне нового, 1866 г. почтенные люди города подносят ему адрес: «Мы ныне вполне благоденствуем и чистосердечно сознаем, что этим обязаны Вам, как лицу, доставившему нам такое блаженство. и не лишены надежды, что Вы всегда останетесь во главе управления нами...»¹⁵⁸ Те же выразители желаний и настроений ташкентского посада обращаются к Крыжановскому с просьбой оставить им их обожаемого Черняева.

Крыжановский колеблется. Советуется с Милютиным. И генерал-губернатор, и военный министр, в конце концов, люди интеллигентные, деликатные – они не хотят наносить удар по самолюбию Михаила Григорьевича. Дмитрий Алексеевич Милютин к тому же еще и тонкий политик. «Внезапное увольнение человека, – пишет он Крыжановскому, – выказавшего такие блестящие способности и получившего такую популярность в войсках и во всей Средней Азии, вслед за совершением им целого ряда громких подвигов, не может не произвести неблагоприятного впечатления во всех общественных сферах и не возбудить самых разноречивых толков; тем более что необходимость такой меры осталась бы совершенно неизвестной публике»¹⁵⁹. Милютин видит выход в том, чтобы Черняев сам отказался от службы в Туркестане, и для этого у него будет причина – предстоящая женитьба и, соответственно, отказ молодой жены ехать в жаркий, неблагоустроенный край.

Михаил Григорьевич мог бы, наверное, сохранить за собой свой пост, если бы не затеял откровенную авантюру. Желая принудить бухарского эмира освободить Струве и других членов посольства, он снаряжает поход на бухарскую крепость Джизак, а затем дальше – на Самарканд и Бухару. В феврале 1866 г., в разгар зимы, по выюжной пустыне выступает в поход маленький русский отряд – всего две роты пехоты и четыре казачьи сотни при двух орудиях. Как и следовало ожидать, столь незначительное войско не может занять достаточно хорошо укрепленную крепость и отступает с потерями из-под стен Джизака. Крыжановский, до которого доходит слух о зимнем походе, сообщает военному министру: «За всем тем генерал Черняев предпринимает теперь, без всякого сомнения, военные действия, которые могут завлечь нас далеко и стоить дорого». В Петербурге принимают окончательное решение: отозвать! Черняева вызывают в Петербург для доклада военному министру, а вместо него назначают бывшего главного редактора газеты «Русский инвалид» генерал-майора Д.И. Романовского. Появление нового губернатора без предупреждения приводит Михаила Григорьевича в смятение, ярость, слезы. Сначала он даже не хотел передавать дела своему преемнику.

В начале 1866 г. Эсфирь Черняева написала своей сестре письмо во Францию с описанием семейных дел: «Мой второй сын, Михаил, которого ты видела малым и хилым ребенком, ныне генерал, состоит военным и гражданским губернатором Туркестанского края, который он покорил. О нем часто говорят русские и иностранные газеты. До сих пор карьера

¹⁵⁷ Там же. Док. 301. С. 214.

¹⁵⁸ Там же Т. 21. Док. 10. С. 14.

¹⁵⁹ Там же. Док. 41. С. 63.

его очень удачна. Вскоре он должен приехать в Петербург, чтобы жениться на дочери покойного генерала Вулферта, которую хвалят во всех отношениях»¹⁶⁰. Это письмо ушло во Францию почти одновременно с депешей военного министра в Оренбург об отрешении от должности генерал-майора М.Г. Черняева.

Напутствуя своего преемника, Черняев не старался быть любезным: «Когда Вы уезжали из Петербурга, – сказал он, – они (правительство. – *Е. Г.*) не знали положения в области, иначе бы Вас не послали. Но дело сделано, а потерявши голову, по волосам не плачут»¹⁶¹. С тем он и уехал из своего Ташкента 31 марта 1866 г.

Спустя много лет, вспоминая прошлое, Д.А. Милютин назовет причины служебных неудач Черняева: «Капризность и преувеличенное самолюбие заводили его далеко за пределы здравого смысла»¹⁶². Устранение с губернаторского поста покровителя Ташкента было хорошим подарком британским политикам; об этом событии с удовлетворением сообщал в Лондон посол Бьюкенен.

Станным образом, однако Михаил Григорьевич не потерял расположения Императора, который принял его приветливо, обнял, расцеловал, пожурил за конфликт с Крыжановским. А потом сказал: «Посиди здесь года два, а потом получишь такое назначение, что забудешь свой Ташкент». Император ему симпатизировал, а кроме того, ему долгие годы будет покровительствовать Наследник Цесаревич. Из Зимнего он ушел уверенный в благополучном продолжении своей карьеры. В мае состоялась его свадьба с Антониной Александровной Вулферт; молодые сняли квартиру в Гатчине.

В чем причина удивительной снисходительности Императора к офицеру, столь демонстративно нарушающему основы воинской дисциплины и служебной субординации? Во-первых, как говорилось, тот действовал в диапазоне «правительственных видов», во-вторых, аудиенция ему была дана после 4 апреля 1866 г. – то есть после выстрела Каракозова. Император Александр Николаевич и ранее не был абсолютно убежден в правильности либеральных реформ, теперь же, после злодейского покушения, он, ранее колебавшийся, стал больше склоняться к мнению антиреформаторской партии, к которой – это было известно – принадлежал Черняев. Люди антиреформаторской направленности в то время, после покушения, были ему ближе, чем либералы. Михаилу Григорьевичу Император вполне мог сказать, как сказал в те же дни после покушения издателю «Московских ведомостей» М.Н. Каткову: «Я тебя знаю, верю, считаю своим». Все-таки он был свой.

Обнадеженный Императором, устроивший свое личное счастье, Черняев мог быть удовлетворен и тем как решилась судьба Ташкента; в конечном итоге возобладало его мнение на этот предмет. Министерства военное и иностранных дел согласовали свои позиции, и летом в Оренбурге была получена телеграмма: «Если бы жители Ташкента и других местностей, занятых нашими войсками в том крае, вновь выразили просьбу о принятии их в наше подданство, в видах спасения их от замыслов эмира, то Государю Императору благоугодно все-милостивейше соизволить на такое подданство»¹⁶³. За повторным обращением ташкентцев дело не стало, и 27 августа 1866 г. жители крупнейшего города Средней Азии приняли русское подданство¹⁶⁴.

Черняев завоевал Ташкент, и при его активном участии (он подробно излагал свою точку зрения в беседах в МИДе и Военном министерстве) этот город был сохранен для России. Его правота обнаружилась и в другой спорной проблеме – о статусе Туркестанской

¹⁶⁰ Черняева А.М. Летопись семьи Черняевых // Русский архив. 1909. № 2. С. 205–206.

¹⁶¹ ОРГБ. Ф. Милютин. К. 15. № 3. Л. 124.

¹⁶² Там же. С. 125.

¹⁶³ Романовский Д.И. Указ. соч. С. 100.

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 400. Д. 19 за 1866 г. Л. 54–55.

области. По принятой схеме зимой 1866/67 г. был составлен комитет в числе 13 членов, среди которых значилось имя М.Г. Черняева. Комитет заседал на квартире своего председателя Д.А. Милютина и после продолжительных дебатов пришел практически к единогласному решению о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства и самостоятельного военного округа. Против этого, что было естественно, голосовал только Н.А. Крыжановский.

Двумя правительственными решениями о Ташкенте и Туркестане Черняев, казалось, был полностью оправдан. Но при этом получалось, что старался он не столько для себя, сколько для Д.И. Романовского, который теперь был самым вероятным кандидатом на пост начальника Туркестанского края, тем более что, в отличие от Михаила Григорьевича, он занял бухарский Джизак, в придачу Ходжент, Хау, Ура-Тюбе, Яны-Курган, а также добился освобождения посольства Струве, то есть приобрел все права на высокий пост. Возвращение Черняева в Ташкент выглядело маловероятным, и он – который раз – совершает ложный шаг: снова затевает интригу, но на этот раз против Романовского. Новый приятель Черняева И.И. Воронцов-Дашков ходатайствовал за него перед Наследником, но заговорщикам этого показалось недостаточно, и они организовали прибытие в Петербург ташкентской делегации с петицией, в которой осуждались методы управления Романовского; с осуждением победителя бухарцев выступила пресса. Романовский ответил в газете, которую еще недавно редактировал, – «Русском инвалиде», подал в отставку и потребовал официального расследования. Все признаки склоки были налицо. Кончилось все тем, что на пост генерал-губернатора Туркестанского края был назначен генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман.

Самаркандская история

Генерал-губернатор Северо-Западного края (Виленская, Ковенская и Гродненская губернии) Константин Петрович фон Кауфман 1-й осенью 1866 г. по Высочайшему повелению был вызван в Санкт-Петербург. Представившись военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину, Кауфман узнал, что Государь желает беседовать с ним лично. Причины вызова в столицу сообщены ему не были.

По своему обыкновению, Александр II принял Константина Петровича радушно, расспрашивал про Вильно, про настроения в крае, но при этом задавал вопросы не глядя на него и не переставая гладить собаку. Кауфман докладывал, Государь не перебивал. Наконец наступила пауза. Не поднимая глаз, государь спросил:

– Ну а еще что нового?

Александр Николаевич слушал вполуха, нетерпеливо поглаживая пса, наконец поднял глаза на собеседника и, как бы собравшись с духом, заявил:

– А знаешь, Кауфман, я решил отозвать тебя.

Потрясенный неожиданным заявлением, Кауфман быстро овладел собою и, поклонившись Государю, произнес:

– Ваше Императорское Величество, как верноподданный своего Государя, осмелюсь спросить, что это означает: перемену ли системы управления краем или смену только лица?

Император поднялся во весь рост и, погрозив пальцем, сказал:

– Кауфман, ты знаешь: у меня перемены в системе управления не бывает.

Аудиенция была окончена. Охваченный разнообразными чувствами, никого и ничего не замечая, бывший генерал-губернатор направился к выходу.

Так в течение нескольких минут решила судьба одного из сановников империи.

К.П. Кауфман был снят с генерал-губернаторской должности, в которой пробыл полтора года, но с «оставлением в звании генерал-адъютанта», что означало сохранение к нему Царского благоволения.

Нетрудно представить чувства дисциплинированного военного, привыкшего добросовестно исполнять служебный долг, то есть волю своего Государя. Однако, как бы ни был обескуражен опальный генерал-губернатор, он вполне мог догадаться, что послужило причиной его отставки. Кауфмана постигла участь его предшественника на посту начальника Северо-Западного края, М.Н. Муравьева, получившего в среде радикальной интеллигенции прозвище «вешателя».

В самом деле, в 1863–1864 гг. М.Н. Муравьев не церемонился с польскими повстанцами, но одновременно он инициировал и проводил в жизнь правовые акты, позволявшие оторвать крестьянскую массу от мятежных польских помещиков.

Чем энергичнее «вешатель» радел на пользу крестьянскому сословию, тем большее возмущение его действия вызывали в среде сословия благородного. Жалобы шли не только от малочисленной прослойки русских и остзейских помещиков, к российскому престолу апеллировали вчерашние мятежники – польские дворяне. Центральные ведомства, с которыми генерал-губернатор не советовался, зная их любовь к волоките и в то же время понимая, что промедление смерти подобно, тоже не жалели усилий, чтобы развенчать его в глазах Государя. «Принятые генерал-губернатором меры для обеспечения и устройства быта безземельных крестьян в северо-западных губерниях, – доносил Валуев, – не только находятся в прямом противоречии с коренными началами законоположений об устройстве быта. крестьян в означенных губерниях, но и не достигают своей цели в политическом отношении»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Цит. по: *Зайончковский П.А.*. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 376.

Уступив давлению дворянства, Царь в 1865 г. отозвал Муравьева из Северо-Западного края, возведя его, однако, в графское достоинство. В апреле того же года преемником Муравьева стал Константин Петрович фон Кауфман.

Выбор Государя не был случайным. Константин Петрович входил в окружение очень влиятельного в то время военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, человека широких познаний и глубокого ума. Он и его брат Николай Алексеевич были фактическими лидерами реформаторского движения первой половины 60-х гг. XIX в.

Отстранив Муравьева, Царь уступил консервативному дворянству, но назначением Кауфмана как бы подтвердил, что курс преобразований в крае сохраняется. Будучи сам человеком реформаторских убеждений, но и государственным, Кауфман так понимал свою задачу: максимально замирить край, наказать виновных в мятеже, сохранить целостность империи.

Незадолго до своей смерти в 1866 г. М.Н. Муравьев опубликовал записки, в которых упоминал К.П. Кауфмана: «Хотя с немецкою фамилией, но истинно православный и русский, решившись принять на себя тяжкую обузу управления Северо-Западным краем, дал себе твердый обет не отступать от введенной мною системы действий и во что бы то ни стало водворить в крае русскую народность и православие»¹⁶⁶.

Но все повторилось. Те же жалобы и доносы, только круг жалобщиков и доносителей расширился. «В силу административных распоряжений генерал-адъютанта Кауфмана составленные и утвержденные выкупные акты пересматривались, причем понижались выкупные платежи, и крестьяне получали ряд прав, в коих при прежней проверке им было отказано»¹⁶⁷, – доносил по инстанциям новый генерал-губернатор Северо-Западного края А.Л. Потапов. В этом был криминал: «Крестьяне получали ряд прав, в коих. им было отказано».

Александр II находился в тяжелейшем положении. В течение первых десяти лет своего царствования он балансировал между двумя партиями, тянувшими его в противоположные стороны. Александру Николаевичу было невыносимо трудно выбирать между этими двумя партиями.

Изначально умом Государь был на стороне либеральной бюрократии, то есть на стороне партии государственного интереса, но результаты реформ, крестьянской прежде всего, разочаровывали. К тому же у партии сословного интереса появился мощный союзник – революционеры-разночинцы. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял в Александра II. По огромной стране разнеслось: «Разве такое было бы возможно при Николае Павловиче? Вот и допрыгались со своими либеральными опытами!»

В петербургских гостиных говорили, что причиной отставки Кауфмана стало дело Иосафата Огрызко, одного из лидеров польского мятежа, который прятался от правосудия в Петербурге, а Кауфман требовал его высылки в Вильно для предания суду. Так бы и случилось, если бы у Огрызко не было могущественного покровителя в лице шефа жандармов П.А. Шувалова.

Диктатор вел широкий розыск крамолы в центральных губерниях, но поразительным образом благоволил вчерашним мятежникам. «Замечательно, что и к полякам, находясь у власти, он относился снисходительно, отстаивая <...> интересы польских помещиков»¹⁶⁸, – пишет автор биографий российских государственных деятелей К.А. Скальковский. Феномен П.А. Шувалова современники объясняли тем, что шеф жандармов, будучи сам наполювином поляк, был женат на польке и через нее тесно связан с дворянским обществом Польши.

¹⁶⁶ Цит. по: Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891. С. 154.

¹⁶⁷ Цит. по: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 381.

¹⁶⁸ Скальковский К.А. Указ. соч. С. 340.

Можно добавить, что он был восторженным англоманом, так что при такой загруженности посторонними симпатиями для отечественного патриотизма в его душе не оставалось места.

Как бы там ни было, дело Огрызко стало, видимо, последним аргументом, убедившим Императора отозвать Кауфмана из Вильно. Александр II уступил консервативному лагерю, продолжая балансировать между двумя партиями. К 1866 г. для него это стало обычаем. Поэтому у Кауфмана, поселившегося скромным отставником на Васильевском острове, тоже был шанс. А пока после бурных месяцев губернаторства в беспокойном крае время для него затормозило свой бег, и у 48-летнего инженер-генерал-лейтенанта появилась возможность оглядеться, подвести итоги своей карьеры (возможно, она уже была закончена), разобрать архив.

На протяжении всей истории рода, известного с XV в., фон Кауфманы служили многим сюзеренам. Родоначальником рода считается Освальд Кауфман, живший в Тироле в 1444 г. Его сына Эбергарда император Священной Римской империи Фридрих III возвел в 1469 г. в рыцарское достоинство. На протяжении трех веков фон Кауфманы были на виду, занимая важные посты в Австрии, Бранденбурге, при дворе польского короля Станислава-Августа. Один из Кауфманов, Ульрих, был епископом и ректором Венского университета (1533).

В России представители рода – Август и Теодор – появились в царствование Екатерины II. Они служили в русской армии под началом Потемкина, Румянцева и Суворова. Отец Константина Петровича, Петр Федорович, в 9 лет остался сиротой, и Императрица Екатерина назначила ему трех опекунов, в том числе своего секретаря Храповицкого. Закончив шляхетский корпус, он начал ратную службу у А.В. Суворова, участвовал в Отечественной войне 1812 г., в кампаниях турецкой 1828 г. и венгерской 1848 г. За отличную службу ему был пожалован в царстве Польском в Брест-Куявском уезде майорат с годовым доходом 5 тысяч злотых.

19 февраля 1818 г. у Петра Федоровича фон Кауфмана родился сын Константин; произошло это событие в усадьбе Майданы близ Иван-города. По семейной традиции, мальчику была уготована военная карьера. Он начал ее в 14 лет юнкером Главного инженерного училища. Младший Кауфман прекрасно учился и вместе с будущим героем Севастопольской обороны Тотлебенем в 1839 г. был выпущен в армию в чине инженер-поручика. 13 лет молодой военный инженер провел в рядах сражающейся Кавказской армии. Здесь он приобрел опыт ведения боевых операций в специфических условиях колониальной войны, то есть войны регулярной армии с отрядами непрофессионального, но объединенного идеями религиозной и национальной исключительности противника. Офицер инженерной службы участвовал во многих громких делах, в штурмах укрепленных аулов, два раза был ранен, получил многочисленные награды, в том числе знак ордена Святого Георгия 4-й степени, который, как известно, давался за личное мужество в бою.

Крымскую войну полковник Кауфман встретил в должности командира Кавказского саперного батальона. В 1855 г. он назначается командиром гвардейского саперного батальона и в этом качестве участвует во взятии хорошо укрепленной английскими инженерами турецкой крепости Карс. В деле под Карсом Константин Петрович проявил себя не только как способный военный инженер, сумевший эффективно обеспечить осаждавшие крепость русские войска в инженерном отношении, но и как дальновидный аналитик. Он организовал тщательный опрос местных жителей, которые снабжали турецкий гарнизон провиантом и фуражом, и составил четкое представление о запасах того и другого в осажденной крепости. Сделав расчеты, он доложил главнокомандующему Кавказским корпусом Н.Н. Муравьеву, что Карс падет в ноябре. Муравьев поверил командиру гвардейских саперов и усилил плотность осады. 16 ноября 1855 г. 20-тысячный гарнизон капитулировал¹⁶⁹, что резко

¹⁶⁹ Чижов Б.И. Генерал-адъютант фон-Кауфман. Пг., 1915. С. 13.

повысило авторитет 37-летнего полковника в глазах начальства. С восшествием на престол нового Императора (тот короновался, кстати, 19 февраля, то есть в день рождения К.П. Кауфмана), инженер-полковник назначается членом совета Императорской военной академии, а в 1858 г. был включен в состав Свиты Его Императорского Величества, что свидетельствовало о благорасположении к нему Государя.

Став в 1860 г. директором канцелярии Военного министерства, Кауфман активно поддерживал товарища министра, а с 1861 г. главу военного ведомства Д.А. Милютина в его реформаторских начинаниях. Совместные усилия в организации военных округов, новых военных учебных заведений и других нововведений сблизили двух молодых генералов (Кауфман был произведен в генерал-майоры в 1862 г.). С тех пор они стали соратниками-единомышленниками до конца дней Константина Петровича. Именно из недр Военного министерства в 1865 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант К.П. фон Кауфман был «рекрутирован» в генерал-губернаторы Привисленского (Северо-Западного) края.

Теперь же, полузабытый, он скромно жил на Васильевском острове, в то время как «высшие сферы» напряженно обсуждали проблему новых территориальных приобретений на дальних юго-восточных рубежах империи.

11 июля 1867 г. был принят специальный закон: было создано Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей – Сырдарьинской и Семиреченской. По рекомендации Д.А. Милютина генерал-губернатором нового края был назначен К.П. фон Кауфман. Царским манифестом от 17 июля 1867 г. ему были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами»¹⁷⁰. Как писал долголетний его сподвижник Н.П. Остроумов, «Константин Петрович своими распоряжениями иногда даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»¹⁷¹.

Все лето и начало осени Кауфман тщательно готовился к новой миссии: изучал документы, беседовал с десятками людей, бывавших в его генерал-губернаторстве, с руководителями различных ведомств, подбирал сотрудников. За те месяцы, что он оставался в Петербурге, готовясь к отъезду в неведомый край, искусные придворные мастера великолепно оформили Царский манифест, дававший туркестанскому наместнику огромную власть, – это было произведение искусства само по себе. «Сама грамота в золотом глазетовом переплете, – свидетельствовал историк Туркестана М.А. Терентьев, – прошнурованная толстыми золотыми шнурами, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежец и залитыми красным воском с вытисненной на нем большой государственной печатью; большие золотые кисти, прикрепленные к концам шнуров; текст, писанный золотом и крупными буквами в рамке из гербов всех губерний и областей России, красивая подпись Императора Александра II – все это вселяло в именитых туземцев, которым Кауфман не упускал случая показать «золотую книгу», особое к ней почтение и благоговение. Быстро разнеслась молва о «золотой книге» и страшной власти, данной ею Кауфману»¹⁷². Как видим, психология обитателей тех мест учитывалась при подготовке первого генерал-губернатора Туркестана к исполнению его должности. Именно благодаря волшебной «золотой книге» Кауфман получил от покоренного азиатского населения титул «ярым-падшо», то есть «полуцарь». Так называли только его, и никого из его преемников.

¹⁷⁰ Цит. по: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 225.

¹⁷¹ *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899. С. 102.

¹⁷² *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. С. 384.

Кауфман готовился отправиться к месту новой службы в момент серьезного обострения российско-бухарских отношений. Его предшественники – военные губернаторы бывшей Туркестанской области М.Г. Черняев и Д.И. Романовский – в течение 1865–1866 гг. нанесли ряд чувствительных поражений бухарскому эмиру, отторгнув часть его владений. В битве близ урочища Ирджар (8 мая 1866 г.) бухарская армия, возглавлявшаяся самим эмиром Музаффаром, была разбита и после неудачных попыток перейти в контрнаступление, понесла значительные потери, бежала в свои пределы. Вслед за этой победой русские войска захватили город Ходжент и крепость Нау, прикрывавшие доступ в Ферганскую долину. Заняв эти стратегически важные пункты, российская сторона предложила эмиру прислать в Ташкент к оренбургскому генерал-губернатору уполномоченного для ведения мирных переговоров. Эмир согласился с этим предложением, но его посланец не имел полномочий принимать безоговорочно все условия Крыжановского; так он не согласился с требованием последнего выплатить в десятидневный срок контрибуцию в размере 100 тысяч бухарских тилл (крупная сумма). Для Крыжановского это был повод продолжать военные действия – русские отряды вошли в пределы Бухарского ханства и штурмом взяли крепости Ура-Тюбе, Джизак и Яны-Курган, выйдя таким образом на подступы к Самарканду.

После этих побед российского оружия мирные переговоры были продолжены, и к тому времени, когда К.П. Кауфман получил свое новое назначение, уже был готов предварительный вариант российско-бухарского соглашения. Теперь уже Кауфману, а не Крыжановскому следовало подписать трактат, определявший отношения России с самым сильным из среднеазиатских ханств. Ему же предстояло институализировать русско-хивинские и русско-кокандские отношения. И хотя ему была известна осторожная позиция Министерства иностранных дел касательно территориальных захватов, он не был их противником, хотя и не считал вооруженную экспансию главной целью своей будущей деятельности.

Кратчайший путь к месту нового назначения генерал-адъютанта фон Кауфмана был весьма долгим – 4081 верста; путь этот был проложен и кое-как обустроен по приказу бывшего военного губернатора Туркестанской области М.Г. Черняева. В 1870 г. капитаном Маевым был даже составлен и опубликован путеводитель «От Санкт-Петербурга до Ташкента».

О том, как в конце 60-х гг. прошлого века добирались до Ташкента, оставлено немало ярких свидетельств. От столицы до Нижнего Новгорода через Москву добраться можно было весьма удобно – по железной дороге. До Москвы отправлялись три поезда ежедневно: в 8 часов 30 минут, 14 часов 30 минут и 16 часов 30 минут. Самым удобным был почтовый в 14 часов 30 минут; за место первого класса в этом поезде нужно было заплатить 19 рублей, в пассажирском второго класса – 13 рублей, а за третий класс пассажирского совсем немного – 4 рубля 50 копеек. (Через сто лет цены на билеты по этому маршруту оставались теми же.) Пассажиры завтракали, обедали и ужинали в ресторанах и буфетах на станциях во время остановок, которые продолжались от 10 до 45 минут. Можно было также купить целый «семейный вагон», заплатив от 100 до 150 рублей. В этом случае путешествие из Петербурга в Москву становилось чрезвычайно комфортным.

Почтовый прибывал в Первопрестольную за два часа до отбытия нижегородского экспресса, что позволяло без спешки перевезти вещи на другой вокзал и разместиться в вагоне. Ночь в пути, и в 8 часов 16 минут утра путешественники появлялись в Нижнем. Опять же не торопясь, можно было доехать на лошадях до волжской пристани, где уже под парами стоял один из пассажирских пароходов, отбывающих в Самару. Пароходы принадлежали разным компаниям: «Самолет», «Лебедь», «Кавказ и Меркурий» и др.; можно было выбрать любой. Путешествие по Волге длилось двое суток и тоже было комфортным, увлекательным и недорогим – в первом классе за 10 рублей 40 копеек, во втором – за 7 рублей 50 копеек, а в третьем – всего за 3 рубля. Работали рестораны, играла музыка.

Добравшись до Самары, путнику следовало перестать благодушествовать: несмотря на то что почтовый тракт до Оренбурга был хорошо наезжен, многочисленные почтовые станции были удобны и просторны, лошади сыты и хорошо выезжены, ямщики отлично знали свое дело, однако уже в Самаре нужно было озаботиться, дабы «пройти» основную дистанцию от Оренбурга до Ташкента – 1879 верст – с наименьшими потерями. «Почти все проезжающие в Ташкент летом, весною или раннею осенью, – сообщает Маев в своем путеводителе, – запасаются в Самаре тарантасами, и только весьма немногие, при крайней скудости своих денежных средств, решаются ехать степью на перекладных»¹⁷³.

Купив тарантас, его следовало оборудовать для переезда по Дикому полю. «Если тарантас открытый, без верха, то приделывают холщовый навес для предохранения от летнего зноя, а зимою – верх из плотных кошм; в Оренбурге же покупают или заказывают несколько чек и больших гвоздей, гаек, берут запасные оглобли, хомут, а если можно, то и два запасных колеса, веревок толстых (для постромок) и тонких для перевязки в случае надобности сломавшихся частей экипажа. Запасаются также салом для смазки колес»¹⁷⁴.

В Оренбурге начинались настоящие трудности, и путешественники готовились во всеоружии встретить любую дорожную неприятность. Ехавший в Ташкент в 1866 г. по казенной надобности чиновник и одновременно публицист П.Н. Пашино поступил весьма предусмотрительно: «Бывалые люди в Оренбурге объясняют, что в степи на станциях ничего не найдешь. Это последнее обстоятельство я принял к сведению и поторопился завести себе гвозди, веревки, пилу, топор, молоток, долото, бурав, терпуг и пр. Словом, я выезжал из Оренбурга в возке, нагруженном всякою всячиною, как мелочная лавочка: тут были и аптека, и книги, и писчие принадлежности, чай, сахар, всякое копченое, печеное и вареное. Был и погребец, и чайник медный и таган железный. Не забыты дрова и угли. Было все, чего недоставало Робинсону на необитаемом острове»¹⁷⁵.

А вот В.А. Полторацкий, служивший по военному ведомству, взял с собою в тарантас «два ящика с посудой, десять пар различных сапог Лаубе и 15 тысяч папирос Лаферма. а еще белье, платье...»¹⁷⁶. Как при такой загрузке в экипаже помещались сами путешествовавшие (в одиночку не ездили), остается загадкой.

Дорога была отчаянно плохой, хотя называлась дорогою, – приходилось ехать по сплошному разливу рек и ручьев, причем вода достигала высоты колес. Плохие, измученные лошади едва волокли тяжелые тарантасы.

Почтовые станции содержали киргизы (так называли тогда казахов), не имевшие представления о ямщицком деле. Сами станции были тесными, низкими мазанками, порой без мебели. Случалось, что истомленные путники не находили на месте, указанном в путеводителе, долгожданной станции: выяснялось, что станционный смотритель вместе со станцией откочевал верст за двадцать от установленного контрактом пункта: «Лоша все кушал здесь, – гайда другое место»¹⁷⁷. Для кочевников это было так естественно.

Опасаться приходилось и зверей, в частности тигров, и лихих людей. «Нужно знать положение человека, – писал Пашино, – проезжающего в Ташкент во время военных действий, когда две станции между Чимкентом и Ташкентом сняты, когда киргизы шалят: можно попасть в плен, а там, пожалуй, пятки срежут да конских рубленых волос положат; мало ли какого свинства ожидать можно от азиатцев»¹⁷⁸. Впрочем, этим самым «азиатцам» с

¹⁷³ Маев Н. Путеводитель от С. – Петербурга до Ташкента. СПб., 1870. С. 28.

¹⁷⁴ Там же. С. 30.

¹⁷⁵ Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые записки П.И. Пашино. СПб., 1868. С. 3.

¹⁷⁶ Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1895. № 1. С. 117.

¹⁷⁷ Там же. С. 120.

¹⁷⁸ Пашино П.И. Указ. соч. С. 81.

их свинством Пашино сочувствовал и даже ради них впоследствии совершил должностное преступление.

Путешествовавшие таким образом, как Пашино и Полторацкий, добирались до Ташкента обычно за два месяца, однако курьеры пролетали этот путь в два, а то и в три раза быстрее: свежие лошади, «запчасти» к тарантасам для них находились – это была первойшая забота станционных смотрителей.

Кауфман выбрал самый долгий, кружной путь в свой «престольный град» Ташкент. В начале сентября он отправился с большой свитой в Оренбург, затем в Омск, оттуда в укрепление Верное (нынешняя Алма-Ата) и далее в Ташкент. На то были веские причины – нужно было обсудить будущее взаимодействие с оренбургским и западносибирским генерал-губернаторами и познакомиться по возможности с большей частью вверенного его управлению края, занимавшего в то время площадь 14 947 квадратных миль, или 38 712 квадратных километров.

Исключительно важной была его встреча с Крыжановским, который к приезду Кауфмана подготовил договор об отношениях с Бухарой. Документ определял русско-бухарскую границу по хребту Кашгар-Даван, по Нуртыным горам до песков Кызыл-Кум, оттуда к Букан-Тау и к устью Сырдарьи. Россия и Бухара обязывались вести непримиримую борьбу с разбойничьими шайками, открывали свободный доступ купцам в города России и Бухарского эмирата, гарантировали равенство русским и бухарцам в платеже различных сборов; русские получали право строить свои караван-сарай в любом населенном пункте эмирата, иметь на его территории любую недвижимость: суд и расправа в отношении российских подданных оставались в руках русских властей; эмир обязывался защищать русские караваны и русское имущество.

Кауфман считал необходимым добавить к трактату пункт о сношениях эмира с российским правительством только через туркестанского генерал-губернатора, что подчеркивало, с одной стороны, неравноправность правителей России и Бухары, а с другой – исключительные полномочия наместника Туркестана. Крепость Яны-Курган Кауфман решил вернуть бухарцам, тем более что она оказывалась за линией, занятой русскими, и только провоцировала эмира на продолжение борьбы.

14 сентября 1867 г. трактат, подписанный Кауфманом, был вручен бухарскому послу, который к тому времени добрался до Оренбурга. Из Бухары он ехал не торопясь, ведя попутно антирусскую агитацию, подстрекая к дезертирству солдат из татар, а казахов – к разорению русских почтовых станций и укреплений.

Еще не доехав до столицы своего обширного владения, Кауфман получил возможность убедиться в правоте тех старых туркестанцев, которые на многочисленных примерах доказывали ненадежность и коварство должностных лиц среднеазиатских ханств. Впрочем, для русского генерала, сделавшего свою карьеру на Кавказе, это было не внове. В то самое время, когда два генерал-губернатора вели мирные переговоры с бухарским посольством в Оренбурге, бухарцы захватили в плен на проезжей дороге русского офицера и трех солдат.

Вместе с трактатом о мире и сотрудничестве между Российской империей и Бухарой Кауфман отправил эмиру копию Царского манифеста о его назначении туркестанским генерал-губернатором и данных ему полномочиях. Так он поступал и в дальнейшем, известив о том же ханов Хивы и Коканда.

Весь октябрь Кауфман инспектировал новое генерал-губернаторство, по несколько дней останавливаясь в укреплениях на территории нынешнего Казахстана. В укреплении Верное, ставшем через два десятилетия городом Верным, а затем Алма-Атой, он провел неделю. Тогда Верное было административным центром Семиреченской области. По свидетельству очевидцев, Кауфман занимался делами области, крепости и гарнизона с утра до позднего вечера, «принимал всех и выслушивал каждого и тотчас делал свои распоряже-

ния, посылал курьеров в Ташкент с приказаниями для исполнения его распоряжений. К его приезду доклады, делаемые служащими, казались нескончаемыми. И только под вечер он со своею свитой и с обычным конвоем, сотнею казаков, выезжал из крепости обозрывать окрестную местность»¹⁷⁹.

Никогда еще ни одному генерал-губернатору не устраивались столь торжественные встречи, как Кауфману: фактически его принимали и воспринимали как члена Царствующего дома. Гарнизон Верного был выстроен для смотра в полной парадной форме с развернутыми знаменами, что полагалось при встрече только Августейших особ. Около занимаемого им дома были выставлены почетный караул при офицере, а также хор музыкантов и ординарцы от всех войсковых частей и подразделений. «И сам Кауфман – не то что все начальники, до него прибывавшие в край: он не отвергал делаемых ему высоких встреч и помп, – писал непосредственный участник этих помпезных встреч генерал Колокольцев¹⁸⁰, – генерал-адъютант Кауфман, напротив, перед азиатским народом старался сохранить свое достоинство, как посланный от Великого Государя»¹⁸¹.

Торжественный смотр войск, громкая музыка, тренировочная артиллерийская пальба, подношение хлеба-соли – все это было неким театральным действием, имевшим целью внушить населению уважение и почтение к новой власти. В той же крепости Верное Кауфман помиловал несколько разбойников, на казнь которых уже собрались многочисленные зрители из местных жителей. Сделано это было специально, дабы продемонстрировать могущество и милосердие России, ее отличие от грубого деспотизма традиционных мусульманских правителей.

7 ноября 1867 г. генерал-губернатор доехал наконец до своего стольного града Ташкента.

Русский Ташкент был совсем невелик, но это был правильно спланированный городок с площадями и улицами, застроенными побеленными домами из кирпича-сырца с глиняными крышами и без деревянных полов – пиломатериалы были редкостью и ценились дорого. Вдоль улиц, мощенных щебнем, были прорыты арыки, обсаженные еще совсем невысокими пирамидальными тополями, не дающими, к сожалению, столь необходимой в том жарком краю тени. Однако тень можно было найти в публичном парке Минч-Урюк, и не только тень, но и приличный буфет, неотъемлемую принадлежность всякого русского губернского или уездного города. Парк этот достался в наследство от побежденного Черняевым кокандского хана, как, впрочем, и вся территория цитадели, где разместились казармы, а также домики офицеров и чиновников.

В этой ханской урде (цитадели) русские люди жили привычной жизнью. Вот какой ее увидел Пашино в 1866 г.:

«На перекрестке попались мне два пьяных солдата, державшиеся за забор и рассуждавшие между собой вслух.

– Митрич, айда трахнем еще, – говорил один, упираясь спиною в забор.

– Пошел ты к... Подносил я тебе, ты отказался, сказал – не хочу, – рассуждал другой, упираясь в стену затылком, приправляя речь многими непечатными словами.

Потом мы встретили солдата, шедшего обнявшись с сартом и рассуждавшего что-то по-татарски. Солдаты были все в белых рубашках, красноватых штанах и кепи»¹⁸².

Когда Кауфман появился в Ташкенте, русская часть города походила скорее на военный лагерь. Для генерал-губернатора и его канцелярии подходящего помещения не нашлось –

¹⁷⁹ Колокольцев. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцева. М., 1887. С. 18.

¹⁸⁰ В некоторых источниках именуется Колокольцов. (Примеч. ред.)

¹⁸¹ Там же. С. 20.

¹⁸² Пашино П.И. Указ. соч. С. 92.

пришлось остановиться в домике без окон, который отапливался переносной печкой (надвигалась хоть и недолгая, но подчас суровая зима). Весной крыша стала протекать, и, пока ее не починили, Кауфман писал свои донесения Царю под большим зонтом. Однако уже через два года был отстроен просторный и благоустроенный генерал-губернаторский дом, который ташкентцы не без основания называли дворцом. Выпустивший свой путеводитель в 1870 г. Маев мог уже уверенно написать: «Общественная жизнь в Ташкенте устанавливается понемногу. В городе имеется уже клуб, с довольно порядочною библиотекой, устраиваются спектакли, концерты, публичные чтения, вечера, пикники. В кафе-ресторане Розенфельда можно получить обед, весьма недурной и относительно недорогой. Порция каждого кушанья стоит 35 коп. <.> Самый город мало-помалу теряет уже свой прежний бивуачный вид»¹⁸³. Умели обживаться на новом месте наши предки.

В домике без окон первый туркестанский генерал-губернатор продиктовал два письма, которые положили начало окончательному выяснению отношений России с Хивинским и Кокандским ханствами. Кауфман извещал хивинского хана Мухаммеда-Рахима и кокандского Худояра о своем назначении и своих обширных полномочиях, увещевал отказаться от набегов на поселения и кочевья, расположенные на землях, присоединенных к Российской империи, предлагал установить, как теперь бы сказали, взаимовыгодные торговые связи, открыв свободный доступ для русских купцов во все населенные пункты обоих ханств.

Ответных посланий пришлось ждать долго. Только в феврале 1868 г. пришло письмо из Хивы, да и то не от хана, а от его *кушбеги* – премьер-министра и министра финансов одновременно, в котором тот поучал Кауфмана, как ему следовало вести себя в отношении Хивы. Хивинцы давали Кауфману понять разницу между ним, всего лишь подданным русского Царя, и ханом – самодержавным владетелем: генерал-губернаторский уровень приравнивался к уровню кушбеги. По той же причине, видимо, не отвечали другие ханы. Что же касается хивинского хана, то стоит добавить, что от роду ему было всего 20 лет и что он отчаянно увлекался соколиной охотой, а отнюдь не государственными делами.

Проведя в Ташкенте неделю, Кауфман выехал в Ходжент, на передовую линию для обозрения пограничной с Бухарой полосы. Там было официально провозглашено о создании Туркестанских генерал-губернаторства и военного округа. Слух об учреждении Туркестанского военного округа, то есть военно-административной единицы, сформированной для организации боевых операций, быстро разнесся окрест и вызвал переполох, прежде всего в ближайшем к Ташкенту Кокандском ханстве: знать бросала свои дома и усадьбы и переселялась в китайские владения. Вовсе не на такой эффект рассчитывал Кауфман, отправляя к Худояру Кокандскому свое послание.

Новый, 1868 год принес первые очень ощутимые военно-политические успехи наместнику обширного Туркестанского края. В январе удалось мирными средствами убедить Худояра заключить российско-кокандский торговый договор на условиях, продиктованных Кауфманом. Русские купцы получили наконец все требуемые привилегии и льготы: как и для мусульман, для русских устанавливались фиксированные пошлины на ввозимые товары в размере 2,5 процента их стоимости; им гарантировалось свободное и безопасное пребывание в ханстве повсеместно, организация в любом населенном пункте своих складов (караван-сараев); Коканд допускал на свою территорию российских торговых агентов. То был первый шаг к установлению торговой монополии российских товаров на кокандских рынках.

Подписав вместе с туркестанским генерал-губернатором торговый договор, кокандский хан этим не удовлетворился и послал в Петербург посольство, чтобы получить от Императора грамоту и тем самым укрепить в глазах подданных свой пошатнувшийся авторитет.

¹⁸³ Маев Н. Указ. соч. С. 50.

Вперед посольства с объяснениями и рекомендациями от Кауфмана полетел на лихих лошадях курьер генерал-губернатора. В результате посланец хана купец Умидов (говоривший неплохо по-русски) получил для хана искомую грамоту, роскошные подарки и бриллиантовую звезду ордена Святого Станислава 1-й степени; сам же посол был пожалован в чин действительного статского советника и награжден орденами Святой Анны и Святого Станислава 2-й степени. Русские власти не нарушали древнюю, заложенную Римом, традицию щедро поощрять сговорчивых туземных властителей.

* * *

Бухарский эмир не спешил, однако, стать кавалером русских орденов – он готовил отпор новому наместнику русского Царя. Эмир Музаффар не был столь легкомыслен, как хивинский собрат, сверх меры увлеченный соколиной охотой. Музаффар понимал, что в одиночку, даже обладая численным перевесом, русские батальоны ему не одолеть, а потому он упорно в течение семи месяцев сколачивал антироссийскую коалицию, склоняя к участию в ней Хиву, Афганистан, Коканд, Турцию и даже администрацию Британской Индии. Турция и британская колониальная администрация, ответственные участники международных отношений, сразу отказались, остальные потенциальные члены коалиции отвечали уклончиво, но вели переговоры. Именно поэтому эмир Бухары не торопился и ответил, да и то весьма туманно, только после вторичного письма генерал-губернатора, отправленного в начале марта 1868 г.

Потерпев от русских не одно поражение, эмир Музаффар, надо думать, охотно согласился бы на предложения Кауфмана, но он к этому времени оказался заложником традиционной религиозной нетерпимости и бухарского изоляционизма. Фанатичные муллы, улемы и беки требовали от эмира решительных действий против Российской империи, угрожая замкнуть его на бухарском троне его собственным старшим сыном, Абдулмаликом. Воспользовавшись отсутствием эмира, находившегося на богомолье, мусульманские вероучители приняли решение объявить русским священную войну газават, а эмира назвали неспособным управлять своим правоверным народом, поскольку в битве под Ирджаром в мае 1866 г. он спровоцировал бегство своего войска после первых же выстрелов русских солдат. Вернувшись в Бухару, эмир был встречен враждебной толпой, осыпавшей его упреками и угрозами. Музаффару ничего не оставалось, как одному, без союзников (Хива, Афганистан и Коканд в последнюю минуту отказались от противоборства с империей), объявить газават.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.